

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МИРЗОЕВА ЗАРАНГЕЗ ДЖУМАХОНОВНА

**КОНЦЕПТ «ХЛЕБ/НОН» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ
ЯЗЫКАХ**

**Специальность: 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

**диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
Доктор филологических наук,
профессор Нагзибекова М.Б.**

ДУШАНБЕ– 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	11
Глава I. Лингвокультурологический аспект изучения системы языка	
1.1. Антропоцентрическая направленность лингвистики и национальная ментальность.....	12
1.2. Взаимовлияние картины мира и концепта.....	19
1.2.1. Соотношение концептуальной и языковой картин мира.....	19
1.2.2. Понятие концепта в современной лингвистике.....	26
1.2.3. Основные методы исследования концепта.....	36
1.3. Репрезентация концепта в семантическом поле.....	41
Выводы по 1-й главе.....	50
Глава 2. Лексико-семантическая организация концепта «ХЛЕБ/НОН» в русском и таджикском языках	
1. Репрезентация концепта «ХЛЕБ/НОН» в современном русском и таджикском языках.....	51
1.1. Общечеловеческая ценность концепта «ХЛЕБ».....	51
1.2. Гиперо-гипонимический блок концепта «ХЛЕБ/НОН».....	57
1.2.1. Гиперо-гипонимический блок концепта «ХЛЕБ» в русской языковой картине мира.....	58
1.2.2. Гиперо-гипонимические отношения в структуре концепта «НОН».....	69
1.3. Сопоставительный анализ репрезентации концепта «ХЛЕБ/НОН» в общелитературной лексике русского и таджикского языков.....	83
2. Репрезентация концепта «ХЛЕБ/НОН» в паремиологии и фразеологии русского и таджикского языков.....	87
2.1. Логоэпистемы русского языка.....	92
2.2. Логоэпистемы таджикского языка.....	99

2.3. Сравнительный анализ логоэпистем русского и таджикского языков.....	105
3. Семантическое пространство концепта «ХЛЕБ/НОН», представленное в диалектах русского и таджикского языков.....	116
3.1. Репрезентация концепта «ХЛЕБ» в «Толковом словаре» В.И. Даля.....	119
3.2. Репрезентация концепта «ХЛЕБ» в диалектах русского языка.....	120
3.3. Репрезентация концепта «НОН» в диалектных словарях таджикского языка.....	125
3.4. Сопоставительный анализ диалектизмов, репрезентирующих концепт «ХЛЕБ/НОН» в русском и таджикском языках.....	135
Выводы ко 2-й главе.....	141
Заключение.....	145
Список сокращений.....	151
Список использованной литературы.....	152-168

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время когнитивная лингвистика интенсивно развивается, поскольку является междисциплинарной наукой, что и обуславливает рост ее популярности среди ученых. Основной функцией данной науки является выявление причин отличия народов друг от друга, ведь фактически ответ скрывается в человеческом сознании, куда можно проникнуть только посредством языка. Вследствие чего, именно единицы лексики, паремиологии и фразеологии делают возможным понимание сути концепта и образа жизни конкретного народа.

Лингвистика XX-XXI веков отличается интеграционным пониманием языковой сущности как динамической системы, центром которой является человек. Антропоцентрическая тенденция современного языкознания проявляется в особом интересе к возрождению национальной культуры, к исследованию отдельных эпизодов языковой картины мира, к важнейшим средствам выражения особенностей национального мировосприятия. Результаты существующих на сегодняшний день научных исследований свидетельствуют о том, что язык является средством архивирования информации, собранной языковым коллективом за весь период своего существования; что язык является воплощением духа народа, так как «нет ничего ... что не переходило бы в язык, и не было бы через его посредство познаваемым» [34, 44]. Как отображение знаний о мире, истории народа, обычаев, традиций, язык выступает «заместителем всей культуры нации», «зеркалом жизни нации», [70,281] наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса и символическим руководством к постижению специфики национального мировидения.

Системные знания о мире накапливаются в конкретных единицах - концептах, общность которых формирует отрегулированную концептосферу того или иного народа. Термин концепт впервые ввёл С.А. Аскольдов в статье «Концепт и слово», изданной в сборнике

«Русская речь» в 1928 году. [3,267-280]. В своей статье исследователь дает определение концепту как мысленному образованию, замещающему нам в мыслительном процессе неустановленное множество однородных предметов. Исследование термина концепт было продолжено Д.С. Лихачевым, который объясняет существование концепта не для самого слова, а отдельно для каждого стержневого значения слова. Концепт, по мнению ученого, есть факт сближения лексического значения слова со знаниями человека [70, 280-288].

Актуальность диссертационной работы обусловлена проблематикой одного из основных направлений развития лингвистики, обращенного к изучению всесторонних связей языка, мышления и духовной культуры. Исследование концептов позволяет выявить общие закономерности и специфику человеческого постижения мира при помощи языка. Антропоцентрическая парадигма послужила главным направлением данного исследования, ориентированным на изучение языковой картины мира носителей языка.

Концепт «ХЛЕБ/НОН» может быть репрезентирован как концепт многофункционального характера, так как он выступает в качестве всеобъемлющего компонента культуры будничной повседневности. С другой стороны, данному концепту свойственна национальная специфика, в частности в России и в Таджикистане. Национальный характер значимого фрагмента народной культуры является актуальным предметом исследования как в теоретическом, так и в историческом аспектах.

Степень разработанности проблемы. В русской лингвистике проблемам языковой объективации концептов в настоящее время уделяется много внимания. Вопросам теории концепта посвящены работы Н.Д. Арутюновой, С.Г. Воркачева, В.В. Воробьева, Н.В. Гришина, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, В.А. Масловой, Л.Б. Никитина, М.В. Пименовой, В.Н. Телии и др. Однако семантическое пространство концепта ХЛЕБ/НОН до сих не являлось

предметом последовательного сопоставительного анализа в русском и таджикском языках. Большинство опубликованных ранее работ не ставило целей сопоставления и рассматривало репрезентацию исследуемого концепта преимущественно в русском языке. В частности, языковые репрезентации концепта ХЛЕБ анализировались на материале литературного языка в работах В.П. Синячкина, на материале диалектной лексики в работах Л.И.Анохиной, И.С.Лутовиновой и Л.С.Зинковской. На сегодняшний день таджикская концептуальная картина мира еще не была предметом специального исследования, проводились лишь единичные исследования по сравнительно-типологическому изучению отдельных концептов. К таковым относятся работы молодых ученых Гуловой З. «Концепт «Еда» в русском и польском языках», Мамедовой М.Дж. «Концепт «ум» в таджикской и русской языковых картинах мира». Отдельные сведения о таджикской концептуальной картине мира приводятся в сопоставительно-типологических исследованиях по вопросам семантических полей, к которым можно отнести работы Мирзоева Х.Х., Махдии Мухаммадбегии Косвои, Гадайбаевой У.А. и др.

Предметом исследования является сопоставительный анализ языковых способов актуализации концепта ХЛЕБ/НОН в русском и таджикском языках.

Объектом исследования послужил концепт ХЛЕБ/НОН как фрагмент концептуальной картины мира русского и таджикского языков, репрезентированный в общелитературной и диалектной лексике, а также в паремиологии и фразеологии.

Цель данного исследования заключается в выявлении концептуальной специфики и описании языковых способов репрезентации концепта ХЛЕБ/НОН в сопоставительном ракурсе, а также в моделировании фрагмента языковой картины мира носителей русского и таджикского языков.

Достижение данной цели предполагает **решение следующих задач:**

- изложение теоретических и методологических основ исследования, представление его категориального аппарата;

- определение и последующий сопоставительный анализ языковых репрезентантов концепта ХЛЕБ/НОН в общеупотребительной лексике современного русского и таджикского языков;

- выявление и последующий сопоставительный анализ способов актуализации концепта ХЛЕБ/НОН в диалектной лексике исследуемых языков;

- представление в сравнительном плане фрагмента языковой картины мира, эксплицированной концептом ХЛЕБ/НОН и отраженной в идиоматике русского и таджикского языков.

Методы исследования. Для достижения цели и решения поставленных в работе задач по исследованию концепта ХЛЕБ/НОН в русском и таджикском языках используется ряд методов и приёмов анализа, выработанных в современной лингвистике. Основным методом исследования явился сопоставительный анализ, направленный на выявление общего и частного в рассматриваемых тематических группах. В работе используются также и другие методы лингвистического исследования: описательный метод с его основными компонентами - сбором материала путем сплошной выборки из словарей, обработкой, сопоставлением, интерпретацией и обобщением; метод концептуального анализа, используемый для выявления способов актуализации концепта и стоящих за ним фрагментов языковой картины мира с помощью языковых и культурно-языковых данных; дистрибутивный, направленный на изучение сочетаемости лексемы *хлеб* - репрезентанта концепта ХЛЕБ/НОН; контекстуальный анализ привлекался при обнаружении дифференциальных семантических признаков слов, формирующих концепт ХЛЕБ/НОН; структурные методы, включающие в себя метод компонентного анализа, оппозиционный метод, метод организации семантического поля.

Методологической базой исследования послужили труды известных русских, таджикских и зарубежных лингвистов в области теории языкознания в целом и когнитологии в частности, таких как С.А.Аскольдов, В.В.Виноградов, С.Г.Воркачев, Г.-Х.Гадамер, В.фон Гумбольдт, В.А.Капранов, В.И.Карасик, Е.С.Кубрякова, М.Н.Косимова, Д.С.Лихачев, Х.Маджидов, В.А.Маслова, М.В.Пименова, Д.Саймиддинов, В.Н.Телия, В.Н.Ярцева и др.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что наименования хлебной лексики общелитературного и диалектного пласта русского и таджикского языков впервые представлены как семантическое пространство, оформляющее концепт ХЛЕБ/НОН. Репрезентанты указанного концепта характеризуют определенный фрагмент реальной действительности. Сопоставительный анализ языковых способов экспликации концепта ХЛЕБ/НОН в идиоматических выражениях, литературной и диалектной лексике исследуемых языков до настоящего времени не попадал в поле зрения исследователей, потому анализируемый материал уже сам по себе имеет научную ценность.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Экспликация исследуемого концепта представляет собой выявление мира ассоциаций, образов, представлений, паремий и культурных традиций, другими словами, репрезентация концепта ХЛЕБ/НОН и его значимость обусловлена экстралингвистическими факторами.
2. Гиперо-гипонимические отношения в структуре концепта ХЛЕБ/НОН являются важнейшим конституирующим принципом организации лексического состава сопоставляемых языков и базируются на родовидовой концептуальной общности лексических единиц.
3. В сопоставляемых языках концепт ХЛЕБ/НОН репрезентирован такими единицами лексического фонда языка,

эксплицированного как общелитературным, так и диалектным составом, которые обозначают наименования хлеба, объединяемые интегральными и различаемые дифференциальными семами.

4. Концепт ХЛЕБ/НОН получил широкое представление также и в идиоматике двух языков, поскольку в паремиологических и фразеологических единицах в наибольшей степени отражается культурно-исторический опыт народов. Лексема ХЛЕБ служит стержневой и концептуальной доминантой пищевого кода культуры в русской и таджикской языковых картинах мира.

Материалом исследования послужила авторская картотека лексических и идиоматических единиц, составленная на основе сплошной выборки из «Толкового словаря русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И.Даля, «Фразеологического словаря русского языка (под/ред. Молоткова А.И.), «Пословицы и поговорки русского народа» В.И.Даля, «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (под/ред.С.Назарзода), «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ (под/ред.Д.Саймиддинова), «Русско-таджикского словаря», «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷикӣ» М.Фозилова, «Ғиёс-ул-луғот», «Фарҳанги Доро», «Бурҳони Қотъ» Мухаммадхусайна Бурҳони», «Луғати мухтасари лаҳҷаҳои Бухоро» (сост. М. Махмудов, Б. Бердиев), «Фарҳанги ғӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ» (сост.М.Махмудов, Г.Джураев), а также извлеченная из художественной литературы, в частности произведений С.Айни на таджикском и русском языках и произведений А.Н. Толстого.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке и уточнении основных категорий лингвистической концептологии и лингвокультурологии в целом, в также в изучении фрагментов концептосферы сопоставляемых языков. Полученные выводы могут быть применены в дальнейшей разработке и совершенствовании теории

сопоставительно-типологического исследования лексико-семантического строя языков.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов по лингвокультурологии, лингвострановедению, лексикологии и семантике русского и таджикского языков, а также при создании тезауруса концептов русской и таджикской культур. Результаты исследования окажут содействие в дальнейшем углублении представлений о концепте в сравниваемых языках, что позволит внести посильный вклад в решение насущных проблем когнитологии и концептуальной картины мира.

Личный вклад диссертанта определяется тем, что впервые изучается репрезентация и экспликация концепта ХЛЕБ/НОН в современном русском и таджикском языках как в плане общелитературной и диалектной лексики, так и в идиоматическом аспекте.

Апробация основных положений и результатов диссертации проводилась в виде докладов и сообщений на Международной научно-практической конференции «Русский язык в международном диалоге: Проблемы функционирования и преподавания русского языка в персоязычных странах (19-21 ноября 2012г.), Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в современных реалиях» (29-31 января 2014г.), Международной конференции «Актуальные вопросы филологии и педагогики: Язык. Литература. Перевод». (23-25 октября 2014г.), Международной конференции «Русский язык в международном диалоге: проблемы функционирования и преподавания русского языка в персоязычных странах» (30-31 октября 2015г.). Основные положения исследования отобразились в 11 публикациях, в том числе 3 из них в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании

кафедры общего языкознания и сравнительной типологии факультета русского языка и литературы Таджикского национального университета (протокол № 7 от «1» марта 2016г.) и на заседании кафедры русского языка филологического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета (протокол № 10 от «29» апреля 2016г).

Структура и объем диссертации predeterminedены заявленной целью и поставленными перед ней задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы составляет 168 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

1.1. Антропоцентрическая направленность лингвистики и национальная ментальность

Лингвистика традиционно характеризуется тремя научными парадигмами: 1) сравнительно-исторической, имеющей отношение к языкознанию XIX века и основанной на сравнительно-историческом методе; 2) системно-структурной, в центре внимания которой находится слово; 3) антропоцентрической, «возвратившей человеку статус «меры всех вещей» и вернувшей его в центр мироздания» [20, 64]. Данная научная парадигма подразумевает переключение интересов исследователя «с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке [77, 6].

Антропоцентрическая парадигма получила свое формирование и дальнейшее развитие в лингвистике во второй половине прошлого века. При интеграционном понимании сути языка как динамической системы, основной составляющей которой является человек, лингвистика отдаляется от изучения языка как системы, от исследования языка в самом себе и для себя. Интерес исследователей последних лет более всего направлен на анализ когнитивных и культурологических вопросов языка как культурного феномена.

Как известно, язык в социуме выполняет ряд функций, в том числе, безусловно, функцию средства общения. Однако современное языкознание уделяет больше внимания гносеологической функции языка, которой, согласно Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову, свойственны две подфункции: первая - дискурсивная функция языка, соответствующая мышлению, формированию мыслей, то есть процессу познавательной деятельности человека; вторая - кумулятивная функция языка, соответствующая сознанию, делающая возможным мышление, то

есть статичному плану познания. Это отображение и архивирование в единицах языка информации о познанной человеком действительности [18, 6]. Следовательно, в языке содержится информация, собранная языковым коллективом, существующим в конкретной экологической среде и познающим ее в динамических, но свойственных только для него условиях [33, 3].

Язык всегда имел статус самого яркого определяющего качества этноса. Вопросы языка и культуры, языка и человека были одними из центральных в лингвистике XIX века и рассматривались в трудах В.фон Гумбольдта, Э.Бенвениста, Г.Штейнталя, А.А.Потебни и других ученых.

Основоположником антропоцентрического подхода признан В. фон Гумбольдт, в чьих трудах язык раскрывается как «внешнее проявление духа народов». Дух народа, по В. фон Гумбольдту, заключается в языке. Различные языки, таким образом, представляют различные мировоззрения, то есть в каждом отдельно взятом языке заложено самобытное мирозерцание [34, 68]. Человек познает мир, окружающую действительность, предметы именно при помощи того, как их «преподносит ему язык», потому что «язык есть орган, образующий мысль» [34, 75-80].

Начиная со второй половины прошлого столетия многочисленные междисциплинарные научные направления, такие как лингвокультурология, этнолингвистика, стали рассматривать язык как отражение национального духа, ведущее к человеку, или же, наоборот, как средство, ведущее от человека к миру. Подобная тенденция противоречила лингвистическому структурализму XX века. Иначе говоря, человек познает мир сквозь призму антропоцентрической парадигмы «через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в мире», что дает возможность «творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей», определяющий его «духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей [77, 6].

К проблемам языковой, исторической, культурной и антропоцентрической корреляции обращается лингвофилософия. Так, Г.-Х. Гадамер, поддерживая концепцию В. Гумбольдта о «видении языка как видении мира», полагает, что именно язык представляет собой основание и выражение того, чем для человека является мир в целом. По мнению Г.-Х.Гадамера, немаловажную роль в этом вопросе играет традиция, поскольку мы постоянно находимся в рамках традиции, мы не вправе игнорировать историческое прошлое и отдаляться от него. Философ отмечает значение человека в интерпретации исторического прошлого: постижение подразумевает индивидуальное дискурсивное трактование исторического прошлого толкователем и его аппликацию к тому культурному состоянию, в которой он находится [27, 464]. Следовательно, Г.-Х. Гадамер подтверждает существование наивной картины мира и указывает на первостепенное значение истории, традиции, культурного состояния, то есть всего того, что формирует национальную ментальность. Ведь именно ее целостное воздействие формирует наивную картину мира каждой личности, представляющей данную нацию.

Теория В. фон Гумбольдта в XX веке была развита его последователями - неогумбольдтианцами, согласно учению, которых для каждого родного языка характерны следующие особенности:

- язык представляет собой форму общественного познания. То есть существует некий универсальный закон человеческого языка, который включает в себя, во-первых, закон родного языка, ибо языки определенных народов эксплицируют для своих носителей заархивированную в их понятийном запасе уникальную структуру действительности, во-вторых, закон детерминированного языком бытия, поскольку понятийная система определенного языка характеризуется как итог процесса языкового постижения и модифицирования мира;

- язык является действующей силой, проявляющейся в информировании носителей языка об определенной картине мира;

- язык выступает в качестве посредника символического мировосприятия в пределах конкретного языкового социума, в качестве промежуточного мира между постигающим субъектом и постигаемым миром;
- язык является хранителем конкретной картины мира и особого медиума ее формирования;
- язык представляет собой феномен культуры, характеризующийся первичностью по отношению к обыденному сознанию, религии, технике, праву;
- язык выступает в качестве основы идиолекта его носителя [100, 20-30].

Для отражения сложности и многогранности такого явления, как язык, Ю.С.Степанов представил его в виде нескольких образов. По мнению ученого, язык представляет собой язык индивида; члена семьи языков; структуру; систему; тип и характер; компьютер; пространство мысли и «дом духа» [121, 67]. В конце XX века язык стали характеризовать и как «продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов» [77, 6].

«Все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры» [77, 8].

В свою очередь, культуре свойственна коммуникативно-целостная, ценностная и символическая природа, поскольку язык не только находится в полной корреляции с ней, он существует и развивается в ней и служит средством ее отображения. Ведь, как известно, «все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем» [78, 3].

Концепция взаимосвязанности двух понятий – «культура» и «язык» – нашла свое выражение в лингвокультурологии – науке, сформированной на стыке языкознания и культурологии, которая призвана исследовать отображение культуры народа, выраженного и закрепленного в языке. Основными понятиями категориального аппарата этой дисциплины являются термины «языковая личность» и «концепт».

В современной лингвистике известно множество подходов к исследованию языковой личности. Под этим термином подразумевается человек как носитель языка, выделенный в плане его способности в речевом функционировании, по сути – речевая личность.

В настоящее время в лингвистических исследованиях коренные изменения претерпевает тезис о мировосприятии людей сквозь призму своего языка. Язык и говорящая на этом языке ограниченная культура не имеют однозначного соотношения. Язык по сути не представляется существенным фактором, создающим национально-культурный характер, а выступает лишь в качестве средства его выявления и фиксации.

Антропоцентричные тенденции в культурологии позволяют говорить о ментальных и «силовых полях», распространенных вокруг культурного ресурса, выходящих за рамки этой культурной формы и охватывающих «окрестности» культурного пространства. Ментальные поля, опоясывающие всевозможные культурные формы, соединяются друг с другом и формируют единое ментальное поле, пронизывающее всё пространство какой-либо национальной культуры или отдельного социокультурного мира. Ментальное поле представляет собой тот «дух культуры», который действует на воображение чужестранцев. Под его влиянием в социуме формируется свойственная для той или иной культуры система ассоциаций, эмоций, жизненных приоритетов людей, определяющая их общее восприятие мира. Этот комплекс называют менталитетом или ментальностью.[51, 212].

Термин «менталитет» впервые был введен в научный обиход Л. Леви-Брюлем в начале XX столетия и эксплицируется понятиями «стиль культуры», «образ мыслей», «умонастроение» «духовная настроенность». Современная наука рассматривает понятие «менталитет» как способ, призванный «объединить в себе многообразие смыслов и значений, ... ассоциирующихся с проблемой национального своеобразия культуры» [58, 514]. Под термином «менталитет» понимают «устойчивый способ специфического мировосприятия, характерный для больших групп людей (этносов, наций или социальных слоев), обуславливающий специфику их реагирования на феномены окружающей действительности» [117, 477], то есть исследуемое понятие выступает в качестве проекции ментального пространства культуры на человеческую психику.

Конкретизируя понятия «менталитет/ментальность», А.С.Кармин указывает на следующие главные их характеристики:

1. Менталитет отображает характерные черты конкретного культурного типа, специфический образ мыслей, складывающийся у представителей этой культуры. Ментальность продиктована не человеческим устройством и закономерностями психики, а культурной самобытностью.

2. Менталитет представляет собой исторически предопределенный феномен. Менталитет сохраняет почти один и тот же вид в течение значительных исторических периодов. Его трансформация возможна только в связи со значительными культурными переменами.

3. Менталитет становится составляющей структуры индивидуальной человеческой психики в ходе его знакомства с данной культурой. Любой ребенок познает менталитет своего народа лишь после освоения своего национального языка.

4. В менталитете сливаются воедино и приобретают сходство общественное и индивидуальное. Он является и общественным явлением, выступающим в качестве независимой от отдельных людей

социокультурной действительностью, и личностным феноменом, характеризующим психику отдельно взятого индивида. Национальный менталитет параллельно является и ментальностью его отдельных представителей, поскольку, освоив с первых лет своей жизни менталитет своего народа, каждый индивид расценивает содержащиеся в нем ассоциации как свои собственные, индивидуальные представления. Но все же ментальность культуры представляет собой явление надиндивидуальное и выходит за рамки психики отдельной личности.

5. Менталитет пускает корни в бессознательные глубинки психики человека, вследствие чего постижение его содержания его носителями допустимо только ценой особых усилий [51, 213-214].

Следовательно, содержание понятия «менталитет» охватывает предметную область когнитивной сферы сознания, в частности знания, воззрения, верования; иерархию ценностей, превалирующие интересы, стереотипы, определяющие особенности реагирования личностей и социума той или иной эпохи, географической целостности и социальной среды на окружающий мир. Менталитет соединяет рациональную и эмоциональную сферы и формируется на традициях культуры, общественных структур, кроме того, характеризует глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания.

В современном научном мире превалирует тенденция реконструкции целостной наивной картины мира и выявления характерных для национального мировосприятия особенностей, то есть изображения национально-специфичной модели картины мира отдельно взятого этноса. Язык в таком случае рассматривается как «концентрация духовного богатства», «знамя духовности» [70, 7]. Национальные особенности этноса репрезентированы в мифах, легендах, традициях, особом строе мышления, отображающемся в языке. Таким образом, «именно язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [54, 79].

Ученые, исследующие проблемы ментальности, убеждены, что духовная энергия народа трудно поддается вычленению и определению, так как она нематериальна: «Ментальность не фиксируется и не определяется сознанием, не формируется дискурсивно, но в большей степени переживается (эмоционально, чувственно) и реализуется (поведенчески, спонтанно)», эта «абстрактность выразима лишь в условных метафорических, ассоциативных формах или воспринимается интуитивно и провиденциально» [58, 516]. Г.Д. Гачев называет «воплощение чего-то большего, что объединяет людей в единую нацию, этнос», образным априоризмом, силовым полем, которое проистекает из всего бытия данного народа, включая и особый склад природы (материю, вещество), быт, язык, историю, культуру, этнос и характер (психику) [28, 63].

Центральными объектами всего бытия являются человек и язык. Именно при помощи языка человечество постигает свою историю. Посредством языка потомкам передается бесценное наследие культурных, нравственно-этических, философских, научных знаний той или иной нации и всего человечества. В языке воспроизводится вся окружающая человека реальность и вся его жизнь, то есть аккумулированный индивидуальный опыт. Преломляясь в человеке, все эти знания получают свой уникальный, персональный оттенок.

Следовательно, для каждого народа характерен свой культурный, национально-специфичный колорит, своя картина мира и национальная ментальность.

1.2. Взаимосвязь картины мира и концепта

1.2.1. Соотношение концептуальной и языковой картин мира

Современный этап формирования лингвистической мысли доказывает бесспорность тезиса о том, что понятие картины мира принадлежит к фундаментальным понятиям, эксплицирующим

особенность человека и его бытия, его взаимосвязь с миром, а также важнейшие условия его существования в мире.

О явлении «картина мира» и ее представлении в знаковых формах следует говорить со времени выделения человека из окружающего мира и постижения отношений «я и мир». «Специфичность существования человека в мире обнаруживается в конституировании им реальности, противопоставляемой остальному миру», для ориентации в котором человеку необходима картина мира [139, 188].

Сформировавшись в исследованиях физиков Г.Г. Герца и М. Планка на рубеже XIX-XX столетий, термин «модель (картина) мира» занял лидирующие позиции в научной терминологии наших дней. Л. Витгенштейн под понятием «картина мира» подразумевает триаду язык-мысль-мир. Согласно мнению этого философа, картина мира – это модель, изображающая и отражающая действительность, это реальная картина, поскольку представляет собой факт. Картина содержит мысли, а из этого следует, что язык, языковые выражения не что иное, как схематичное выражение мысли [4, 160].

В философии под этим термином понимают мировосприятие, мировидение, «совокупность предметного содержания, которым обладает человек» [117, 201].

Бесспорно также положение о неразрывной связи картины мира с мышлением, высшей познавательной способностью человека. Картина мира, существующая в культуре, как наиболее целостная система образов и характеризующая порядок, обусловлена ментальным полем культуры в совокупности с существующими в «категориальной сетке» ментальными комплексами. [51, 225]. Картина мира выступает как «отраженное бытие», а понятие «мир», картина которого подлежит описанию, обозначает «результат переработки информации о среде и о самом человеке» [127, 161].

Разнообразные определения и трактования понятия картины мира, бытующие в современном научном мире, ставят в центре внимания факт отображения в сознании человека окружающего мира: «совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности» [88, 182], «результат переработки информации о среде и человеке» [77, 61], упорядоченная картина знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании [92, 4]. Следовательно, несомненным признаётся учение о картине мира как о «сетке координат, посредством которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [35, 64].

Подобно другим ментальным образованиям картине мира не свойственны четко обрисованные очертания, она состоит из логически плохо сочетающихся компонентов, двусмысленных и неопределенных образов, «белых пятен» проблем, остающихся без разрешения. Картина мира представляет собой многослойный и поливариантный феномен, поскольку является накопителем доступных компонентов научных знаний, религиозных верований, показателей жизненного опыта, при этом логика объединения всех этих разнотипных компонентов довольно расплывчата и неоднозначна, что способствует возможности различных вариантов отбора, упорядочения и интерпретации содержания этой картины [51, 225].

С учетом многоплановости анализируемого предмета, в языкознании закрепились дифференциация языковой и концептуальной картин мира:

«Концептуальная картина богаче языковой картины мира, поскольку в ее образовании участвуют различные типы мышления» [113, 107]. Картина мира представляет собой более сложный феномен, чем языковая картина мира, являющаяся фрагментом концептуального мира человека, содержащего языковую «привязку». «Не все, воспринятое и

познанное человеком, не все прошедшее и проходящее через разные органы чувств и поступающее извне по разным каналам в голову человека, имеет или приобретает вербальную форму. Не все отражается с помощью языка, и не вся информация, поступающая извне, должна быть пропущена через языковые формы» [66,142].

Разграничение научной и наивной картин мира считается признанным положением. Научная картина мира понимается как «система наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых в науке и выражаемых с помощью понятий и принципов этой науки» [98, 36], система знаний, «полученных в различных науках, целостный и обобщенный образ мира, включающий представление о природе, обществе и человеке» [89, 5-6].

В отличие от научной картины мира, наивная картина мира формируется на основе наивных понятий, применяемых человеком свободно и необусловлено от его познаний в научных дисциплинах и постижения научной картины мира. Наивная картина мира, согласно Ю.Д. Апресяну, образуется из «наивного понятия о вещи», развивается веками и отображает материальный и духовный мир человека [1, 257].

Ю.Д. Апресян также различает научную и наивную картины мира, поскольку главным творцом наивной картины мира является не ученый, а простой человек. Ведь любой индивид вносит в картину мира свои ассоциации, желания и опыт. Наивное представление не является свидетельством примитивности и незамысловатости картины мира: «мир наивен в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира ... наивные понятия не менее сложны и интересны, чем научные» [1, 351]. Более того, наивная картина мира отображает весь комплекс материального и духовного опыта людей, носителей определенного языка. Наивное представление о мире закрепляется языком и, несомненно, демонстрирует знания и культуру говорящих на этом языке [89, 11]. Вследствие чего, данная наивная картина мира может быть необъяснимой для носителя другого языка, не

владеющего таким же запасом мифических, суеверных или исторических знаний.

Итак, бесспорно положение о неразрывной связи между наивной картиной мира и языковой картиной мира, что дает основание лингвистам признавать языковую картину наивной. Необходимо отметить, что главным средством представления как научной, так и наивной картин мира выступает язык, и, следовательно, они имеют соотношение с языковой картиной мира (несмотря на то, что научная картина мира чаще всего выражается другими знаковыми формами (математическими знаками и формулами)).

Все виды картин мира, кроме языковой, в научно-философской литературе называются концептуальными. Относительно статуса языковой картины мира в науке до сих пор нет единого мнения. Дискуссионным остается также вопрос о том, может ли языковая картина мира считаться самостоятельным средством экспликации других картин мира. Ученые, поддерживающие теорию В. Гумбольдта о языковой динамичности (Л. Вайсбергер, Э. Сепир, Б. Уорф), рассматривали языковую картину мира как самостоятельное явление. На современном этапе развития лингвистики участвующие в этой полемике ученые пришли к заключению, что особенность языковой картины мира заключается в том, что она не формирует самостоятельной картины мира, функционирующей параллельно с концептуальной картиной мира, но в то же время не проявляет ей тождественности. Согласно Г.В. Колшанскому, «язык на одном этапе своего развития не выступает в качестве самостоятельной креативной силы и не создает своей собственной картины мира, он лишь фиксирует концептуальный мир, первоначальным источником которого является реальный мир» [57, 15].

Языковая картина мира детерминирована в национальном и историческом аспекте. Экспликация мира в языке создает почву для взаимосвязи культурной традиции и языка, являющегося ее составляющей, то есть «культурным кодом» [126,43]. Согласно мнению

Г.-Х. Гадамера, мы постоянно находимся в рамках традиции, мы находимся в зависимости от исторического прошлого [27, 510].

Для каждого естественного языка на том или ином этапе исторического процесса характерно новое восприятие действительности, наложение на нее существующей «сетки координат» и членение на свой собственный лад, фиксация конкретного способа формирования мира. Складывающиеся значения и понятия объединяются при этом в какую-либо единую систему взглядов, ценностей, целей, своеобразную «коллективную философию» [1, 39], которая «навязывается» как обязательный элемент всем носителям языка. В свою очередь, у носителя языка существует критерий, который он примеривает к реальному миру. Этот критерий - слова, в которых запетлен «дух народа» и которые формируют его культуру [136, 133]. Язык зарождает в человеке определенные знания о мире. Следовательно, в языковой картине мира соединяется традиция и новое мировосприятие. Каждый временной отрезок в языковом сознании характеризуется своим образом мира.

Национальный язык, по Д.С. Лихачеву, выступает в качестве «сжатого» «алгебраического выражения всей культуры нации», национальный язык является «заместителем» культуры [70, 6]. Язык представляет собой моделирующую систему, создающую неповторимую таксономическую картину этого мира и механически придающую всякому вневелингвистическому сообщению, передаваемому в речи, когнитивный портрет, семантическое толкование, соответствующее оригинальной и самобытной логике, философии, поэтике определенного языка [85, 14]. Наивные картины мира, поражающие следующие поколения великолепием и разумностью, созданы посредством именно творческой фантазии, свободы воображения, полета человеческой мысли.

А.Ю. Корнеева полагает, что «концептуальная картина мира, рассматриваемая на уровне общественного сознания, является почти зеркальным отражением языковой картины мира, хотя языковая картина

мира создается исключительно языковыми средствами, а концептуальная – средствами ментальными» [59, 251].

Концептуальная картина мира - это информационная система об объектах, значимостно и потенциально репрезентированная в деятельности индивида. В пределах такой системы концепт является единицей информации, в его функции входит фиксация и актуализация культурологического, понятийного, ассоциативного, эмоционального, вербального и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру ККМ.

Универсалия "концептуальная картина мира" тесно взаимосвязана с понятием концептуализации. Концептуализация представляет собой значимый процесс познавательной деятельности человека: постижение человеком полученной информации сопутствует образованию концептов и всей концептуальной системы в психике человека [63, 93].

В свою очередь, концептуальная система или структура представляет собой «тот ментальный уровень или ту ментальную (психическую) организацию, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [63, 94].

Р.И.Павиленис, рассматривая концептуальную картину мира с позиции логики и философии, оперирует в своих работах терминами "концептуальная система" и "концепт", подразумевая под ними непрестанно «конструируемую систему информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [86, 280].

Следовательно, исследование языковой картины мира актуально для описания и моделирования концептов и, значит, концептуальной картины мира, компонентами которой они и являются, так как в таком случае языковые знаки служат средством доступа к концептосфере человека, а также делают возможным выявление когнитивных структур сознания, означенных языком.

1.2.2. Понятие концепта в современной лингвистике

В центре внимания современной лингвистики находятся междисциплинарные исследования, корреляционным компонентом которых выступает термин «концепт». Исследование национально-культурных характеристик языкового осмысления является главной проблемой в области концептуальных разработок.

На сегодняшний день в лингвистике существуют несколько дефиниций термина «концепт». Так, согласно формулировке, приведенной в словаре когнитивных терминов, концепт (лат. *conceptus, conceptum* - «понятие») - «...оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике». Тогда как ментальный лексикон - это «...система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах, и выполняющая сложные функции, связанные как со словами, так и стоящими за ними структурами репрезентации энциклопедических знаний» [65, 97-99].

Концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, «посредством чего человек – рядовой, обычный человек», «не творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [121, 67]. Согласно мнению С.Г.Воркачева, «выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, - это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания. По существу, в концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности как закрепленного в семантической системе естественного

языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка» [20, 67].

На современном этапе следует признать, что именно концепт может стать стартовым понятием когнитивной лингвистики. Однако, хотя понятие «концепт» в современной когнитивистике считается устоявшимся, содержание данного понятия значительно варьируется в теориях различных научных школ и некоторых исследователей.

Поскольку концепт является категорией мыслительной, ненаблюдаемой, то это способствует большому простору ее толкования. Понятие концепта функционирует сегодня в научных трудах логиков, культурологов, философов, психологов, вследствие чего в нем отражены все эти внелингвистические интерпретации.

Знание в концепте кумулируется как в осознаваемом, так и в не осознаваемом виде. В свою очередь, осознанное знание является средоточием эмоционального знания, в частности эмоций и впечатлений, невербального, то есть образного и двигательного, и вербального знания, подразумевающего знание слов и значений.

Знания человека в своей совокупности составляют его информационную базу, обеспечивающую «становление психологической структуры значения слова на стыке общесистемного значения и всего комплекса знаний и переживаний, без которых словоформа остаётся просто некоторой последовательностью звуков» [39, 56].

В.В. Красных полагает, что «концепт представляет собой самую общую, максимально абстрагированную, но конкретно репрезентируемую языковому сознанию, подвергшуюся когнитивной обработке идею «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [61, 196]. Концепту свойственна эмотивность, коннотация, аксиологичность по своей природе, наличие имени, хотя концепт параллельно может представлять собой и целый ряд единиц, в которых он может выражаться. Следовательно, согласно концепции В. В. Красных, концепт

может выступать только в качестве единицы высшей степени абстракции, характеризующейся национально-культурной спецификой, именуемой словом и включающей вербальные ассоциации на имя концепта.

Лингвокультурология представляет собой сравнительно молодую лингвистическую дисциплину, сформировавшуюся во второй половине XX века. Внутри этой дисциплины концепт выступает в качестве базовой единицы культуры, её концентрата. Культура признается совокупностью концептов и отношений между ними; учёные солидарны во мнении, что при исследовании концепта внимание следует обращать на значимость передаваемых им культурных данных. Осмысление концептуальной природы через призму лингвокультурного подхода выдвигает на первый план проблему взаимовлияния и корреляции языка и культуры.

Неоспоримым признается положение, что концепт имеет отношение к сознанию и состоит, в противовес понятию, не только из описательно-классифицированных, но и чувствительно-волевых и образно-эмпирических характеристик. Концепты имеют способность не только мыслиться, но и переживаться [95, 41].

Реализуемые в лингвистике способы в понимании концепта состоят, как правило, в лингвокогнитивном и лингвокультурном осмыслении этого явления. Так, к примеру, концепт как понятие когнитивной лингвистики является «единицей ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и всей картины мира, отражаемой в человеческой психике» [6, 90]. А лингвокультурный подход предполагает понимание концепта в признании его основополагающей единицей культуры, её концентратом.

По мнению Н.Н. Болдырева, формирование концепта происходит на базе всевозможных форм познания: «чувственного опыта, предметно-практической деятельности, мыслительной, экспериментально-

познавательной и теоретико-познавательной деятельности, на основе вербального и невербального общения» [11,43].

Концепт как ментальное явление в сознании личности заключается в выходе на общественную концептосферу, то есть культуру, а концепт, выступая в качестве единицы культуры, представляет собой фиксацию коллективного опыта, который становится собственностью индивида. Согласно В.И. Карасику, эти подходы характеризуются разнонаправленными по отношению к индивиду векторами: лингвокогнитивный концепт - это направленность от сознания индивида к культуре, тогда как лингвокультурный концепт имеет направление от культуры к сознанию личности. Необходимо в этой связи отметить, что разделение этих направлений - лишь исследовательский прием; в действительности это движение представляет собой целостный многомерный процесс [48, 117].

В.И. Карасик определяет концепт как «первичное культурное образование, транслируемое в различные сферы бытия человека» [48, 103], рассматривает его в качестве «многомерного смыслового образования, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [48, 129]. Понятийная сторона является его закреплением в языке, его обозначением, признаком и дефиницией. Образный аспект концепта состоит из воспринимаемых органами чувств свойств предметов и явлений, отображенных в памяти. Ценностный план концепта заключается в определении возможности его выделения и аргументации значимости концепта как психического образования для коллектива в целом и для индивидуума в частности.

На сегодняшний день в лингвистике существует несколько направлений в интегративном подходе к осмыслению концепта. Определения концепта в рамках одного из таких направлений предлагают С.Х. Ляпин [73], В.А. Маслова [77] и др. Так, С.Х. Ляпин характеризует концепт как «многомерное культурно-значимое социо-психическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той

или иной языковой форме» [73, 11-35]. В то время как В.А. Маслова определяет концепт как «квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности», и в то же время как «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой, и тем или иным образом характеризующее носителей определённой этнокультуры» [77, 208].

Однако всё многообразие существующих дефиниций концепта позволяет выделить общую для всех них особенность: факт идеи совокупного исследования языка, сознания и культуры. Термин «концепт» выступает междисциплинарным понятием и заслуженно называется «зонтиковым»: он охватывает предметные сферы многих научных направлений, исследующих проблемы мышления и постижения, архивирования и обработки информации [63, 35].

Е.С. Кубрякова даёт следующее определение концепту: это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего знания, и опыт человека, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [63, 92].

М.В.Пименова предлагает почти аналогичное понимание концепта: «Концепт - это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами». Признак концепта находит свою объективацию в фиксированной и свободной формах сочетаний соответственных единиц языка - концептуальных репрезентантов. Концепт имеет способность отображать категориальные и ценностные свойства знаний об отдельных фрагментах мира. Структура концепта отражает признаки, функционально первостепенные для той или иной культуры. Полная характеристика определенного концепта, имеющего

значение для конкретной культуры, допустима только при изучении наиболее исчерпывающего набора способов его выражения [89, 10].

Согласно мнению С.Г. Воркачёва, концепт является единицей коллективного знания, имеющей вербальное оформление и отмеченной этнокультурной особенностью. Ментальное образование, как отмечает учёный, может соотноситься с концептом лишь при условии обладания им этнокультурным характером [23,65].

Н.Д. Арутюнова полагает, что концепты формируют так называемый культурный слой, призванный выступать посредником между миром и человеком. Концепт интерпретируется как результат взаимоотношения национальной традиции, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и систем ценностей [2, 3].

М.В. Никитин рассматривает сущность концепта в его тесной взаимосвязи со значением: «...говоря о понятиях и значениях, мы по существу имеем дело с одним и тем же предметом - концептуальным уровнем абстрагирующих, обобщающих единиц сознания... Поскольку значения - те же понятия, они сохраняют за собой всё то, что относится к понятиям: их содержание, структуру, системные связи, характер отражательной природы и т.д.» [84, 89].

Р.М. Фрумкина, подвергнув анализу изыскания А. Вежбицкой, отмечает, что концепт представляет собой объект мира «Идеальное», который способен отображать конкретные обусловленные культурой ассоциации человека о мире «Действительность», данные нам в мышлении посредством языка [131].

Согласно В.А. Масловой, концепт является «квантом» знания, отражающим суть всей деятельности человека, и «семантическим образованием, отмеченным лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующим носителей определённой этнокультуры» [78, 50]. В продолжение своей мысли В.А.Маслова приводит ряд инвариантных признаков концепта:

- 1) минимальная единица опыта человека, эксплицирующаяся посредством слова и располагающая полевой структурой;
- 2) базовая единица обработки, архивирования и изложения знаний;
- 3) концепт характеризуется подвижными границами и конкретными функциями;
- 4) концепт - социальный феномен, его грамматика продиктована ассоциативным полем;
- 5) основное звено культуры [78, 46-47].

Наряду с этим, автор также характеризует отношение между лингвокультурой и этнокультурой. Вопрос соотнесенности и корреляции языка, культуры, этноса является междисциплинарной проблемой, решение которой допустимо лишь стараниями нескольких наук, в частности, философии, социологии, лингвокультурологии и этнолингвистики. [77, 9].

Как было отмечено ранее, ряд ученых (В. И. Карасик, В. В. Красных, Л. О. Чернейко и др.) полагают, что концепт представляет собой как минимум трехмерную организацию и выделяют в нем такие компоненты, как предметная образность, понятийность и ценностность. Так, предметно-образная составляющая концепта складывается из зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых, воспринимаемых обонянием характеристик предметов, явлений, событий, нашедших отражение в памяти человека, то есть релевантных признаков практического знания. Понятийный аспект концепта подразумевает фиксированность концепта в языке, его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию, сравнительные свойства данного концепта в его связи с другими концептами. Ценностный аспект концепта характеризует значимость этого образования как для индивида, так и для всего языкового социума [48, 129].

Особым моментом в анализируемом понимании концепта считается также положение о том, что «никакой концепт не выражается в

речи полностью» [92, 28-29]. В связи с этим З.Д. Попова и И.А. Стернин приводят следующие аргументы:

1) концепт представляет собой следствие индивидуального познания, которое, в свою очередь, требует комплексных средств экспликации;

2) концепту не свойственна жесткая структура, он объемён, и поэтому невозможно его полное выражение;

3) недопустимо фиксирование всех выражений концепта [92, 29-30].

Концепт, как важнейшая категория целого ряда гуманитарных наук, является неоднородным образованием. В этой связи выделяют концепты конкретного и абстрактного, индивидуального и группового характера, и даже транскультурные универсалии.

Помимо концептов в лингвистической науке представлены и другие единицы, способствующие синтезу элементов языка и культуры, такие как лингвокультурема («комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания») [25, 44-48], логоэпистема (элемент значения слова, который локализуется в языке) [17]. Г.Г. Слышкин видит отличие этих терминов в следующем: «принципиальное отличие концепта состоит в том, что он, служа основой синтеза языка и культуры, сам не лежит непосредственно ни в языковой (как логоэпистема), ни в культурной, ни в обеих одновременно (как лингвокультурема) сферах. Концепт - единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [115, 9].

В.Н. Телия, в свою очередь, использует в своих исследованиях понятие культурно-национальной коннотации, которая выступает в качестве связующего звена между семантикой единиц естественного языка и культурным значением знаков «языка культуры» [126, 24]. В.Н. Телия поддерживает идею о том, что суть концепта в рамках его

культурно-национального описания формируется культурными традициями, в рамках которых постигаются опредмеченные в языковой системе мирозерцание и мировосприятие народа [126, 231]. Культурно-национальная коннотация состоит, с одной стороны, из «тела знака», то есть языковой единицы, а с другой – из концептов, стереотипов, эталонов, символов, мифологем и прочих знаков национальной и общечеловеческой культуры, усвоенной народом-носителем языка [126, 214]. Следовательно, концепт представляет собой особую часть культурно-национальной коннотации.

Д.С. Лихачев, развивая учения С.А.Аскольдова относительно проблем концепта, указывает на заместительную функцию концепта, способствующую преодолению несущественных различий в восприятии слов, устранению разногласий и облегчению общения [70, 33-42]. Согласно Д.С. Лихачеву, концепты формируются в человеческом сознании не только на базе лексических значений слов (поскольку концепт представлен в каждом основном словарном значении слова отдельно), но и на базе индивидуального и социального культурно-исторического опыта. Богатый опыт обуславливает семантическое пространство концепта, широкие возможности для образования эмоционального поля лексемы, в которой эксплицируются все аспекты концепта. Концепт шире и богаче лексического значения слова, благодаря формирующейся вокруг последнего специфичной «ауры» всевозможных культурных и персональных ассоциаций. Концепты образуют своего рода всеобщность, которую ученый объясняет как концептосферу [70, 281-284].

Национальная концептосфера образуется из комплекса характеризующихся общечеловеческой ценностью концептов, то есть универсальных, национальных, классовых, индивидуальных, групповых концептов. Каждой нации свойственно сугубо национальное отображение как в использовании самобытных и неповторимых концептов, присущих отдельной нации, так и в определении различной

степени значимости определенных концептов в национальном менталитете, их различной позиции на шкале ценностей в концептосфере нации.

На современном этапе в лингвистике ученые выделяют следующие первостепенные концептосферы:

- человек (речь, язык, народ, семья, родственник, мать, отец, имя...);
- мир (путешествие, Земля, планета, страна, родной край, город...);
- природа (растение, животное, урожай, хлеб, земля, вода, лес, лето, весна, зима, осень...);
- Межличностные отношения и социальные понятия (новое, старое, гость, хозяин, красота, здоровье, дружба, праздник, игра, работа, труд, наука, ученик, учитель, школа...);
- морально-этические понятия (зло, добро, вежливость, лень, хвастовство...);
- эмоции и чувства (ненависть, любовь, радость, печаль, счастье...);
- искусство (музей, театр, храм, спорт, книга, драма, произведение, картина...).

Наиболее значимые концепты кодируются в языке. Своё вербальное выражение концепты находят посредством единиц разных языковых уровней: лексем, фразеологизмов, пословиц и поговорок, афоризмов, вплоть до грамматических форм и синтаксических структур. В случае, если концепт имеет актуальность для культуры, он получает свою активную реализацию как в лексическом плане, так и в грамматическом. Вследствие этого в каждом языке имеют место так называемые ключевые слова, в которых репрезентированы ядерные культурные ценности и особенности национального менталитета.

Исследование теоретических источников позволяет продемонстрировать, что установление в науке понятия «концепт» даёт возможность рассматривать с другой точки зрения закономерности и особенности корреляции языка, сознания и культуры и, как следствие, новые аспекты взаимоотношений таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психология, культурология, философия. Безусловно, это расширяет рамки содержательного исследования языковых явлений и придает большую результативность исследованиям семантических вопросов языка.

Таким образом, на современном этапе в научной литературе появляется много определений понятия «концепт». При всех противоречиях и разнообразии вариантов интерпретации этого термина, концепт единогласно признается единицей ментального пространства. Он организует знания о мире и отображает национальную самобытность деления мира. Под концептом мы подразумеваем оперативную единицу мысли как способа и следствия квантификации и упорядочения знания, так как его объекты представляют собой ментальные основы с признаковым характером, формирование которых в большей мере детерминировано формой абстрагирования, модель которого предопределяется самим концептом. Таким образом, он не только характеризует свой объект, но и конструирует его.

1.2.3. Основные методы исследования концепта

Изучив понятие концепта в лингвокогнитивном, лингвокультурном и интегративном аспектах и конкретизировав его рабочую формулировку, перейдем к анализу методики исследования и описания концепта.

Наряду с функционированием понятия «концепт», в аппарате современной лингвистики стала рассматриваться и методика исследования концептов, именуемая концептуальным анализом и имеющая отношение к научным трудам, в качестве объекта анализа

которых выступает концепт. «Смысл концептуального анализа - проследить путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке» [125, 97]. Следует отметить в этой связи, что на сегодняшний день анализ концепта представляет собой не какой-то конкретный метод репрезентации концептов, а совокупность различного рода исследовательских способов и приёмов.

С учетом того, какие рассматриваются концепты, преимуществом пользуется языковая или внеязыковая направленность. В случае, если необходимо описание концептов, за которым стоят определенные предметы объективной деятельности, большую значимость приобретает внеязыковая направленность, наблюдение и интуиция ученого [16, 11].

Зачастую исследователи предпочитают анализ языковых форм (слова, словосочетания, а также отдельные тексты и даже произведения), однако используется также сочетание неязыковых параметров, в особенности, если объектом исследования служат достаточно абстрактные концепты.

Как указывают исследователи З.Д. Попова и И.А. Стернин, весь комплекс речевых средств, представляющих концепт в языке на современном этапе его развития, не может воссоздать полную картину его развития, однако именно посредством языка можно лучше всего получить доступ к концепту: «слово является средством доступа к концептуальному знанию» [97, 79].

Следует отметить, что при исследовании концептов ученые исходят из того, что объектом концепта выступают различные единицы языка. Более развернутое представление о концепте возможно получить посредством анализа парадигматических связей стержневой лексемы, номинирующей концепт, особенностей её использования и с помощью анализа устойчивых сочетаний, трактующих содержание концепта. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин убеждены в том, что «к одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний,

предложений», представляющих концепт [50, 78]. По мнению В.Н. Телия, концепт «рассеян» в лексических единицах, фразеологическом корпусе, паремиологическом фонде и в системе устойчивых сравнений [126, 96]. Следовательно, концепт большей частью изучается посредством рассмотрения значений различных единиц языка, представляющих концепт, их словарных интерпретаций и речевых контекстов.

В исследовательских целях осуществляется условное деление концепта на основные части, его моделирование. В этой связи, прежде чем вплотную подойти к рассмотрению тех или иных лингвистических приёмов изучения языкового материала, представляющего определённый концепт, считаем уместным раскрытие основных компонентов концепта, выделяемых в его структуре рядом лингвистов.

Концепт, будучи единицей структурированного знания, выявляет конкретную организацию, то есть является совокупностью систематизированных дискретных компонентов, классифицирующихся по всевозможным критериям: по своей актуальности, степени отвлеченности, форме, функции и т.д. Подобные компоненты концепта составляют концептуальные признаки. Однако взаимодействие концептуальных признаков не обнаруживает строго структурированной организации. Это, по мнению И.А. Стернина, обусловлено активной динамической ролью концепта в мыслительном процессе – «он всё время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них» [124, 58].

Н.Н. Болдырев, в свою очередь, полагает, что содержание концепта подвержено непрерывному пополнению, а его объём постоянному увеличению за счёт обретения концептом новых признаков, «подобно снежному кому, который постоянно обволакивается новыми слоями» [11, 30].

Более распространённый путь репрезентации структуры концепта заключается в его описании в терминах ядра и периферии.

Как отмечают В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, «концепт группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентуированной) точки сознания, от которой отходят ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые - периферию. Четких границ концепт не имеет, по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций. Языковая или речевая единица, с помощью которой актуализируется «центральная точка» концепта, служит именем концепта» [50, 77].

Отметив стержневые компоненты структурной организации концепта, перейдем к рассмотрению наиболее распространённых лингвистических методов исследования концептов. Общеизвестно, что «чем больше методов и приёмов использует исследователь, тем больше признаков концепта он выявит, тем ближе к истине будет построенная модель концепта» [93, 152].

Как один из востребованных методов концептуального исследования эффективно применяется анализ словарных дефиниций определенных слов, воплощающих тот или иной концепт культуры. В лексикографических интерпретациях зачастую заложена важная характеристика концепта, вследствие чего их изучение даёт необходимую в культурологическом плане информацию для исследователя [93, 14]. Значение ключевого слова, именующего концепт, лучше всего представляет ядро концепта. Анализ интерпретаций синонимов ключевой лексики дополняет содержание концепта посредством побочных дифференциальных признаков.

Ряд лингвистов указывает на целесообразность использования метода этимологического анализа ключевого слова, позволяющего выявить его «исходную форму, сжатую до основных признаков содержания историю» [121, 41].

Рациональным способом исследования концепта является анализ устойчивых единиц языка - фразеологизмов, пословиц, поговорок, образующих интерпретационное поле концепта в терминологии З.Д.

Поповой и И.А. Стернина и дающих возможность судить о ценностной составляющей концепта (по В.И. Карасику). Согласно мнению В.Н. Телии, во фразеологическом и паремиологическом корпусе, в системе устойчивых сравнений получили свое воплощение образы-эталоны, свойственные для данного языкового коллектива [126, 96]. Особо значимыми источниками при исследовании концепта в его диахронном аспекте становятся фразеологические и паремиологические единицы языка.

Довольно информативным для изучения концепта является контекстуальный анализ разнообразных видов дискурса (имеется в виду публицистический, научный, художественный, рекламный и др.). Исследование фрагментов современных публицистических и рекламных текстов дает представление о ценностном компоненте концепта на современном этапе.

Широкую популярность также получила реализация экспериментальных психолингвистических методов.

Психолингвистических метод состоит из нескольких видов экспериментов как, например, свободный ассоциативный эксперимент. Смысл такого эксперимента заключается в том, что тестируемому предлагается слово-стимул, на который он должен реагировать первыми ассоциациями-словами или словосочетаниями. Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, ассоциативное поле почерпнутых в процессе опроса слов и словосочетаний на заданное слово-стимул может выступать в качестве своеобразной формы раскрытия значения, хранящегося в сознании носителя конкретного языка. Подобные эксперименты способствуют выявлению «национальных особенностей языкового сознания народа - связи слов в сознании, их смысловую и иерархическую подчинённость, яркость тех или иных компонентов значения слова-стимула, их ценностную нагрузку в социуме» [95,40].

Помимо того, в концептуальных исследованиях продуктивным оказывается рецептивный эксперимент, подразумевающий метод

анкетирования, в рамках которого тестируемых просят дать субъективное определение имени концепта. Данный приём даёт возможность получить более полную и богатую информацию о восприятии и толковании анализируемого сознанием концепта. Полученные результаты, как и результаты ассоциативных экспериментов, обобщаются, и исследователю становится доступным набор концептуальных признаков, систематизированных по степени их проявления в сознании носителей конкретного языка.

Характеристика концепта, согласно мнению В.И. Карасика, представляет собой специальные исследовательские операции интерпретации значения его имени и ближайших обозначений: 1) дефинирование (определение смысловых признаков); 2) контекстуальный анализ (выделение ассоциативно связанных смысловых признаков); 3) этимологический анализ; 4) паремиологический анализ; 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование [48, 92].

1.3. Репрезентация концепта в семантическом поле.

Формирующаяся у человека со дня рождения система знаний о мире находит свое дальнейшее развитие за счет извлечения большого объема информации, которая выражается в общих понятиях. Такая система складывается из концептов, отличающихся по уровню отвлеченности и сложности, которым свойственны различные способы образования.

Исследование семантического пространства концепта осуществимо посредством изучения лексико-семантических полей, которые делают возможным выяснение семантики и валентности лексем.

Изучение семантики лексических единиц в пределах одного лексико-семантического поля представляется возможным с учётом синтагматического и прагматического уровней языка. При таком подходе допустимо более развернутое исследование семантики лексем в

сравнении с другими компонентами поля при помощи выявления дифференциальных и интегральных признаков и их синтагматических связей.

В современной лингвистике существует три основных подхода к определению сущности и структуры ЛСП: ономаσιологический, семасиологический и синтаксический. Основу ономаσιологического подхода составляет критерий системности языка, заключающийся в систематизации лексем, которые соотносятся с одним понятием и проявляют семантическое и функциональное сходство друг с другом.

Основополагающим фактором при семасиологическом подходе изучения лексико-семантических полей является выявление семантической структуры лексической единицы с объемной семантикой, образование полевых систем, исследование сложных парадигматических отношений между некоторыми единицами в пределах поля. Ядро лексико-семантических полей составляют слова с более широкой семантикой, а вокруг формируются группы слов со сходным значением. Семасиологический подход подразумевает метод компонентного анализа, применяемый при описании семантической структуры лексем и выявлении интегральных и дифференциальных составляющих их семантики. Такой анализ делает возможным установление степени семантической связи конкретного слова с ядром поля, то есть со стержневой лексемой.

Под синтаксическим подходом понимается объединение компонентов семантического аспекта и парадигматической связи для всех слов в рамках семантического поля.

Когнитивное направление в лингвистике является наиболее продуктивным в исследовании лексического уровня языка, поскольку оно способствует новым формам систематизации словарного состава языка при параллельном использовании концептов.

Следствием системного концептуального анализа языка может стать новая интерпретация лексических значений и выделение общих,

универсальных дикурсивных категорий, способных формироваться в концепты.

Концепт также можно трактовать как действующий в человеческом сознании некий мыслительный объект, что во многом объясняет факт конверсии идей, мыслей с одного национального языка на другой. Данный конструкт пришел на смену логическому термину «понятие» и заменил также термин лингвистики «значение» как сугубо семантический. В этой связи необходимо отметить, что концепт отображает когнитивную корреляцию между человеком и постигаемым им миром. Исследование и понимание концептов как когнитивных категорий разноаспектны и представляют интерес для языковедов как в рамках одного языка (к примеру, при лингвистическом анализе художественной литературы, при изучении современных текстов и текстов далёкого прошлого), так и на материале различных языков (в частности, в процессе перевода и интерпретации иноязычных текстов, при сравнительно-сопоставительном анализе произведений художественной литературы).

Концепт всегда имеет отношение к определённой области знаний, то есть соотносится с конкретным тематическим полем. Вследствие чего, одним из способов экспликации концепта являются элементы лексико-семантической парадигмы слова - номинации концепта, их синонимы и дериваты, поскольку, рассматривая семантическое пространство языка, мы имеем возможность получить подлинные знания о представленном в нем фрагменте концептуальной картины мира или концептосферы. Общеизвестным считается факт отображения в лексическом составе языка национальной специфики видения мира: концепции отношений и духовных ценностей, поведения, традиции, культуры народа. В концепте заключаются только существенные для конкретной отрасли человеческой деятельности качества и свойства предмета. Из чего можно заключить, что одна и та же исследованная в разных сферах

деятельности человека реалия может иметь в качестве соответствия различные свойства концепта.

В современной лингвистике выделяется двойственность природы концепта: его лингвистической и экстралингвистической составляющих. Наличие двух типов человеческого мышления: образного и вербального объясняет постижение понятия концепта как компонента концептуальной системы, охватывающей данные и ассоциации о мире каждого индивидуума. Знания о мире, следовательно, кумулируются и архивируются в человеческом мире в форме понятий и в форме образов. В результате такой двойственности классификации значительно затрудняется исследование концептов и создание общего представления о концептуальных сферах, о тех или иных концептах в различных языках.

Концепт может быть «сегментным, представлять собой базовый чувственный слой, окружённый несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции» [123, 60]. Дискретные элементы - концептуальные признаки, которые имеются в каждом слое или сегменте, «упорядочиваются по входящим в их состав когнитивным классификаторам (форма, функция, размер, материал и т.д.)», «кроме ядра, концепт имеет объёмную интерпретационную часть - совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков» [123, 61].

Следовательно, ядро концепта является базовым слоем, присоединяющим когнитивные слои или сегменты, которые в комплексе формируют когнитивные признаки. Понятийное поле концепта формирует его периферию. Необходимо исследование как ядра, так и периферии.

Ядро концепта наиболее четко отражается в семантике ключевой лексики, именуемой концепт. Содержание концепта дополняется анализом существующих синонимов, антонимов ключевой лексики.

Продуктивность полевого подхода подтверждена современными исследованиями в области лексикологии. Термин «лексико-семантическое поле» был впервые введен в научный обиход в связи с проблемами системной упорядоченности лексики. Тезис системности лексики, разработанный в исследованиях Ю.Д. Апресяна, Л.Б. Бабенко, Л.М. Васильева, Р.М. Гайсиной, В.Г. Гака, Ю.Н. Караулова, А.М. Кузнецова, Э.М. Кузнецовой, Л.А. Новикова, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, А.А. Уфимцевой, Ф.П. Филина, Д.Н. Шмелева и др., в современном языкознании является общепризнанным.

Основа теории лексико-семантического поля состоит в том, что слова в языке не обособлены друг от друга, а создают некие смысловые группы. Основоположником этой теории является И. Трир, согласно доктрине которого на каждое соотносящееся с конкретной сферой понятийное поле накладываются слова, формирующие языковое поле, полностью разделяющие сферу опыта [44, 6].

В современных дефинициях термина «лексико-семантическое поле» в центре внимания оказывается его функция в языке, то есть отражение понятийного «поля» языка: «иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отображающим в языке определенную понятийную сферу» [69, 458], «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых ими явлений» [52, 124]. Семантическое поле представляет собой компактную часть словаря, покрывающую какую-то конкретную «понятийную сферу» этого языка. Оно самобытно, функционирует по своим, внутренним законам и создают свою «картину мира», отличную от аналогичного явления как в различных языках, так и в истории одного и того же языка [124, 59], вследствие чего лексико-семантическое поле можно рассматривать как один из способов демонстрации концепта.

Ю.Н. Караулов аргументировал задачу формирования всех лексико-семантических полей языка для репрезентации во всем объеме языковой картины мира этого языка.

Подытожив многочисленные и разнообразные известные дефиниции семантического поля, Ю.Н. Караулов указывает на следующие основные свойства поля: 1) взаимосвязь компонентов поля; 2) систематизированность и взаимоопределяемость его компонентов; 3) автономность поля, эксплицирующаяся в его целостности, и, как следствие, в принципиальной выделимости; 4) своеобразность его в различных языках [45, 33].

И.М.Кобозева выделяет следующие характерные свойства семантического поля: 1) существование семантических связей (корреляций) между входящими в него словами; 2) системность этих отношений; 3) взаимоподчиненность и взаимоназначаемость лексических единиц; 4) относительная независимость поля; 5) непрерывное обозначение его семантического пространства; 6) взаимодействие семантических полей внутри всей лексической системы (всего словаря) [52, 99].

И.А. Стернин в дополнение вышеперечисленных свойств семантического поля приводит следующие критерии:

- поле служит для объединения однородных и разнородных элементов; поле складывается из составных частей - микрополей, которых должно быть не менее двух; полю свойственна вертикальная и горизонтальная ориентация, где вертикальной организацией служит структура микрополей, а горизонтальной - взаимосвязь микрополей;

- состав поля характеризуется наличием ядерных и периферийных конститuentов, где ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты;

- при выполнении функций поля наиболее специализированными являются ядерные конститuentы, которые призваны выполнять функцию поля наиболее конкретно и однозначно,

наиболее востребованы по сравнению с другими конституентами и естественны и неизбежны для данного поля;

- грани между ядром и периферией являются размытыми и нечеткими;
- конституенты поля, принадлежащие к ядру одного поля, могут одновременно составлять периферии других полей;
- различные поля в некоторой степени могут накладываться друг на друга и образовывать зоны градационных переходов, что является закономерностью полевой организации языковой системы [122, 38].

В настоящее время дискуссионным остается ряд вопросов теории семантического поля, в частности, вопросы о свойствах поля, которые решаются по-разному в зависимости от принципов, легших в основу внешней и внутренней структуризации поля.

Ю.Н. Караулов выдвинул четыре главных требования к внутреннему строению поля: 1) структуре поля необходимо возмещать свойство необратимости, которое является результатом иерархии компонентов поля; 2) необходима компактность и легкая обозримость структуры; 3) необходима не только зависимость от законов логики, но и взаимосвязь с внеязыковой реальностью; 4) необходима универсальность структуры, то есть единообразие повторяющихся в полях разного пополнения и различных типов [44, 230].

Последнее положение - требование единообразия – по мнению Е.Г.Ковальчук, несколько искусственное. Внутренняя структуризация семантического поля на базе семантических отношений, с точки зрения исследователя, соответствует всем указанным требованиям, помимо требования универсальности. Требование связанности внутреннего строения поля с внеязыковой действительностью выполнимо в процессе вычленения посредством метода компонентного анализа некоторых частей в пределах поля - субполей, микрополей, групп, - соединяющих лексику, отображающую и эксплицирующую какие-либо

ситуации, в сознании говорящих на этом языке, имеющих отношение к ситуации, определенной именем поля [53, 7-8].

Согласно мнению Ю.Н. Караулова, структура семантического поля содержит в себе ряд множеств, в частности, синонимические отношения, подчиняемые соответствующей суперординате (или включаемые в родовые номинации) и содержащие в себе гипонимы. К ядру поля происходит присоединение слов, имеющих общий семантический компонент с ядром. Отдельную группу составляют антонимы к имени поля [45, 111].

Об отношениях в пределах семантического поля Г.А. Раков отмечал следующее: «элементы (словозначения) в составе поля характеризуются связями по двум направлениям: с именем поля и его ядром, с одной стороны (обязательная связь), и друг с другом - с другой (факультативная связь). Связи первого типа предохранят поле от чрезмерного разрастания, связи второго типа обеспечивают непрерывность заполнения элементами поля определенной сферы семантического пространства» [101, 68].

С.Г. Шафиков указывает на следующие универсальные параметры семантического поля:

- таксономическая глубина, отражающая дифференцирующую способность языка и исчисляющаяся количеством дифференциальных сем;
- таксономическая ширина, которая представляет собой отражение интегрирующей способности языка и исчисляется количеством добавочных и объединяющих сем в языке;
- компактность и насыщенность семантической структуры поля;
- номинативную аттракцию (отклонение) сем;
- значимость сем в системе языка [139, 18-19].

На современном этапе в вопросах семантики функционирует несколько признанных престижных школ, изыскания которых

оказывают огромное влияние на развитие теории поля. Основное и принципиальное их отличие заключается в осмыслении значения языковых единиц. Соблюдая этот принцип, ряд ученых выделяет сильную семантику, основным утверждением которой является положение: охарактеризовать семантику языкового выражения означает сформулировать правило, согласно которому возможно установление соответствий этому выражению в реальном мире или определенной модели мира; и также слабую семантику, которая понимает значение как ментальную сущность, принадлежащую сознанию человека [52, 25-27].

Семантическое поле эксплицирует языковую картину мира за счет содержащихся в нем тематических классов, групп, ассоциативных полей, лексической синтагматики. Разрешение многочисленных вопросов теории поля недопустимо без полной тезаурусной характеристики лексики языка, вследствие чего формирование каждого поля вносит лепту в решение этих вопросов.

Поскольку семантическое поле является полем значений, оно тождественно понятийному полю. Будучи языковым полем с психологическим обоснованием, семантическое поле модифицируется в зависимости от степени психологической действительности, которая обусловлена, с одной стороны, близостью со средним уровнем категоризации, и, с другой стороны, близостью с концептуальной сферой [140, 11]. С этой позиции семантическое поле представляет собой основу для составления идеологических, идеографических или концептуальных словарей.

Одна и та же лексема может быть включена в несколько классов тезауруса, поскольку имеет различные узуальные значения и имеет отношение к нескольким понятийным сферам. К примеру, слово *хлеб* в значении 'хлебный знак' является компонентом семантического поля «земледелие», репрезентирующего концепт ЗЕМЛЕДЕЛИЕ; в значении 'доход' оно может быть включено в поле «работа» и отображать концепт РАБОТА.

Следовательно, изучив вопросы соотношения концепта и лексико-семантического поля, мы можем заключить, что лексема представляет собой семантическое содержание в лексической форме, раскрываемое в словарной статье, тогда как концепт эксплицирует когнитивное содержание в той же лексической форме. Лексема выступает стержневым понятием лексической семантики, а концепт - когнитивной. Исследование лексем подразумевает поиск в их семантическом пространстве причин и путей эволюции, взаимосвязь с другими лексическими единицами, структурный анализ лексического значения и семантическую систематизацию, сочетаемость / несочетаемость на синтагматической основе. Изучение концептов подразумевает исследование языкового сознания носителей данного языка. Таким образом, характеристика концепта путем анализа лексики, комплектующей семантическое поле номинации концепта, является наиболее эффективным в современной лингвистике, в связи с чем этот подход репрезентирован в настоящем диссертационном исследовании.

Выводы по 1-й главе

1. Антропоцентрическая научная парадигма современной лингвистики, направленная на анализ когнитивных и культурологических аспектов языка как феномена культуры, характеризует менталитет как исторически обусловленное явление, отражающее специальные особенности определенного типа культуры. Как правило, под менталитетом подразумевают устоявшийся метод самобытного мировосприятия, свойственный для больших общественных коллективов (этносов, наций или социальных слоев), детерминирующий оригинальность их воздействия на явления окружающей действительности.

2. В качестве фундаментального, эксплицирующего индивидуальность человека и его бытия, его взаимоотношений с миром, выступает понятие картины мира, складывающейся для человека как

совокупность его ассоциаций и представлений о мире в целом и о самом себе в частности. Концептуальная картина мира в данном диссертационном исследовании понимается как мировоззрение, мировосприятие, «модель мира». Синонимом термина мы используем понятие *концептосфера*, определяющаяся как систематизированная общность концептов.

3. Так как изреченное и зафиксированное слово является средством достижения концептуального значения, то одним из способов экспликации концептуальной картины мира становится языковая картина мира, воспринимаемая как составляющая концептуальной, которая характеризуется привязанностью к языку и преломляется посредством языковых форм. Языковой картине мира свойственна национальная и историческая обусловленность, поскольку любой естественный язык покрывает окружающую действительность своей, присущей только ему, «сеткой координат». Языковая картина мира во всякие периоды своего исторического развития выполняет функцию регистрирования и инвентаризирования всего кумулированного коллективом носителей данного языка.

4. Стержневой и основополагающей категорией, обрисовывающей самобытность концептосферы, является концепт, который выступает в качестве мыслительной когнитивной категории, единицы архивирования человеческого знания, репрезентированный лексико-семантической парадигмой и синтагматикой лексемы - имени концепта. В настоящем диссертационном исследовании мы придерживаемся тезиса, что концепт - динамическое явление, его содержание и взаимоотношение концепта с другими концептами обусловлены эволюцией ментальности народа, определяющейся изменениями в жизни социума, приоритетными и ценностными переменами. Семантическое поле предстает одним из способов демонстрации концепта, так как оно отображает, понятийную сферу и выявляет языковую картину мира. В данном исследовании представлен

анализ языковых средств воплощения концептов в лексике диалекта посредством семантических полей и более мелких единиц - тематических групп.

5. В настоящем исследовании процесс описания концепта состоит из следующих этапов:

- изучение образной составляющей концепта, отображающей культурную значимость предмета, обозначенного репрезентантом концепта;
- компонентный анализ словарных определений, представляющих концепт слов и включенных в семантическое поле и эксплицирующих концепт лексем, для установления понятийного компонента концепта;
- исследование способов выражения концепта в семантических полях; рассмотрение составляющих элементов семантических полей, обусловленных концептом;
- изучение синтагматики репрезентирующих концепт литературных и диалектных единиц, а также единиц, представляющих корпус фразеологии и паремиологический фонд;
- исследование признаков номинирующих единиц, которые участвуют в формировании концепта.

ГЛАВА 2

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ХЛЕБ/НОН» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Репрезентация концепта «ХЛЕБ/НОН» в современном русском и таджикском языках

1.1. Общечеловеческая ценность концепта «ХЛЕБ»

Антропоцентрический подход при исследовании концептуальной природы слова, подразумевающий описание слова как фрагмента действительности, занимает определенное место в представлении языковой картины мира. Экспликация концепта представляет собой установление ситуаций, раскрывающих функционирование слова, выявление мира ассоциаций, образов, представлений, паремий, культурных традиций. Одновременно учитывается информация, почерпнутая из различных наук, таких как когнитология, лингвокультурология, социо-и психолингвистика, этнолингвистика и т.д.

Предметом нашего исследования являются лексемы «хлеб» и «нон», представляющие один из основных концептов, отражающих особенности национального менталитета русской и таджикской лингвокультуры. Понятия «хлеб» и «нон» являются концептуальной доминантой и занимают ведущие позиции в языковой картине мира двух сопоставляемых языков, поскольку обусловлены его главной ролью в питании русского и таджикского народов, вынужденных при определенных случаях вести борьбу за выживание. «Являясь главным средством существования, ведущим продуктом питания, хлеб одухотворяется, наделяется магическими свойствами, становится предметом воспевания, восхваления» [71, 83]. Хотя на протяжении веков в системе питания двух наших народов происходят значительные изменения под влиянием внешних факторов, социальное и культурное достоинство и ценность этого продукта не умаляются. Более того, при

современных условиях экономической нестабильности повышается частотность употребления таких выражений как *заработать на хлеб-кути лоямут ёфтан, як даҳон нон ёфтан* (добыть себе пропитание). Несмотря на то, что современная гастрономическая терминология пестрит номинациями различного рода деликатесов, заимствованных из других культур, они являются «переменными» русского и таджикского национального сознания, тогда как хлеб и вода – это проявляющие устойчивость константы национальной ментальности этих двух народов.

Социальные и стилистические коннотации одноименного концепта лексемы *хлеб* наделяют ее положительной символическостью, высоким прагматическим потенциалом, широким ассоциативным диапазоном, образностью и экспрессивностью.

Репрезентация концепта ХЛЕБ и его значимость для определенного этноса обусловлена экстралингвистическими факторами. Ключевым словом, представляющим рассматриваемый концепт, является лексема *хлеб* 'пищевой продукт, выпекаемый из муки'. Данный продукт содержит более 200 разнообразных веществ, полезных для человека, в частности, растительные белки составляют 5-8%, углеводы - 40-50%, немало в нем клетчатки и полуклетчатки, характеризуется энергетической ценностью, вследствие чего лексема *хлеб* обладает значением 'пропитание, еда'.

Человечеству хлеб знаком еще с глубокой древности, его формы и размеры не были такими, какими нам привычно их видеть. Научные изыскания в этой области свидетельствуют о том, что люди впервые ощутили вкус хлебных злаков еще 15 тысяч лет назад, то есть в каменном веке. Поначалу хлеб был жидкой мучнисто-зернистой кашей, хлебной похлебкой. По настоящее время такой вид хлеба популярен на Востоке, в частности в таджикской кухне под реалемой *атола*. Приблизительно 8 тысяч лет назад люди уже не только собирали дикорастущие хлебные злаки, но и приступили к их культивированию.

Позднее древние египтяне, евреи, персы извели способы изготовления пресных лепешек, выпекаемых из непросеянной муки грубого помола. Процесс сбраживания (разрыхления) был освоен древними египтянами 5-6 тысяч лет назад, затем греками и римлянами, а от них эти знания передались и к другим народам.

По мнению Л.С.Зинковской, «историю хлеба можно представить в виде последовательности форм существования хлеба: сырые семена дикорастущих злаков, размоченные в воде —> мука и крупа из зерна, растолченного двумя камнями-зернотерками —> похлебка, полученная из муки и воды —> мучнистая каша, сваренная на огне —> пресные лепешки —> тесто с добавлением дрожжей» [40, 51].

Рассматривая хлеб как базовый концепт, П. Синякин подчеркивает, «что на всем пространстве Евразии, во всех бытовавших на нем цивилизациях хлеб как общее (абстрактное) понятие пищи, необходимейшего продовольственного продукта, существовало у многих народов древности» [114, 33]. По его мнению, «начинать разговор о нашем [то есть русском] столе надо, конечно, с хлеба, ибо без хлеба всякий стол, а особенно русский, вообще немыслим. Ни один русский человек не сядет за стол без хлеба» [144, 64]. Данные высказывания автора подчеркивают особенную значимость этого концепта для русской концептуальной картины мира.

Таджикская картина мира также в качестве одного из основных продуктов питания предполагает многообразие лепешек домашнего приготовления и весьма богатый выбор мучных кушаний.

Для приготовления муки используют местные сорта пшеницы, широкое применение получили также ячмень, просо и кукуруза.

Местное население готовит лепешки либо кислые – *нони хамир*, либо пресные – *нони фатир*. Лепёшки, как правило, имеют круглую форму и отличаются различной величиной и толщиной. Наряду с лепёшками, выпекаемыми на стенках тандыра, готовятся лепёшки из

кислого теста, которые пекут в котле без масла - *қотурма* или на раскалённых каменных плитах – *тобасанги*. Следует отметить и *кумоч* – это толстая лепешка из кислого теста, которое замешивают на молоке, масле и яйцах и выпекают в золе очага.

Таджикская кухня отличается большим разнообразием пресных лепешек. Наиболее популярны в народе лепёшки – *фатыр*, изготавливаемые из пшеничной муки. Тесто для таких лепешек замешивают на воде и соли, а в некоторых случаях – на молоке с маслом. В различных регионах республики при изготовлении лепешки тесто месят на топленом масле, яйцах с добавлением репчатого лука, миндаля, кунжута, тыквы, сахара, шкварок, лечебных трав.

В народе говорят – хлеб основа жизни и дастархана.

Лексема *хлеб*, являющаяся именем концепта, в Толковом словаре русского языка представлена в следующих значениях:

ХЛЕБ, - а, мн. хлеба, - ов и хлеба, - ов, м. I. ед. Пищевой продукт, выпекаемый из муки (во 2 знач.). Печеный х. Ржаной или черный х. Пшеничный или белый х. Ломоть хлеба. Кусок хлеба (также перен.: о пропитании, пище вообще). 2. (мн. хлеба). Такой продукт в виде крупного выпеченного изделия. Круглый, высокий х. Ставить хлеба в печь. 3. ед. Плоды, семена злаков, размалываемые в муку (во 2 знач.). Сеять х. Сдана хлеба государству. Х. всему голова (поел.). 4. (мн. хлеба). Такие злаки. Урожай хлебов. Уборка хлебов комбайнами. Х.

Как видно, слово *хлеб* в современном русском языке имеет четыре значения, относящиеся к «реально-предельным культуремам» [144,45]. Первым и основным значением лексемы *хлеб* выступает обозначение 'приготовленного из муки пищевого продукта', которое является актуальным в нашем исследовании.

Словарь сочетаемости выделяет следующую адвербиальную сочетаемость данной лексемы: «Хороший, плохой, свежий, тёплый, душистый, мягкий, чёрствый, вкусный, сырой, подгорелый, белый,

чёрный, пшеничный, ржаной, пеклеванный, кукурузный, ситный хлеб; орловский, столовый, бородинский ... хлеб» [115,532].

Он попытался было взобраться туда, и увидел Орешикова, который, сдвинув на затылок барашковую шапку, спокойно жевал хлеб. «Хождение по мукам». ч.1, стр.65.

Лексема «**нон**», являющаяся именем концепта, в «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» представлена в следующих значениях:

НОН 1 نان . хӯроки асосии инсон, ки аз орд хамир карда мепазанд: нони гандум, нони гарм, нони зағора, нони сафед, нони сиёҳ, нони тафтон, нони фатир, нони хонагӣ, нони хушк, нони чавин, нони ширмол; нон буридан, нон пухтан, нон пора кардан, нон шикастан а) нонро пора кардан; б) киноя аз духтареро ба арӯсӣ номзад кардан. 2. кит., маҷ. хӯрок, ғизо; нони муфт ризку рӯзии бе меҳнат ба даст омада.

В отличие от русского, в таджикском языке лексема, представляющая имя концепта, имеет два значения, одно из которых относится к «обобщенно-абстрактным культуремам» [144,46]. Основное же значение, как и в русском языке, указывает на продукт, то есть на 'основную еду человека, приготовленную из муки'. В данной словарной статье отмечена также и лексическая сочетаемость лексемы «**нон**»: пшеничный, горячий, овсяный, белый, черный, домашний, сухой, ржаной, сдобный.

В целях определения лексико-семантической организации концепта «ХЛЕБ/НОН» в русском и таджикском языках необходимо проследить гиперо-гипонимические отношения и выявить концептуальные признаки лексем, представляющих семантическое поле данного концепта.

1.2. Гиперо-гипонимический блок концепта ХЛЕБ/НОН

«Гиперо-гипонимический блок» концепта призван выявлять типы связей между единицами лексико-семантической системы языка и базируется на родовидовой концептуальной общности этих единиц,

являясь важнейшим конституирующим принципом организации лексического состава любого языка. Такие отношения подразумевают господство или включение, при котором слово-гипероним означает класс сущностей, содержащий другой класс сущностей, обозначенных словом-гипонимом, и охватывает более широкое значение. Такие отношения формируют гиперо-гипонимические ряды. Значение гиперонима, несущее в себе целостное значение, реализуется в значениях составляющих его гипонимов. Одному гиперониму свойственно такое количество гипонимов, сколько уточняющих и закрепляющих признаков содержится в лексических значениях слова или слов.

Такие признаки составляют концепт, характеризующийся как сложная, не жестко организованная структура. «В концепте заключены признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [89,69]. Концепту свойственна разноуровневая представленность в языке. Так, лексический уровень является наиболее информативным в этом плане. «Опираясь на этот уровень исследования, возможно выявить практически весь набор значимых компонентов, которые формируют структуру того или иного концепта» [89,22]. Каждый концепт характеризуется индивидуальным набором признаков, вследствие этого, описание концепта возможно в случае выделения признаков, формирующих его структуру, а также определения структурных связей между её элементами и характера отражаемой в них когнитивной деятельности человека.

1.2.1. Гиперо-гипонимический блок концепта ХЛЕБ в русской языковой картине мира

Лексико-семантическое поле «хлеб» в русском языке включает в себя 72 единицы, обозначающие наименования хлеба, объединяемые интегральными и различаемые дифференциальными семами. Анализ лексем, собранных методом сплошной выборки из «Толкового словаря русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, репрезентирующих

концепт «ХЛЕБ», позволил выявить ряд признаков, формирующих структуру исследуемого концепта.

Следует также отметить в этой связи, что при описании структуры концепта мы в своей работе придерживаемся методики З.Д.Поповой и А.И.Стернина [94,54]. Согласно данному методу, познание концепта возможно при проведении двух видов анализа: 1) от категории к лексеме и 2) от лексемы к категории. Для выявления концептуальных признаков воспользуемся первым видом анализа, то есть «от категории к лексеме». В частности:

1. **Признак «Состав муки»**, маркирующий в русской языковой картине мира отдельную лексико-семантическую группу:

ПЕКЛЕВАННЫЙ ХЛЕБ – 'выпеченный из мелко размолотой и просеянной муки';

БУЛКА - 'хлебец из пшеничной муки, а также (обл.) вообще пшеничный хлеб';

САЙКА - 'продолговатый или круглый пшеничный хлебец';

СИТНИК (разг.) - 'ситный хлеб'.

И он перешагнул через огромные босые ноги грудастого и губастого парня, лежавшего навзничь: другой сидел на бревне и жевал французскую булку. «Хождение по мукам», ч.1, стр.71.

2. В следующую семантическую группу включены лексические номинации хлеба, характеризующие его **по признаку «Сухой хлеб»**:

СУХАРЬ - 'засушенный кусок хлеба, а также кондитерское изделие, печенье в виде сухого ломтика';

СУШКА - 'маленькая тонкая и очень сухая баранка';

КРЕКЕР - 'сорт сухого печенья';

ВАФЛЯ - 'тонкое сухое печенье с рельефными клеточками по поверхности';

ГАЛЕТА - 'сухое печенье из пресного теста' [первонач. плоская сухая лепешка];

БУБЛИК - 'большая толстая баранка из некрутого теста';

ТОСТ - 'поджаренный или подсушенный ломтик хлеба'.

3. **Признак «Форма хлебобулочного изделия»**, отмеченный среди лексических единиц в «Толковом словаре русского языка», также является значительным для выделения хлеба:

БАТОН - 'белый хлеб продолговатой формы';

РОЖОК - 'небольшой узкий белый хлебец в форме полукруга';

ПЛЕТЁНКА - 'продолговатый витой белый хлеб';

ПИРОЖОК - 1. см. пирог. 2. 'маленький закрытый пирог удлиненной формы';

КУЛЕБЯКА - 'большой продолговатый пирог с начинкой из мяса или рыбы, капусты, каши';

КРЕНДЕЛЬ - 'витое хлебное изделие, напоминающее по форме восьмерку';

КАЛАЧ - 'пшеничный хлеб, по форме напоминающий замок с дужкой';

РОЗАНЧИК - 'булочка с верхушкой в виде сходящихся лепестков';

БУХАНКА - 'формовой, обычно черный хлеб'.

4. **По признаку «Плоский»** маркируются наименования следующих разновидностей хлеба:

БЛИН - 'тонкая лепешка из кислого жидкого теста, испеченная на сковороде, на жару';

КОРЖ 1. 'плоское изделие из теста, род лепешки'. 2. То же, что коржик;

КОРЖИК - 'сладкая лепешка, род пряника';

ЛАВАШ - на юге, в Средней Азии: 'белый хлеб в виде большой плоской лепешки';

ПЛЮШКА - 'маленькая сдобная булочка, обычно плоская';

ЛЕПЁШКА - 'плоское круглое изделие из печеного теста';

ТВОРОЖНИК - 'жареная лепешка из творожной массы с мукой, сырник'.

5. **По признаку «Размер хлебобулочного изделия»** к семантической группе следует отнести лексемы, характеризующие концепт *хлеб* и номинирующие виды мучных изделий:

КАРАВАЙ - 'большой круглый хлеб';

КОВРИГА - То же, что каравай;

РАССТЕГАЙ - 'большой круглый открытый сверху пирог с начинкой (обычно из рыбного фарша); вообще пирожок с открытой начинкой';

ПЕЛЬМЕНИ - 'род маленьких пирожков из пресного теста с мясной начинкой, употр. в вареном виде';

ХЛЕБЕЦ - 1. см. хлеб. 2. 'небольшой хлеб'.

*Иван Ильич просунул руку под брезент, отломил от **каравая** горбушку и, задыхаясь от жадности, стал есть. «Хождение по мукам» ч.1, стр. 158.*

6. Широко представлена также лексико-семантическая группа, объединяющая единицы по концептуальному **признаку «Часть хлеба»:**

ЛОМОТЬ - 'отрезанный для еды плоский кусок чего-н.' Ломоть хлеба;

КУСОК 1. 'отдельная часть чего-н. (отломанная, отрезанная)'. К. хлеба (также перен.: о пропитании, пище вообще);

КРОХА - То же, что крошка (устар.);

КРОШКА - 'мелкая частица чего-н., крошка хлеба';

КОРКА - 'наружный твердый слой хлеба', 'черствая корка';

КРАЮШКА, КРАЮХА (разг.) - 'большая горбушка хлеба';

ГОРБУШКА - 'кусочек хлеба, отрезанный от непчатого края';

ГРЕНКИ - 'поджаренные ломтики белого хлеба';

ТОСТ - 'поджаренный или подсушенный ломтик хлеба'.

*Он положил в рот **корочку хлеба**, которую все время держал в грязном кулаке. «Хождение по мукам», ч.1, стр. 105.*

*Не отвечая, Иван Ильич медленно полез в карман, вытащил оттуда **кусочек хлеба** и стал бросать птицам. Целая стая белых мартынов с тревожным криком кинулись ловить **крошки**. «Хождение по мукам», ч.1, стр.58.*

*Над ней за кормой летели острокрылые мартыны, падали на воду, взлетали с хриплыми, жалобными криками и, далеко отстав, кружились и дрались над плывущей **хлебной коркой**. «Хождение по мукам», ч.1, стр.58.*

7. Довольно представительна лексико-семантическая группа, охватившая номинации разновидностей хлеба **по признаку «С начинкой»:**

ЧЕБУРЕК - 'жаренный в масле плоский пирожок из тонкого пресного теста с начинкой из бараньего фарша с острыми приправами';

РАССТЕГАЙ - 'большой круглый открытый сверху пирог с начинкой (обычно из рыбного фарша); вообще пирожок с открытой начинкой';

ПИЦЦА - 'тонкая лепешка из теста с запеченными на ней под соусом кусочками мяса, сыра, овощей, грибов';

ПИРОГ - 'печеное изделие из раскатанного теста с начинкой';

ПЕЛЬМЕНИ - 'род маленьких пирожков из пресного теста с мясной начинкой, употр. в вареном виде';

КУЛЕБЯКА - 'большой продолговатый пирог с начинкой из мяса или рыбы, капусты, каши';

ГАМБУРГЕР - 'бутерброд с большой горячей мясной котлетой, сама такая котлета';

ВАРЕНИКИ - 'род маленьких пирожков из пресного теста, начиненных творогом, ягодами, употр. в вареном виде';

ВАТРУШКА - 'род открытого пирога, пирожка с творожной начинкой'.

Дашу кормили чебуреками и простоквашей, поили шампанским; любовник-резонер суетился, время от времени впадал в столбняк, шепча, словно про себя: «Боже мой, как хороша!» ... «Хождение по мукам», ч. 1, стр. 79.

8. Ряд лексем маркирован также **по признаку «Без начинки»:**

ОЛАДЬЯ - 'толстая мягкая лепешка из пшеничной муки, изжаренная на сковороде';

ПАМПУШКА (разг.) - оладья, пышка.

9. По признаку **«Кондитерские изделия»** в отдельную семантическую группу можно отнести следующие лексемы:

ПЕЧЕНЬЕ - 'кондитерское изделие из кусочков сладкого теста';

ПИРОЖНОЕ - 'кондитерское изделие небольшого размера из сладкого сдобного теста, обычно с начинкой, с кремом';

ПРЯНИК - 'сладкое мягкое печенье в виде лепешки или плоской фигурки';

КОВРИЖКА - 'род пряника (обычно на меду)';

РАХАТ-ЛУКУМ - 'восточное кондитерское изделие из сахара, муки и крахмала с орехами, миндалем, фруктовыми соками';

ТОРТ - 'кондитерское изделие из сладкого сдобного теста с кремом, фруктами';

ЭКЛЕР - 'пирожное из заварного теста, начиненное кремом'.

– *Да, уж знаете, протягивать руку Николаю Второму, как хотите, - противно, господа, - пробормотал Альфа, переводчик, выбирая в сухарнице пирожное, - во сне холодный пот прошибает... «Хождение по мукам», ч.1, стр.89.*

10. Следующая семантическая группа представлена лексемами, номинирующими разновидности хлебобулочных изделий **по признаку «приготовленные из сдобного теста»**, поскольку данное свойство является релевантным при характеристике хлеба:

КУЛИЧ - 'сладкий, очень сдобный высокий белый хлеб, приготовленный к Пасхе';

КЕКС - 'сдобное сладкое мучное изделие в виде хлеба, хлебца';

ПЛЮШКА - 'маленькая сдобная булочка, обычно плоская'.

11. Следующая семантическая группа репрезентирована номинациями с общей семой **«Жаренный на масле»**:

ОЛАДЬЯ - 'Толстая мягкая лепешка из пшеничной муки, изжаренная на сковороде';

ПОНЧИК - 'Круглый, жаренный в кипящем жире пирожок, пышка';

ЧЕБУРЕК - 'Жаренный в масле плоский пирожок из тонкого пресного теста с начинкой из бараньего фарша с острыми приправами';

12. Среди собранного нами материала были выявлены также лексемы, номинирующие разновидности хлеба **по признаку «Принадлежность к обряду»**:

ПРОСВИРА - 'В православном богослужении: маленький круглый белый пресный хлебец, употр. в некоторых обрядах';

КУЛИЧ - 'Сладкий, очень сдобный высокий белый хлеб, приготовленный к Пасхе'.

Результаты анализа позволили выделить помимо перечисленных и другие концептуальные признаки, характеризующие хлеб в русском языке, к примеру, вполне оправдано объединение номинаций кулинарии по признаку «Изготовленные из пресного теста» - чебуреки, лаваш и др., «Вареные мучные изделия» - пельмени, вареники и др.

При использовании второго вида анализа для описания концепта - анализа «от лексемы к категории», нами была выявлена отнесенность одной лексической единицы одновременно к нескольким категориям, например, такое лексическое обозначение одной разновидности мучных изделий, как «пельмени», может быть соотнесено с несколькими категориями, в нашем случае с такими концептуальными признаками: 1. «изготовленный из пресного теста», 2. «вареные мучные изделия», 3. «с начинкой», 4. «форма мучного изделия», 5. «размер». Результаты проведенного анализа «от лексемы к категории» можно представить в виде **таблицы 1**.

Таблица № 1. Концептуальные признаки лексем, номинирующих концепт «ХЛЕБ»

лексема	К а т е г о р и и – концептуальные признаки														
	Сорт муки	Сухой хлеб	Форма х/б из-	Плоский хлеб	Размер х/б из-	Часть хлеба	С начинкой	Без начинки	Кондитерск. Издел.	Сдобное тесто	жаренный	печенный	вареный	обрядовый	Пресное тесто
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
батон	*		*					*				*			
Блин				*						*		*		*	
бублик		*	*		*			*				*			
Булка	*				*			*				*			
Буханка	*		*					*				*			
Вареники			*		*		*						*		*
Ватрушка			*				*			*		*			
Вафля		*	*	*			*		*	*		*			
Галета		*		*	*			*	*			*			*
Галушки					*	*							*		?
Гамбургер					*		*			*		*			
Горбушка				*	*	*		*				*			
Гренки	*					*					*				
Калач	*		*					*		*		*			
Каравай			*		*			*				*			
Кекс								*	*	*		*			
Коврига			*		*			*				*			
Коврижка	*				*			*	*	*		*			
Корж				*				*	*			*			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Коржик				*	*			*	*			*			
Корка		*			*	*		*							
Краюшка					*	*		*							
Крекер		*						*	*	*		*			
Крендель			*					*				*			
Кроха						*		*							
Крошка						*		*							
Кулебяка			*		*		*			*		*			
Кулич	*				*					*		*		*	
Колобок															
Кусок						*		*							
Лаваш	*			*	*			*				*			*
Лепешка				*				*				*			
Ломоть						*		*							
Мякиш						*		*							
Оладья	*		*	*				*		*	*				
Пампушка								*		*	*				
Пеклеванный	*							*				*			
Пельмени			*		*		*						*		*
Печенье		*			*			*				*			
Пирог			*	*			*			*		*			
Пирожное					*		*		*	*		*			
Пирожок			*				*								
Пицца				*			*			*		*			
Плетёнка	*		*					*		*		*			
Плюшка				*	*			*		*		*			

Пончик			*		*			*		*	*				
Просвира					*			*							*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Пряник	*				*			*	*	*		*			
Пудинг															
Расстегай			*		*		*			*		*			
Рахат-лукум									*	*		*			
Рожок	*		*		*			*				*			
Розанчик			*		*					*		*			
Сайка	*		*					*				*			
Ситник	*		*					*				*			
сухарь		*			*	*									
Сушка		*	*		*	*		*							
Творожник			*	*						*	*				
Торт	*		*					*	*	*		*			
Тост		*				*									
хлеб	*		*		*			*				*			
Хлебец	*		*		*			*				*			
Чебурек			*	*			*				*				*
Чурек															
Шарлотка							*		*	*		*			
Эклер					*		*		*	*		*			

Как показало исследование, концептосфера «ХЛЕБ» репрезентирована родовидовыми отношениями, эксплицированными гиперо-гипонимическими рядами. Подобные ряды формируются в результате господства одного слова - гиперонима, обозначающего класс субстанций, охватывающий класс сущностей, обозначенных другим словом – гипонимом. При этом гипероним оказывается шире гипонима по своему значению. Так, в ряду номинаций хлебобулочных изделий выделяется наиболее общий термин «ХЛЕБ», который является родовым по отношению ко всем другим номинациям. Следующим уровнем в рассматриваемой концептуальной иерархии являются гипонимы, выступающие видовыми категориями по отношению к родовому названию – гиперониму. В частности, в качестве гипонимов могут выступать следующие номинации хлебобулочных изделий: булка, булочка, пирожное, пирог, пирожки, торт, кушанье. В свою очередь, данные лексемы располагают целым рядом подчиненных им слов, с которыми они также вступают в родовидовые отношения и образуют гиперо-гипонимические ряды. Гиперо-гипонимические отношения в иерархии концепта ХЛЕБ наглядно можно представить в виде таблицы.

Таблица № 2.

Гиперо-гипонимический блок концепта «ХЛЕБ»

Гипероним	Хлеб						
Гипоним	Булка	булочка	Пирожное / торт	Пирог/ пирожки	Лепешка	Печенье	кушанье
Когипонимдер	Калач Сайка Чурек Плетенк	Пампушка а Плюшка Слойка	Эклер Безе Медовый	Кулебяка а Расстегай	Лаваш Блин Корж Оладья	Пряник Коржик Коврижка -ка	Пицца Шарлотка Пудинг

	а	Розанчик		Чебурек	Творож	Кекс	Галушк
	Кулич	Колобок		Пончик	-ник	Галета	и
	Крендел			Ватрушк		вафли	
	ь			а			
	Каравай			Вареник			
	Коврига			и			
	Батон						

1.2.2. Гиперо-гипонимические отношения в структуре концепта «НОН»

Лексико-семантическое поле *хлеб* в таджикском языке включает в себя 68 единиц, обозначающих наименования хлеба, объединяемые интегральными и различаемые дифференциальными семами. Анализ лексем, собранных методом сплошной выборки из «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» под редакцией С.Назарзода, «Бурҳони Қотъ» составитель М.Бурхони, «Ғиёс-ул-луғот», «Фарҳанги осори Ҷомӣ» А.Нурова и репрезентирующих концепт «НОН», позволил выявить ряд признаков, формирующих структуру исследуемого концепта.

Как и в предыдущем параграфе при описании структуры концепта «НОН» мы придерживаемся метода З.Д.Поповой и А.И.Стернина [94,54]. В первую очередь, для выявления концептуальных признаков воспользуемся первым видом анализа, то есть «от категории к лексеме». В частности:

1. В ходе семантического анализа имеющегося в нашем распоряжении фактического материала было выделено несколько лексических единиц, маркированных по признаку «Сорт муки»:

ГУНДӢ – 'пресная лепешка из отрубей, выпеченная на золе';

ЖАҒОРА // ЗАҒОРА – 'лепешка, приготовленная из кукурузной или просяной муки';

КАШКИН // НОНИ КАШКИН – 'ячменная лепешка';

МАЙДА – 'лепешка, приготовленная из пшеничной пеклеванной муки';
САНГУЛА – 'просяная лепешка';
ШИРМОЛ – 'лепешка, приготовленная из толченого гороха и пшеницы';
ВАРҶАМИН – 'лепешка из смешанной ячменной и пшеничной муки';
СУМАНАК // СУМАЛАК – 'лепешка или сладость, приготовленная из проросших зерен пшеницы';
НОНИ ГАНДУМӢ – 'лепешка из пшеничной муки';
НОНИ ЦАВИН – 'ячменная лепешка'.

Ба осие ҷуворӣ бурда орд карда меовардам. Зани Иброҳимхоҷа ҳар ҳафта загора пухта медод. «Ёддоштҳо», қ. II, саҳ. 119. - Я сvez джугару на мельницу и привез оттуда муку. Жена Ибрагим-ходжи, Султан-пошо, пекла нам каждую неделю из этой муки хлеб. «Воспоминания», ч. 2, стр. 148.

... пешин нони загора аз орди ҷувории сафед пухташударо бо оби сард мехӯрданд ва бегоҳӣ бо ду сар пиёз пиёба (пиёзоба) пухта бо ҳамон загора мехӯрданд... «Ёддоштҳо», қ. II, саҳ. 182. - ... в полдень каждому доставалось – джугарная лепёшка и холодная вода, вечером – две луковицы с ломтем джугарного хлеба... «Воспоминания», ч. 2, стр. 218.

Баъзе аз он ба касе чизе нагуфта, ба хонаи ҳудаи рафта мехобид, боз пагоҳонӣ аз ҳамон оби гарми мошдор як косаширо фурӯ бурда як дона загораро дар багал гирифта ба кори сахро мерафт. «Ёддоштҳо», қ. II, саҳ. 183. - ... взглянув на родителей, уходил спать. Утром, на рассвете, глотнув той же похлёбки, он брал за пазуху кусок хлеба и уходил в поле. «Воспоминания», ч. 2, стр. 218.

Модаркалонам гуфт: - Алихон ҳар рӯз бозор меравад. Аммо ягон бор надидам, ки барои ман ё падараи ягон кулчаи ширмол оварда бошад ва ҳол он ки меъдаи фартутишудаи мо ин загораи сабилмондари ҳазм карда наметавонад. «Ёддоштҳо», қ. II, саҳ. 185. - 51. Бабушка говорила: - Он каждый день ездит на базар, но не было еще случая, чтобы он привёз мне или отцу хотя бы лепешку, а ведь я болею от просяного хлеба. «Воспоминания», ч. 2, стр. 220.

Як бор аз Алихон ва занаи барои вай як порча нони гандумӣ пурсидем, «надорем» гуфта надоданд. Ва ҳол он ки ҳар ҳафта як танӯр нони гандум мебухтанд. «Ёддоштҳо», қ. II, саҳ. 185. - Однажды мы попросили у Алихона кусок хлеба для него. Он сказал, что у него нет, хотя каждую неделю они пекли полную печь лепешек. «Воспоминания», ч. 2, стр. 220.

Кашкин нонат накунад орзу,

Нони самин хоҳи гирду калон. (Рӯдакӣ). – Ты не желаешь ячменной лепешки, // А мечтаешь о большой толстой лепешке.

2. Лексемы, характеризующие хлеб по концептуальному признаку «Толщина/тонкость лепешки» составляют отдельную лексико-семантическую группу, репрезентирующую концепт «НОН»:

ВАНОНА – 'толстая лепешка';

ЛАВОШ – 'очень тонкая лепешка из пресного теста';

ЛОЧИРА – 'тонкая лепешка из невыдержанного теста';

РИҚОҚ // РУҚОҚ – 'очень тонкая лепешка';

ЧАВОТӢ // ЧАПОТӢ – 'тонкая лепешка из пресного теста'.

Бар хони вай андар миёни хона,

Ҳам нони тунук буду ҳам ванона. (Дақиқӣ). – На его дастархане посреди комнаты была и тонкая лепешка, и толстая.

3. Следующую лексико-семантическую группу составляют кулинаремы, объединенные по признаку «С начинкой»:

САМБӢСА – 'пирожки с мясной, травяной или овощной начинкой';

САМБӢСАИ ВАРАҚӢ – 'пирожки из слоёного теста с начинкой';

КАДУБИЧАК // КАДУСАМБӢСА – 'пирожки с тыквенной начинкой';

БӢРАК – 'разновидность самбусы';

БИЧАК – 'разновидность самбусы';

БИЧАКИ ТАНӢРӢ – 'самбуса, испеченная в тандыре';

БИЧАКИ ДЕГӢ – 'самбуса, испеченная в казане';

ШАКАРПӢЗА – 'самбуса, начиненная толченым миндалем, изюмом и сахаром';

ЇУШБИРА // ТЇШБЕРА – 'вареные маленькие кусочки теста, начиненные мясным фаршем';

ЧАШИРА – то же что и ЇУШБИРА;

МАНТУ – 'кушанье из сваренных на пару маленьких кусочков теста, начиненных мясным фаршем'.

*Дар ҳар бор, ҷунонки бо хонаи худаи меҳмон оварда бошад, «меҳмонон одамони калонанд. Аввали шаб **тушбера**, нимаи шаб уғро, палов ва пагоҳонӣ ширбиринҷу ҳалвои тар кунед!» мегуфт. «Ёддоштҳо», қ.ІІІ.саҳ.371. - И каждую неделю начал привозить ко мне гостей, человек пять, а то и шесть. Да при этом распоряжался у меня, как дома, говорил мне: «Гости уважаемые люди. Надо кормить их щедро: готовить им вечером **пельмени**, к ночи – лапшу, а перед сном плов. А утром молочную кашу, рисовую, и к чаю мягкую халву». «Воспоминания», ч.3,стр.371.*

Бомдод, ки бувад аз шаби мастим хумор,

*Пеши ман ҷуз қадаҳу **бӯраки** нурсир маёр! (Абӯисҳоқи Атъима)- По утра, пока не прошла хмель ночи // Не предлагай мне ничего, кроме бокала и пирожков.*

4. Несколькими лексемами представлена также группа лингвокультурем, маркированных по признаку «Размер хлебобулочного изделия»:

САМИЗ (уст.) – 'маленькая белая лепешка';

ЇУВОРА (уст.) – 'маленькая белая лепешка';

НОНИ ГИРДА – 'большая лепешка';

*Дар рӯз як **гирданон** ва косаи адас ба зайт нӯхта диҳанд ва мавиз низ диҳанд. (Носири Хисрав). – Каждый день пусть дают большую лепешку и чашку супа из чечевицы, приготовленного на оливковом масле.*

5. Концепт «НОН» представлен в литературном языке таджикского языка также семантической группой, включающей в себя номинации мучных изделий по признаку «Сдобное тесто»:

БЕЇНОНА – 'небольшая сдобная лепешка';

НОНИ РАВҒАНИН – 'сдобная лепешка';

ФАТИРИ РАВҒАНИН – 'сдобная пресная лепешка';
КУЛИЧА // КУЛЧА – 'небольшая сдобная лепешка, изготовленная в тандыре, преимущественно из пшеничной муки на молоке и масле';
ШИРМОЛ – 'вид сдобных лепешек (замешанных на молоке)';
КУЛУНБА – 'кулича, небольшая сдобная лепешка, начиненная халвой и миндалем';
КОК // КАЪК (уст.) - 'тонкая сдобная лепешка'.

*Қассоб гӯсфанд мекушт, ошпазҳо оши палову кабоб ва нонвойҳо **фатириравганӣ** мепухтанд. «Ёддоштҳо», ҷ.1,саҳ.51. - Мясник резал барана. Повара варили плов, жарили мясо, пекли сдобные лепёшки. «Воспоминания», ч.1,стр.61.*

*Нонвойҳо нардбонҳои калони пахтагиرو ба дарахтони сарҳавз таҷа кунонда монда, бар рӯи пояҳои онҳо **кулчаҳои** калони **ширмоли** дубезаи Гиждувонро назаррабо карда чида буданд. «Ёддоштҳо», ҷ.1,саҳ.81. - Пекари, прислонив к деревьям возле водоёма высокие деревянные лотки, разложили на них большие **сдобные** двойные, Гиждуванские **лепёшки**. «Воспоминания», ч.1,стр.96.*

*Дуруст аст, ки **кулчаҳои ширмол** ва ҳалвоҳои зарҳалпеч хеле дилкаш менамуданд. «Ёддоштҳо», ҷ.1,саҳ.81. - Правда **сдобные лепешки** и халва в золотой бумаге заслуживали внимания... «Воспоминания», ч.1,стр.97.*

*Роҳбар ба 8 пул ду **кулчаи ширмол** харид, ба ним танга ҳалвои равгани зарҳалпеч харида, моро ба чойхонаи сарҳавз бурд. «Ёддоштҳо». ҷ.1,саҳ.81. - За восемь пулов Ибрагим-ходжа купил две **сдобных лепешки**, а за полтеньги – завернутую в золотую бумажку халву. Мы пошли в чайную на берегу водоёма... «Воспоминания», ч.1,стр.97.*

6. Несколько единиц маркированы по признаку «Сухой хлеб»:

ГАРМҚОҚ // ГАРМХУШК - 'тонкая лепешка, подсушенная при выпечке';
ВАФЛӢ – 'тонкое сухое печенье с рельефными клеточками по поверхности'.

Рӯзи дигар пагоҳонӣ мӯсафед дар ним коса ширчой як порча нони тунукӣ хонагии гармқоқро, ки ҷои сухарӣ мегузаист, пора карда ба ман дод, аммо нагузошт, ки аз он нонпораҳои ҷой хӯрам. қ. III, саҳ. 320. - Лишь утром следующего дня старик наломал мне в чашку несколько лепестков тонкой подсушенной лепешки. «Воспоминания», ч. 3, стр. 68.

Чавони логар аз як сандуқи чӯбини даричадор, ки дар буни он дарахт истода буд, ду нони калони тунуки гармқоқ оварда, ба рӯи дастархон ниҳод. «Ёддоштҳо». қ. III, саҳ. 402. - Юноша подал ему большие тонкие подсохшие лепешки, старик наломал их на скатерть. «Воспоминания», ч. 3, стр. 164.

7. Следующая семантическая группа представлена лексемами, номинирующими разновидности хлебобулочных изделий **по признаку «Жаренное на масле»:**

БЎҒУРСОҚ – 'маленькие, зажаренные на масле куски теста, замешанного на молоке и яйцах';

ОРЗУҚ – то же что и БЎҒУРСОҚ;

ЧАЛПАК // ЧАЛБАК // ЧАРБАК – 'тонкие лепешки из пресного теста, приготовленные на масле, как правило, накануне религиозных праздников для поминовения покойных'.

8. Несколько лексем выделены **по признаку «Дополнительные ингредиенты»:**

ЧАЛМА // ЧАЛМАФАТИР – 'лепешка, в составе теста содержится тыква, лук или перец';

НОНИ КУНЦИДӢ – 'лепешка, посыпанная кунжутными семенами'.

... дар ин моҳ супоришҳои берунаи гароннахро бисёртар гиранд, то ки хароҷоти барзиёди рамазониро таъмин кунанд, чунки дар моҳи рамазон онҳо маҷбур буданд, ки ҳар рӯз барои ифтор, ҳеҷ набошад, якто нони бозори кунцидӣ, як коса нишолло ва обинабот гирифта пеши зану фарзандонашон гузоранд... «Ёддоштҳо». қ. IV, саҳ. 579. - ... мастера и сами набирали заказы выше своих сил, когда можно было сбыть изделия по более высокой цене, чтобы возместить праздничные расходы – чашку нишалло,

базарную лепешку, посыпанную кунжутными семенами, немного жидкой халвы – для разговения вместе со своей детворой. «Воспоминания», ч.4, стр.338.

9. Концептуальный признак «Способ приготовления» также был отмечен как категория, характеризующая концепт НОН в таджикском языке:

КУМОЧ // КУМОЧ – 'толстая пресная лепешка, выпеченная на золе, на раскаленном песке';

КУЛЧАИ ТАГОШДОНӢ // КУЛЧАИ САНГӢ – 'лепешка, выпеченная на каменной плите очага под золой';

ҚОТУРМА – 'лепешка из пресного теста, испеченная в котле';

НОНИ ТАФДОН – 'лепешка, испеченная в духовке'.

Дар пеши он одам дастархон паҳн буда, ба рӯи дастархон як табақи калон пур аз гӯшти яхнӣ ва якчанд дона нони калони тафтон меистад ва он одам бо як дасташ як порча нонро дошта ва бо дасти дигараш як бурда гӯштро гирифта, он гӯштро дар он нон печонда бо даҳонаш мезад ва дар вақти хоидан он бо дастҳояш боз ба шикастани нон ва пора кардани гӯшт машгул мешуд. «Ёддоштҳо». ҷ. II, сах. 226 - Одной рукой человек брал кусок тонкой лепёшки, другой рукой – кусок мяса, заворачивал в рот. Прожевав, он снова рвал лепешку и мясо. «Воспоминания», ч.2, стр.266.

Надиданд одамон ҳатто кафи орд,

Барои кулчаи тагошдонӣ. («Осиёбон» Доро Наҷот). - не видели люди даже горстки муки // для лепешки.

10. В отдельную группу были выделены лексемы, характеризующиеся признаком «Слоистость»:

ҚАТЛАМА // ҚАЛАМА – 'слоёная лепешка, жаренная на масле';

ФАТИРИ ҚАД-ҚАД - 'слоёная лепешка из пресного теста';

САНБӢСАИ ВАРАҚӢ – 'пирожки из слоёного теста с начинкой'.

11. Несколько единиц были включены в следующую семантическую группу по признаку «Пресное тесто»:

ФАТИР – 'лепешка из пресного теста';

ЧАПОТӢ // ЧАППОТӢ – 'тонкая пресная лепешка'.

*Хӯроки шабонаро, ки дар вақти ифтор хоҳем хӯрд, ба ёд овардам: **фатири** гарми равганизардӣ, ки модарам пухтани онро ваъда карда буд. «Ёддоштҳо». ҷ.I.саҳ.78. - На память мне полезли различные кушанья, я подумал о том, чем мы будем после захода солнца разговляться. Мать обещала приготовить к этому долгожданному часу горячее слоеное тесто и сироп из ягод шелковицы. «Воспоминания».ч.1,стр.92.*

*– Агар кори ҳашар тамом шавад, он гурӯҳи дусад нафарӣ он палав, кабоб ва **фатирро** аз кучо мехӯранд ва аспҳошон беда ва чавро аз кучо меёбанд? – гуфт падарам дар чавоб. «Ёддоштҳо». ҷ.I, саҳ.52. - – Э, когда эти работы кончатся, где найдут себе эти двести бездельников плов, мясо и хлеб, а своим лошадям овес и сено? «Воспоминания», ч.1,стр.62.*

*...апаи Маҳтобӣ ба Назар хамиру нонро ёд додаст. **Чанотӣ** ҳам меназад. (Р. Мардон, «Оташидил»).- Сестричка Махтоби научила Назара печь лепешки. Тонкие лепешки он тоже умеет печь.*

12. Концепт НОН представлен также группой лексем, маркированных по признаку «Принадлежность к обряду»:

ОРЗУҚ // БӢҒУРСОҚ - 'маленькие, зажаренные на масле куски теста, замешанного на молоке и яйцах';

СУМАНАК // СУМАЛАК – 'традиционная лепешка или сладость, приготовленная из проросших зерен пшеницы на праздник весеннего равноденствия';

НОНИ МУШАВВАШ – 'тонкая нежная лепешка, изготавливаемая преимущественно на праздники';

ЧАЛПАК // ЧАЛБАК // ЧАРБАК – 'тонкие лепешки из пресного теста, приготовленные на масле, как правило, накануне религиозных праздников для поминовения покойных';

ЛОЧУРА – 'тонкая лепешка, выпекаемая на празднество по случаю обряда обрезания и раздаваемая каждому гостю'.

*Заноне, ки шавҳарашон ё фарзандонашон ё ягон хеши наздики диграшон ба тозагӣ мурда бошад, табақ-табақ **чалпак** ва лаълӣ-лаълӣ нону*

кулча бардошта меомаданд, нобино ва биноён баробар ба Қуръонхонӣ сар мекарданд ва мани хурдсол ҳам ба онҳо ҳамроҳӣ менамудам. «Ёддоштҳо». қ.ІІІ,саҳ.423. - Женщины, поминавшие новопреставленных родственников, приходили на кладбище с блюдами и подносами, полными лепешек и мелких лепешечек, и все чтецы принимались читать Коран, а я не отставал от прочих. «Воспоминания», ч.3, стр.188.

Онҳо дар вақти тақсим кардани чалпаку нон ба мани ҳаитсола раҳмашон омада, назар ба калонсолон ҳиссаи маро зиёдтар мекарданд. «Ёддоштҳо». қ.ІІІ,саҳ.423. - Раздавая лепешки, мне, ребёнку, они из жалости давали больше, чем другим. «Воспоминания», ч.3,стр.188.

Суманак дар ҷӯш, мо кафча занем,

Дигарон дар хоб, мо дафча занем. – Кипит сумалак, мы мешаем половником, // Другие спят, мы играем на бубне.

13. Отдельную группу составили несколько единиц лексем, имеющих общую сему **«кондитерское изделие»:**

ТОРТ - 'кондитерское изделие из сладкого сдобного теста с кремом, фруктами'.

КУЛЧАҚАНД - 'специальная маленькая сладкая лепешка, изготавливаемая кондитерами'.

Результаты анализа позволили выделить помимо перечисленных и другие концептуальные признаки, характеризующие хлеб в таджикском языке, к примеру, вполне оправдано объединение номинаций кулинарем по признаку «Время» - БАЁТ (нони баёт) – 'вчерашняя лепешка', «Вареные мучные изделия» - ТУШБЕРА // ҶУШБЕРА – 'вареные маленькие кусочки теста, начиненные мясным фаршем' и др.

Большой интерес представляет и тот факт, что таджикская ментальность и гастрономические традиции характеризуются наличием большого количества мучных похлебок, номинированных лексемой **атола:**

АТОЛАИ ЯВҒОН – 'мучная похлёбка без масла';

ОРДОБ // ОРДБИРЁН // ГАРСУЗ – 'мучная похлёбка, изготовленная из обжаренной муки с добавлением молока';

ШИРАТОЛА – 'мучная похлёбка, изготавливаемая из муки и молока';

ГАНДУМКЪЧА – 'похлёбка из толченой пшеницы'.

Более того, хотя русская и европейская картина мира подразумевает интерпретацию лексемы *халва* как «кондитерское изделие из растертых орехов, семян, смешанных с карамельной массой» (Ожегов), в таджикском языке это понятие имеет несколько другое толкование, поскольку таджикская халва состоит из других ингредиентов, одним из основных составляющих которой является мука. В частности, в ФТЗТ зафиксировано следующее толкование данной лексемы: «Халва – сладкая еда, приготовленная из муки, масла и сока; сладость». Вследствие чего таджикская языковая картина представлена другими литературными лексемами *халва*, на наш взгляд, выражающих понятие «мучные изделия», как репрезентанта концепта «НОН», например:

ЗУЛБИЁ // ЗУЛИБИЁ – 'халва, изготовленная из муки, сахара и кунжутного масла';

ҚОҚТӢ – 'халва, изготовленная из обжаренной муки и густого тутового сиропа';

НАМАКЗӢ – 'халва, изготовленная из муки, мёда с добавлением миндаля и фисташек';

ГӮЛОҶ, ВАЙЛОНҶ, ШАКАРҚАЛАМ – 'халва, в состав которой входят, в основном, мука и сахар'.

Дар пагоҳи он шабе, ки дар хонаи мо сӯхбати дар боло нақлкардашуда гузашт, модарам ҳалвои қоқтӣ пухт, ман ба ӯ дар отаимонӣ ёри додам... «Ёддоитҳо». ҷ. I сах. 16. - Как-то раз, уже после этого разговора, мать варила халву. Я ей помогал. «Воспоминания», ч. I, стр. 18. Ман як порча ҳалвои қоқтиро, ки модарам ба ман дода буд, қатар-қатаркунон хӯрда ба кӯча баромадам... «Ёддоитҳо», ҷ. I сах. 16. - Взяв в руки кусок халвы, я с наслаждением похрустывал ею. Выйдя на улицу... «Воспоминания», ч. I, стр. 18.

При использовании второго вида анализа для описания концепта - «от лексемы к категории», нами была выявлена отнесенность одной лексической единицы одновременно к нескольким категориям, например, такое лексическое обозначение одной разновидности мучных изделий, как «чалпак», может быть соотнесено с несколькими категориями, в нашем случае с такими концептуальными признаками: 1. «изготовленный из пресного теста», 2. «жаренный на масле», 3. «принадлежность к традиции», 4. «толщина/тонкость мучного изделия». Результаты проведенного анализа «от лексемы к категории» можно представить в таблице 3.

Таблица № 3 Концептуальные признаки лексем, номинирующих концепт «НОН»

лексема													
	Сорт муки	Сухой хлеб	Размер х/б изделия	слоистость	С начинкой	Толщина/тонкость	Дополнительный ингредиент	Сдобное тесто	жаренный	Способ приготовления	вареный	обрядовый	Пресное тесто
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Гундї	*									*			
Зағора	*												
Кашкин	*												
Кулчаканд	*						*	*					
Сангула	*												
Ширмол	*												
Вархамин	*												
Суманак	*											*	*
Нони гандумї	*					*							
Нони чавин	*												
Ванона						*							
Лавош						*							*
Лочира						*							*
Рикоқ						*							
Чапотї						*							*
Санбўса					*								*
Санбусай варақї				*	*								*
Кадубичак					*								*
Бўрак					*								

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Бичаки танӯри					*								
Бичаки дегӣ					*					*			
Шакарпӯза					*					*			
Тӯшбера					*						*		*
Манту					*						*		*
Самиз				*									
Хувора				*									
Нони гирда				*									
Бехнона								*					
Чак-чак								*	*				
Фатири равғанин								*					
Кулча								*					
Чалпак						*			*			*	
Кок//каък								*					
Гармқоқ		*											
Вафлӣ		*											
Бӯғурсоқ			*					*	*			*	
Орзук			*					*	*			*	
Чалмафатир							*						
Нони кунчидӣ							*						
Кумоч//кумоч										*			
Кулчаи тағошон										*			
Қотурма										*			*
Нони тафдон										*			
Қатлама				*					*				*
Фатир													*

Как показало исследование, концептосфера «НОН» репрезентирована родовидовыми отношениями, эксплицированными гиперо-гипонимическими рядами. В частности, в качестве гипонимов могут выступать следующие номинации хлебобулочных изделий: *пирожки, лепешка, кушанье, халва, булочка, похлебка*. В свою очередь, данные лексемы располагают целым рядом подчиненных им слов, с которыми они также вступают в родовидовые отношения и образуют гиперо-гипонимические ряды. Гиперо-гипонимические отношения в иерархии концепта НОН наглядно можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица № 4.

Гиперо-гипонимический блок концепта НОН

Гиперо ним	Нон					
Гипо ним	Лепешка	кушанье	Пирожк и	печенье	Булочк а	халва
Когипо -ниндер	Ванона Гармқоқ Гирда Зағора Кумоч Катлама Лавош Риқоқ	Нонхұри Фатир- маска Широз	Бичак Бұрак Санбұса чашира	Бұғурсоқ Вафлй Кулчақан д чакчак	Беҳнон а Кулча Кулича Маҳча	Қоқтй Гулоқ Моқут Мағзин Цаёбй

1.3. Сопоставительный анализ репрезентации концепта ХЛЕБ/НОН в общелитературной лексике русского и таджикского языков

Особенностью и индивидуальностью таджикского дастархана и русского стола является такое гастрономическое предпочтение этих народов, как есть всё с хлебом. Богатое разнообразие видов хлеба и хлебобулочных изделий свидетельствует о занимаемом хлебом особенном положении как в русской, так и в таджикской народной и элитарной культуре. Богатый фактический материал, почерпнутый нами из толковых словарей, подтверждает эти положения.

В современных словарях рассматриваемых языков лексемы, являющиеся названием концепта, имеют в русском языке 4 значения, а в таджикском 2, основным значением в обоих языках выступает дефиниция 'пищевой продукт, приготовленный из муки'. Данное значение является стержневым определением исследуемого нами концепта ХЛЕБ/НОН. Лексическая сочетаемость одноименной лексики проявляет тождественность в обоих языках.

Сбор лексикографической информации и сопоставительный анализ иллюстративного материала позволил выявить как общие, так и отличительные концептуальные признаки хлеба. В частности, был обнаружен ряд репрезентирующих концепт ХЛЕБ/НОН признаков:

В русском языке –

1. Сорт муки;
2. Форма хлебобулочного изделия;
3. Размер хлебобулочного изделия;
4. Хлеб с начинкой;
5. Кондитерские изделия;
6. Часть хлеба;
7. Изготовленный из сдобного теста;
8. Изготовленный из пресного теста;
9. Плоский хлеб;

10. Сухой хлеб;
11. Жаренный на масле;
12. Принадлежность к обряду.

В таджикском языке –

1. Сорт муки;
2. Размер хлебобулочного изделия;
3. Хлеб с начинкой;
4. Толщина/тонкость;
5. Изготовленный из сдобного теста;
6. Изготовленный из пресного теста;
7. Сухой хлеб;
8. Жаренный на масле;
9. Дополнительные ингредиенты;
10. Кондитерские изделия;
11. Способ приготовления;
12. Слоистость;
13. Принадлежность к обряду.

Как вытекает из перечисленных концептуальных признаков, репрезентированные лексемами лексико-семантические группы могут представлять как сходные, так и отличительные свойства в сопоставляемых языках. Так, общими признаками концепта как для русского, так и для таджикского языков являются следующие 9 особенностей хлебобулочного изделия: «сорт муки», «с начинкой», «размер хлебобулочного изделия», «изготовленный из сдобного теста», «кондитерские изделия», «изготовленный из пресного теста», «сухой хлеб», «жаренный на масле», «принадлежность к обряду».

Лексико-семантическая группа, объединяющая лексемы по признаку «сорт муки», хоть и представлена в обоих языках, однако проявляет некоторые различия по составу входящих в нее лексем. Русская картина мира предполагает в составе этой группы основную

оппозицию лексем, имеющих в значении семы 'из пшеницы', 'из ржи'. Первые составляют подгруппу, которую можно обозначить родовым названием 'белый хлеб', а вторые - 'черный хлеб'. Тогда как в таджикском языке данный признак представлен лексемами с семной доминантой 'пшеница' и 'ячмень', поскольку в таджикском социуме преимущественно пользовались изделиями из пшеницы и ячменя, как наиболее доступных злаков. В меньшей степени пользовались популярностью в русской среде ячменный хлеб и яровой хлеб. В таджикском языке данная группа представлена также номинациями, обозначающими понятия с семой 'просо', 'кукуруза'.

Очень широко представлена в русской языковой картине мира лексико-семантическая группа, маркированная по признаку «хлебобулочные изделия с начинкой», поскольку на русском столе первое место занимали пироги, а в русской кухне существовали и по сей день существуют многочисленные виды этого мучного изделия. Весьма внушителен и перечень ингредиентов, используемый русскими в качестве начинки: несколько видов мяса, огромное разнообразие сортов рыбы, грибов, ягод и овощей. В противовес русской, таджикская языковая картина мира по данному признаку представлена лишь немногими единицами, а в качестве номинаций, обозначающих ингредиенты начинок, выступают лексемы с семой 'мясо', 'съедобные травы', 'тыква', 'картошка'.

Другие, имеющие общие характеристики семантические группы в сопоставляемых языках представлены почти равнозначно. Что касается репрезентации концепта отличительными концептуальными признаками, то в это связи следует отметить следующее.

В составе лексического фонда таджикского языка не были обнаружены наименования, содержащие такие признака хлеба, как «часть хлеба», «форма хлеба», «плоский», представленные в русском языке. Отсутствие двух последних признаков, на наш взгляд, обусловлено гастрономическими предпочтениями этих двух народов.

Русская картина мира располагает наличием в русской кухне хлебобулочных изделий продолговатой, кирпичной и других форм, а также отличающихся по своему подъему вследствие высоты формы, в которых они готовятся. Отличительной особенностью таджикской кухни является то, что форма хлеба имела либо форму *рафиды* – круглой плоской подушки для приклеивания лепешек к стенкам тандыра, либо форму дна казана, что в обоих случаях предполагает изготовление плоских и круглых лепешек. Что же касается признака «часть хлеба», данный признак представлен в таджикском языке субстантивными словосочетаниями, где зависимым компонентом выступает лексема «нон»: *як лаб нон, тиккаи нон, бурдаи нон, луқмаи нон, пораи нон*. Односоставных лексем, функционирующих в таджикском языке в качестве самостоятельных сем, содержащих в себе сему «часть хлеба» не выявлено.

Дар гайри моҳи рамазон низ ин кор хеле зӯрталаб бошад ҳам, машқобон дар байни кор гоҳо бо як луқма нон як пиёла чой нӯшида, қадаре дам гирифта, ба анҷом мерасонданд. «Ёддоштҳо». ҷ.IV,саҳ.578. - Этот труд и в обычное время был тяжек, а в рамазан, в течение четырнадцати, а то и шестнадцати часов, не беря в рот ни крошки хлеба, ни капли воды, водоносы изнемогали до вечера. «Воспоминания», ч.4,стр.338.

... бинобар ин ба ӯ ҳунаре ёд додан даркор аст, ки баъд аз ронда шудани аз подшоҳӣ ба воситаи он ҳунар як бурда нон ёфта хӯрда тавонад, то ки аз гӯшнагӣ намурад... «Ёддоштҳо». ҷ.IV,саҳ.461. - ... нужно заблаговременно обучить его какому-нибудь ремеслу, чтобы он хоть кусок хлеба смог себе добыть, когда его прогонят. «Воспоминания». ч.4,стр.222.

Инҳо гайр аз як лаб нон ёфта шиками худро сер кардан ва сабзоб нӯшидан мақсади дигаре надоранд. «Ёддоштҳо». ҷ.III,саҳ.301. - Эти из их числа, у них одна цель – насытиться и выпить своего дурмана. «Воспоминания», ч.3,стр.46.

Таджикская ментальность и гастрономические традиции таджиков в противовес русской репрезентации концепта ХЛЕБ характеризуются наличием таких концептуальных признаков, как «дополнительные ингредиенты», «способ приготовления», «толщина/тонкость лепешки», «слоистость». Выделенный в таджикском языке признак «дополнительные ингредиенты» предполагает замешивание теста помимо сдобы с дополнением таких продуктов, как шкварки, лук, картофель, съедобные травы и т.д.

Таджикская языковая картина мира располагает такими лексемами, которые характеризуют концептуальный признак «способ приготовления хлеба», поскольку таджикская ментальность предусматривает изготовление хлеба в казанах и сковородах как на масле, так и без него, а также в раскаленных углях, на раскаленных камнях и песке.

Большой интерес представляет и тот факт, что таджикские гастрономические традиции характеризуются наличием большого количества мучных похлебок, номинированных лексемой *атола*, а также такого мучного изделия, как *халва*.

Проведенное нами исследование позволило выявить отличие и в составе, и в объеме гиперо-гипонимических отношений, эксплицирующих концепт ХЛЕБ/НОН в русском и таджикском языках. Если родовидовые отношения в рассматриваемой концептосфере в русском языке представлены одним гиперонимом *хлеб* и 7 гипонимами, такими как *булка, булочка, пирожное/торт, пирог/пирожки, лепешка, печенье, кушанье*, то в таджикском языке – одним гиперонимом *нон* и 6 гипонимами: *лепешка, кушанье, пирожки, печенье, булочка, халва*, что, безусловно, говорит о чертах индивидуальности и своеобразии национальных культур и ментальности этих народов.

2. Репрезентация концепта ХЛЕБ/НОН в паремиологии и фразеологии русского и таджикского языков

В современном языкознании бытует мнение о том, что концептуальная и языковая картина мира не может быть исследована в полном объеме без анализа фразеологического и паремиологического корпуса языка [6, 96]. Подобная точка зрения в действительности имеет право на существование, поскольку большинство ученых единодушны в том, что именно в идиоматике, в особенности в паремиологических единицах, в наибольшей степени отражается культурно-исторический опыт народа: «... история фразеологического состава языка – это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их языковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним ценностное или эмоциональное» [127,82].

Картина, воплощенная в идиоматике и сформированная на протяжении столетий, может иметь как традиционное, так и современное отражение.

Паремиологический и фразеологический фонд языка представляет собой фрагмент языковой картины мира. Картина мира находит своё отражение в сознании людей посредством языковой картины мира, которая, будучи наиболее широким понятием, воспроизводит «наивное» мировоззрение народа. Многие ученые обращаются к паремиям как к объекту своих исследований, поскольку считают их ярким проявлением народного менталитета.

Материал для воссоздания и исследования паремиологической картины мира того или иного этноса черпается в основном из анализа внутренней структуры паремиологических единиц, их лексического состава, средств метафоризации.

Паремиологические картины мира русского и таджикского народа, которые вырабатывались в пределах соответствующего этносознания, характеризуются своими особенностями и отражают конкретный образ восприятия и формирования мира носителями языка.

Паремиологическая картина мира оценивает означаемые ситуации, рекомендует действия согласно менталитету народа.

Под паремиологической картиной мира в данном исследовании подразумевается фрагмент наивно-языковой картины мира.

Вследствие того, что рассматриваемый нами концепт ХЛЕБ/НОН анализируется в плане воспроизведения пословичной картины мира, следует пролить свет на понятие «пословичный концепт». Опираясь на мнение В.Н.Телия, под пословичным концептом следует понимать всю информацию об объекте, полученную на основе анализа пословиц, в том числе их содержательного плана. «Пословичный концепт – это совокупность когнитивных элементов, имеющих отношение к объекту» [127,109]. Описание пословичного концепта возможно и на основе анализа когнитивных уровней семантики и внутренней структуры.

В научной литературе рассматриваются также и вопросы разграничения концепта-минимума и концепта-максимума. Концепт-минимум представляет собой совокупность признаков, обязательных при опознании сути и восприятия семантики обозначающего его слова. Концепт-максимум включает в себя всю информацию о сути, доступную обычному носителю языка, абсолютное владение значением лексемы. Соответственно, при описании концепта всем пословичным фондом языка, мы подразумеваем пословичный концепт-максимум, в то время как при рассмотрении одной пословицы и входящих в ее когнитивную систему концептов, мы имеем дело с пословичными концептами-минимумами.

Воссоздание пословичного концепта заключается в необходимости установления всего набора образующих его когнитивных элементов. Выявление пословичного концепта подразумевает извлечение из когнитивных пределов характеризующих объект свойств и функций. Концепт является совокупностью когнитивных элементов, образующих конкретный план репрезентации знания. «Любой концепт - это когнитивная структура, но далеко не каждая когнитивная структура является концептом» [127, 110]. При

анализе пословицы заданной тематики возможна реконструкция соотнесенной с концептом когнитивной структуры.

Пословицы и поговорки выступают источником изучения культурно-языкового сознания. В современной лингвистике существует несколько методов характеристики языкового сознания, в частности: лексико-семантический, культурологический, строго лингвистический и концептуальный. Зачастую концептуальный подход сочетается с этнолингвистическим, позволяющим «изучать язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества» [133,12].

Проводимый нами анализ фразеологизмов, пословиц и поговорок предполагает комбинирование концептуального и этнолингвистического подходов, которые позволяют характеризовать концепт в языковом сознании на однотипном языковом материале. Этот пласт национального языка и культуры следует рассматривать в качестве подспорья для реконструкции мифологического сознания в силу следующих факторов:

- 1) пословицы и поговорки создаются по систематически реконструируемым моделям;
- 2) характеризуются конкретной предельностью и однородностью;
- 3) устанавливают контакты сознания и культуры, в той или иной мере имеющие значение для всех носителей этого языка;
- 4) постоянны во времени, поскольку фразеологизмы, пословицы и поговорки не могут менять своего значения;
- 5) воссоздают наивное сознание, четко выражаясь мифологическими элементами;
- 6) изображают понятия, имеющие значение для языкового сознания этноса.

При воспроизведении констант мифологического сознания, заархивированных в идиоматических единицах, многие исследователи

предпочитают идти по пути от плана выражения к плану содержания, так как концепт может быть репрезентирован разными лексемами.

Для формирования картины мира на основе пословиц и поговорок основной задачей является выделение базовых концептов, то есть ресурсов основных, наиболее важных элементов культуры. Основу такого вычленения концепта составляет фактор значимости, так как не все предметы и явления реальной действительности и человеческого бытия заслуживают быть культурно отмеченными, т. е. могут приобрести знаковый статус в культурных текстах.

Поскольку паремиологические единицы являются ярким культуруносным пластом языковой картины мира, то лингвокультурологическое описание и анализ пословиц и поговорок русского и таджикского языков с компонентом «ХЛЕБ/НОН» сделает возможным выявление и определение символической и аксиологической функции гастрономических названий в составе корпуса фразеологии и паремиологического фонда. Будучи компонентом языковой картины мира, концепт «ХЛЕБ/НОН» репрезентирует все соответствия, представления, тенденции, понятия, стереотипы, оценки, которые содержат в себе особенности национального мировосприятия и мировоззрения.

Пищевой культурный код исследователями интерпретируется как совокупность «обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках продуктов питания, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы»[71,34].

Языковой корпус исследуемого материала составил 280 паремиологических и фразеологических единиц с концептом «ХЛЕБ/НОН» (143- русских, 137 - таджикских).

Языковая концептуализация пищевого кода культуры в русских и таджикских пословицах и поговорках отличается разнообразием

репрезентаций и содержит в себе колоссальный социокультурный подтекст. Вследствие чего, концепт «ХЛЕБ/НОН» необходимо рассматривать как комбинационное многоуровневое образование, для которого свойственна аксиологическая значимость, охватившая как универсальные, так и этнокультурные факторы.

Лексема *хлеб* служит стержневой и концептуальной доминантой пищевого кода культуры в русской и таджикской языковых картинах мира. Хлеб является лексемой, передающей родовое понятие, и выступает в качестве гиперонима всех хлебных наименований, даже еды в целом. Вследствие чего данный концепт зафиксирован как наиболее частотный и активный компонент устойчивых выражений, формирующих особенное этнокультурное пространство.

2.1. Логоэпистемы русского языка.

В нашем исследовании было проанализировано 143 паремиологических и фразеологических единицы русского языка, содержащие в себе концептуальную доминанту «хлеб». Рассматриваемые логоэпистемы были классифицированы в следующие лексические группы:

1. Пища:

Один крест хлеба не ест.

Дал бы ротик – даст и кусочек.

Хоть чертом зови, а хлебом накорми.

Только ангелы с неба не просят хлеба.

Хлеб греет, а не шуба.

И худой живот, да хлеб жует.

2. Благосостояние/добро:

Хлеб на стол, так и стол престол, а ни куска – так и стол доска.

Не в пору обед, как хлеба дома нет.

Хлеба ни куска – везде тоска, а хлеба край – и под елью рай.
Палата бела, а без хлеба утла (в ней беда).
Без соли не вкусно, а без хлеба не сытно!
Одинокому где хлеб, там и угол.
Не дорог виноград терский, дорог хлеб деревенский: немного
укусишь, а полон рот нажуеть!

3. Бог/святыня:

Дай Бог покой да хлеб святой.
Без хлеба святого все приестся.
Бог на стене, хлеб на столе.
Хлеб ест, а креститься не умеет.
Не спрашивай урожая, а паши и молись.
Светит, да не греет, только напрасно у Бога хлеб ест.
Не хлебом живы – молитвою.
Хлеб-соль величай.
Не для хлеба куса, ради самого Иисуса.
Хлеб – дар божий, отец, кормилец.

4. Заработок (труд):

Достают хлеб горбом, достают и горлом.
Хоть долбилком, хоть кадилком, а хлеба добыть.
Проголодаешься, так хлеб достать догадаешься.
Ищи, как хлеб ищут.
Кто без устали работает, тот без хлеба не бывает.
Купец – торгом, поп – горлом, а мужик горбом хлеб добывает.
Потом добытый хлеб и черствый сладок.

5. Профессиональный заработок:

Ремесло пить-есть не просит, а хлеб приносит.
С ремеслом и увечный хлеба добудет.
Кто что знает, тем и хлеб добывает.

Не хлебопёки, а хлеб едим.

6. Запас:

Не оставляй на завтра дела, а оставляй хлеба.

Не покидай в запас дела, покидай в запас хлеба.

Поезжай на неделю, а хлеба бери на два.

Хлеб-соль да камень за пазухой носи.

7. Свой/чужой хлеб:

Чужие хлебы приедчивы.

Рад бы душой, да хлеб чужой.

Моё – что хочу, то и делаю: хочу с хлебом ем, хочу – масло пахтаю.

Чужой хлеб всегда вкусен.

Чужой хлеб в горле петухом поёт.

В своем ломте – своя воля.

Свой хлеб хоть ночью ешь.

Свой хлеб сытнее.

Чужую печаль и с хлебом съешь, своя и с калачом в горло не лезет.

Чужим хлебом и чужим умом недолго проживешь.

8. Лень/Праздность:

Ленивый всегда так: хлеба давай пуду, а работать не буду.

Доплясались, что без хлеба остались.

Пролениться – и хлеба лишиться.

Кто в небо глядит, тот без хлеба сидит.

Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится.

Пошел за хлебом до рынку, а купил волынку.

9. Голод:

Не давать голодному хлеб резать.

Цельба голодному – хлеб с водою.

Голодной куме хлеб на уме.

Голодному кусок за целый ломток.

Голодный и владыка (и патриарх) хлеба украдет.

10. Гостеприимство:

Русский человек хлеб-соль водит.

Не красна изба углами, красна пирогами.

Хлеб-соль и разбойника смиряет.

Хлеб хлебу брат.

Хоть хлеба краюшка да пшена четвертушка от ласкового хозяина и то угощение.

Хлеб-соль в воротах, так не своротишь.

11. Сон:

Рано вставать – много хлеба добывать, а долго спать – долг наспать.

На соль пьётся, на хлеб спится.

Легко за готовым хлебом на полатях спать.

Сонный хлеб не просит.

12. Зависть:

В чужих руках ломоть (пирог) велик, а как нам достанется, мал покажется.

В чужих руках краюха за ковригу (кус за ломоть).

Друг у друга ломоть из рук выбивают.

Дай, кумушка, щец, да и хлебец этот твой.

По монастырской ковриге за щеку мечет.

Погнался за ломтем, да ковригу потерял.

13. Займы:

Отдашь локтем, а собираешь крохами.

Раструсив хлеб, да по зерну подбирай.

В долг не продать, так и хлеба не видать.

Чужие денежки ночью хлеб едят.
Продай хоть ржи, а долгу не держи.
Хлеб-соль заёмное дело.
Хлеб-соль платежом красна.

14. Деньги:

Дешёв хлеб, коли деньги есть.
Деньги дороги, а калачи дешевы.
Дорог хлеб, когда денег нет.
Хлеб продать – дешев, хлеб купить – дорог.
Деньги счёт любят, а хлеб меру.
Когда хлеб, тогда и мера, когда деньги, тогда и вера.

15. Нажива/выгода:

У хлеба не без крох.
Теля умерло – хлеба прибыло.
Где кисель, тут и сель, где пирог, тут и лег.
Где блины, тут и мы.
Где оладьи, тут и ладно.
Где пирог с грибами, там и мы с руками, а где кнут с узлом, там
прочь кузлом.

16. Пьянство:

Человека хлеб живит, а вино крепит.
Вино веселит, а хлеб спит.
Хлеб на ноги ставит, а вино валит.
Сам хлеба не стоит, а еще вино пьёт.

17. Бережливость:

Блюди хлеб на обед, а слово на ответ.
Ешь пироги, а хлеб вперед береги.
Надо хлеба и на после обеда.

Блюди хлеб про еду, а копейку про беду.

Хлебу мера, а деньгам счет.

18. Умеренность:

Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою.

Хлеб с душою, денег с нужою да платя с ношою.

19. Отделенный/целостный:

Отрезанный ломоть к хлебу не приставишь.

Всё едино, что хлеб, что мякина.

20. Счастье/Удача:

На счастье мужик и хлеб сеет.

Счастливый – это калач в меду.

21. Насилие:

Выпивши пиво – да тестя в рыло; поев пироги – тещи в кулаки.

Не корми калачом, да не бей в спину кирпичом.

22. Благодарность:

Старая хлеб-соль не забывается.

И собака на того не лает, чей хлеб ест.

23. Бедность:

Горек обед без хлеба.

У богатого груз на корабле, а у бедного хлеб на уме.

Перебиваться с хлеба на квас

24. Дружба:

Делить (водить) хлеб-соль с кем-л.

С кем хлеб-соль водишь, на тогоходишь.

25. Тоска:

Хлеба ни куска, так и в тереме тоска.

26. Мир/споры:

Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой.

Хлеб-соль не бранится.

Боронись хлебом-солью.

27. Сила:

Не лошадь везёт, а хлеб.

Хлеб спит в человеке.

28. Горе:

Горе можно с хлебом съесть.

С горя не убиться, хлеба не лишиться.

29. Характер человека:

Тертый калач.

Испечен из другого теста.

30. Судьба/доля:

Кому чин, кому блин, а кому клин.

31. Отказ:

От хлеба-соли не отказываются.

Ни за какие коврижки (пряники).

32. Верное/Надежное:

В бесчестье – не деньги, в потраве – не хлеб.

33. Страх:

У страха глаза, что у плоски, а не видят не крошки.

34. Просьба:

Проси как хлеба просят.

35. Приветствие:

Воевода придет - и калачи принесут.

36. Разное/Одно:

Все едино, что хлеб, что рябина: оба кислы.

37. Много/Мало:

Из одной муки хлеб не испечешь.

38. Честный:

Хлеб черствый – обед честный.

39. Хлеб-основа:

Хлеб - всему голова.

40. Часть:

Ломоть хлеба.

Краюха хлеба.

Работать за кусок хлеба.

Таким образом, анализ логоэпистем русского языка позволил нам выявить наличие следующих семантических групп: *пища, достаток/благосостояние, Бог/святыня, труд, профессиональный заработок, бережливость, запас, свой/чужой, лень/праздность, голод, гостеприимство, сон, зависть, займы, деньги, нажива/выгода, пьянство, умеренность/жадность, отдельный/целостный, счастье/удача, насилие, благодарность, бедность, дружба/знакомство, тоска, мир/споры, сила, горе, характер человека, судьба/доля, отказ, верное/надежное, страх, просьба, приветствие, разное/одно, много/мало, честный, основа, часть.*

2.2. Логоэпистемы таджикского языка.

В нашем исследовании было проанализировано 137 паремиологических и фразеологических единиц таджикского языка, содержащих в себе концептуальную доминанту *нон*. Рассматриваемые логоэпистемы были классифицированы в лексические группы, имеющие следующую символическую и ассоциативно-образную концептуализацию:

1. Хлеб – основа:

Нон сутуни дил;

Нон бошад, нонхӯр бисёр.

Аввал нон, баъд имон.

2. Заработок:

Аз дастам корамро гиру аз даҳонам нонамро гир.

Кор кунӣ - нон мехӯрӣ.

Нон он хӯрад, чони бародар, ки кор кунад.

Санги бо меҳнат беҳ аз нони бе меҳнат.

Нон аз пӯхтан.

Як бурда нон ёфтан.

Ҳалво гуфтан кати даҳон ширин намешавад.

3. Профессиональный заработок:

Аз болои ҳунар нон хӯрдан.

Нони *чизеро* хӯрдан.

Аз пушти *чизе* нон хӯрдан.

Аз роҳи *чизе* нон хӯрдан.

Ошаш ошхонандаю нонаш нонхонанда.

Нони касбу кора хӯрдан.

Дар ҳар чо наона ёфта тавонистан.

4. Достаток:

Нони *касе* ба равған ғӯтидан.

Нони *касе* равғанин шудан.

Нон бо равған хӯрдан.

Ошхӯрба ош кам не, нонхӯрда – нон.

Ҳузур-ҳузурӣ бевазанӣ, фатира карда танҳо занӣ.

Ҷон-ҷони бевазанӣ, фатира карда танҳо занӣ.

Нони серӣ хӯрдан.

Нон бутун будан.

Ба як мурғ ҳам дону ҳам об.

5. Голод:

Гурусна дар хобаш нон мебинад.

Гушна нон хоб мебинад.

Гушнаро нон ба танӯр дер мепазад.

Аз гурусна пурсиданд, ки ду понздаҳ чанд аст? Гуфт: Як нони тамом.

6. Благодарность:

Ба қадри нону намаки хӯрдагӣ расидан.

Нону намакро андеша кардан.

Ба *касе* ҳаққи нону намак доштан.

Як бор нону намаки *касери* хӯру чил рӯз андеша кун.

7. Неблагодарность.

Нону намак ба *касе* ҳаром бод.

Нону намаки *касери* хӯрдан, ба намакдон туф кардан.

Дар чое, ки нону намак хӯрдӣ, ба намакдон туф нақун.

Нонро пешпо задан.

8. Дозволенный (честный) хлеб:

Нони меҳӯрдагии худро ҳалол карда хӯрдан.

Нону намакро ҳалол карда хӯрдан.

Нони *чизери* ҳалол карда хӯрдан.

Ҳалол карда хӯрдани нони худ.

9. Жизненные трудности:

Нони *касе* санг шудан.

Якто нони *касе* дуто нашудан.

Бахт баргардат агар, атола дандон бишканад.

Нонаш ҳаргиз бутун нашуд.

Нон дар нондон, калидаш дар осмон.

Нон ёфтад, дандон наёфтад.

10. Постоянное занятие:

Нону оши *касе* шудание коре.

Обу нони *касе чизе* шудан.

Чизе ошу нон шудан.

11. Доля/судьба:

Нону насиб бошад.

Нону насиб кашад.

Нону насиб.

Хамир ба лаганд намеистад, нон ба хона.

Нону намак кашидан.

Нону насиба канда шудан.

12. Неопытность:

Нонро нана гуфтан.

Нона «нана»-ю мавиза «кокко» гуфта гаштан.

Дар хонааш нон несту дар ҳавлияш нух танӯр.

13. Знакомство, дружба:

Нону намаки *касоро* хӯрдан (чашидан).

Бо дӯстон нону пиёз.

Нону намак шудан.

14. Отнимать, терять:

Нони *касоро* ним(то) кардан.

Нони *касе* нимта шуда.

Нони *касоро* уштур кардан.

Як бурда нони *касе* нимта шудан.

Якто нони *касоро* як бурда карда додан.

15. Наказание:

Нону намак задан.

Нону намаки *касе* кӯр кардан.

16. Бедность, нужда:

Як бурда нон надоштан.

Ба як бурда нон зор будан.

Аз набудӣ ғӯра нонтарӣ.

Хонаба нони хӯрдан надоштан.

17. Жадность:

Шири мурғу пои мору нони мулло кас надид.

Аз нони мулло (мумсик) ситора наздиктар аст.

Нони муллоро хӯрӣ, ишкамчанг шавӣ.

Мулло (судхӯр) аз пули худ нон шиканад гар ба масал: шиша сандон шиканад, атола дандон.

Гӯшба чен карда нон додан.

18. Своё/чужое:

Аз палови кас нони зағораи худ беҳ.

Нони ҷавини худам беҳтар аз кабоби дигарон.

Нони худу миннати кас.

19. Часть:

Лаби нон.

Як лаб нон.

Як бурда нон.

Аз нӯги хамир фатир.

Нон ҳам нон, нонреза ҳам нон.

20. Трудный хлеб:

Нони шавҳар арра дорад, арраи шашпарра дорад.

Нони шӯя хӯрдам ба дандони оҳанин, нони бача хӯрдам ба дандони пӯлотин.

21. Помощь:

Нонро хоидан ба даҳони касе андохтан.

Аз нону оби касе хабар гирифтан.

22. Благословение:

Рӯят нон барин гарм шавад.

23. Помолвка:

Нону қанд кардан.

Ноншиканон кардан.

24. Упитанность: Хамири расидагӣ барин будан.

25. Непривлекательность:

Даруни чалпакба андохта пеши кучукба партоӣ ҳам, кучук нигоҳ намекунад.

26. Хвастовство:

Нон калон газу гапи калон назан.

Нони хӯрданӣ несту номи кучукаш Марҷон.

27. Терпение:

Гар сабр кунӣ, аз ғӯрра ҳалво мепазӣ.

28. Отговорка:

Куни гӯзинба нони чав баҳона.

29. Разумность/неразумность:

Дар танӯри чӯбин касе нон напазад.

Номаъкула нонаша хӯрдию сангпушта сонаша.

30. Глупость:

Хаамири норасидагӣ барин.

31. Насилие:

Як мушт зада як бурда нон додан.

32. Прочный брак:

Нон ба як рӯ мепазад.

33. Вежливость:

Ё нони гандумӣ, ё забони мардумӣ.

34. Не воспользоваться шансом:

Нонро пешпо задан.

35. Обман/ошибка:

Нони касеро уштур кардан.

Тушбераро хом шумурдан.

36. Выгода:

Дӯсти чонӣ беҳ аз дӯсти нонӣ.

Нони муфт.

37. Запас:

Роҳи якрӯза равӣ, нони серӯза гир.

38. Умеренность

Як бурида нон – роҳати чон.

Нимто нон – роҳати чон, якто нон – балои чон.

39. Риск:

Ачали саг ки расид, нони чӯпонро мехӯрад.

40. Безосновательность:

Даъвои нони қоқ.

41. Отказ:

Аз нон рӯ намегардонан.

42. Гостеприимство:

Нону намак кардан.

Бо нону намак пешвоз гирифтан.

43. Счастье/удача:

Нони *касе* бутун будан.

44. Лень/праздность:

Ҳар рӯз ид нест, ки чалпак хӯрӣ.

45. Жизнь/смерть:

Нон гуфтану чон додан.

Таким образом, анализ логоэпистем таджикского языка позволил нам выявить наличие следующих ассоциативно-образных категорий, общее количество которых достигает 45 наименований: *хлеб-основа, достаток, труд, профессиональный заработок, голод, нажива/выгода, насилие, благодарность, неблагодарность, жизненные трудности, постоянное занятие, неопытность, отнимать/терять, наказание, часть/целое, трудный хлеб, помощь, благословение, помолвка, дозволенный хлеб, упитанность, непривлекательность, хвастовство, терпение, отговорка, разумность, глупость, семейный союз, вежливость, бедность, дружба/знакомство, гостеприимство, судьба/доля, отказ, обман, запас, умеренность, риск, безосновательность, отказ, своё/чужое, жадность, счастье/удача, лень/праздность, жизнь/смерть.*

2.3. Сравнительный анализ логоэпистем русского и таджикского языков

Используя фактический материал русской и таджикской паремиологии, а также представленную классификацию на ассоциативно-

образные группы логоэпистем мы получили возможность провести сопоставительный анализ концепта «ХЛЕБ/НОН» в русской и таджикской языковых картинах мира.

Хлеб в русских и таджикских паремиях представляется как основа жизни: «Хлеб - всему голова», «Нон – сугуни дил». Философские воззрения признают хлеб жизненным началом, как естественно-природным, так и духовным.

Носители русского и таджикского языков утверждают: «Был бы хлеб, а у хлеба люди будут», «Нон бошад нонхур бисёр», что означает – хлеб объединяет людей. И для русского, и для таджика особую ценность имеет хлеб, добытый своим трудом: «Чужой хлеб в горле петухом поет», «Чужой хлеб приедчив», «Аз палови кас нони зағораи худ беҳ», «Нони чавини худам беҳтар аз кабоби дигарон». В этом ассоциативно-образном значении делается акцент на «честно заработанном хлебе», что в таджикской ментальности усугубляется «дозволенностью или недозволенностью» (ҳаром/ҳалол), то есть под лексемой «честный» подразумевается «разрешенный Богом и шариатом»: Хлеб черствый – обед честный. Нони мехӯрдагии худро ҳалол карда хӯрдан. Нону намакро ҳалол карда хӯрдан.

Заработанный своим трудом хлеб вкусен и слаще вдвойне, поскольку заработать или добыть хлеб – это труд не из легких: «Пóтом добытый хлеб и черствый сладок», «Лиха беда–хлеба нажить, а с хлебом–кому хочешь можно жить», «Баловством хлеба не добудешь», «Коркунӣ, нон мехӯрӣ», «Нон он хӯрад, чони бародар, ки кор кунад», «Санги бо мехнат, беҳ аз нони бе мехнат».

В ходе исследования было выявлено наличие в идиоматике рассматриваемых языков так называемых концептуальных связок. Так, уникальную концептуальную связку образуют лексемы *хлеб* и *соль*, репрезентированные в русских и таджикских паремиях в качестве самых важных продуктов: «Хлеб-соль дружбу водит, а ссору выводит», «Хлеб-соль есть, да не про вашу честь», «Помяни соль, чтобы дали хлеба», «Ба

кадри нону намаки хӯрдагӣ расидан», «Нону намакро андеша кардан», «Нону намак кашидан».

Ҳар дуи инҳо ҳам калонзодагони Бухоро буда, бо таъбири ҳамон забон «устухонҳошон бо нону намаки ҷаноби олі сохташуда» буд. «Ёддоштҳо». ҷ.IV.саҳ.628. - Они с малолетства готовились к придворной службе, оба происходили из знатных семей Бухары, и, как тогда говорили: «Кости их окрепли на хлебе и соли его величества». «Воспоминания», ч.4, стр.370.

Аналогичную концептуальную связку составляют лексемы вода и хлеб: «Хлеб вскормит, вода вспоит», «Хлеб да вода – молодецкая еда», «Обу нони касе, чизе шудан».

Более того, таджикская языковая картина мира обусловила использование в речи носителей этого языка такой концептуальной связки, как «ошу нон» - «ошу нон додан» - содержать: *Онҳо барои ошу нони туро хӯрдан гун мешаванд, вагарна ба хонаи ман чаро намераванд, чунки дар он ҷо ошу нони барзиёд нест. «Ёддоштҳо», ҷ.II, саҳ.274. - Они приходят твоего плова поесть. Иначе почему они у меня не собираются? Потому, что у меня нет ни лишнего плова, ни лепёшек. «Воспоминания», ч.3, стр.14.*

Ман мешунавам, ки шумо даҳ сар асти кӯпкоригӣ нигоҳ дошта, ба чандин нафар чапандозон ҳам ошу нон медиҳед. «Ёддоштҳо», ҷ.II, саҳ.275. - Я слышал, что для конских игр, для козлодранья ты держишь десяток отборных лошадей и при них содержишь несколько человек для той же игры. «Воспоминания», ч.3, стр.15.

Ассоциативно-образную концептуализацию достатка и благосостояния наивная картина мира рассматриваемых языков представляет и в другой связке - хлеб/масло: «Кушать хлеб с маслом, «Нони касе равғанин шудан», «Нон бо равған хӯрдан».

Аналогичность в способах репрезентации концепта «ХЛЕБ/НОН» в русской и таджикской идиоматике позволила выделить 20 категорий со схожими символическими значениями, представленных следующими

наименованиями: *хлеб-основа, умеренность, достаток/благосостояние, труд, профессиональный заработок, запас, свой/чужой, голод, нажива/выгода, насилие, благодарность, бедность, счастье/удача, дружба/знакомство, судьба/доля, отказ, честный/дозволенный, гостеприимство, лень/праздность, часть.*

Однако в силу того, что национальная самобытность восприятия мира того или иного этнокультурного социума заложена в психологии и образе жизни народа, которые нашли своё отражение в языке семантической структурой языковых знаков, рассматриваемые наивные картины мира проявляют также и различия в представлении концепта «ХЛЕБ/НОН».

Так, на Руси хлеб добродушно сравнивали с отцом и кормильцем, подчеркивая при этом родственные отношения человека с главным в его жизни продуктом питания: «Хлеб – дар божий, отец, кормилец», «Хлеб – батюшка, водица – матушка».

В русских паремиологических единицах заложено концептуальное символическое значение «Хлеб – единственная и значимая пища»: «Калач приестся, а хлеб – никогда», «Без денег проживу, а без хлеба не проживу», «Худ обед, коли хлеба нет». Также акцентируется и другая особенность хлеба – *здоровая пища*: «Хлеб сердце человеку укрепит», «Хлеб да вода — здоровая еда».

Русская языковая картина, в отличие от таджикской, представлена уникальным концептом *тоска*, непосредственно связанным с важным в жизни человека хлебом: «Хлеба ни куска, так и в горле тоска», «Хлеба ни куска – и в горнице тоска»; концептом *зависть*: «В чужих руках ломоть (пирог) велик, а как нам достанется, мал покажется», «В чужих руках краюха за ковригу (кус за ломоть)».

В русском языке концепт «ХЛЕБ» широко репрезентирован паремиологическими и фразеологическими единицами семантической категории *Бог/святыня*: «Дай Бог покой да хлеб святой», «Без хлеба

святого все приестся», «Бог на стене, хлеб на столе», «Хлеб ест, а креститься не умеет».

В противовес таджикской, русская паремиология, содержащая лексему *хлеб*, также широко представлена ассоциативно-образной категорией *пьянство*: «Вино веселит, а хлеб спит», «Хлеб на ноги ставит, а вино валит».

В этнокультуре Таджикистана народное признание хлеба как главного продукта служит индивидуальной и общественной характеристикой, поскольку данное понятие регулируется общественным устоем и порядком, ведь именно социальные нормы формируют людские гастрономические предпочтения человека. Продовольственные традиции содержат в себе ценности и антиценности общества, его нормы и обычаи. Например, паремиологический образ *муллы* – мусульманского священника – в таджикской паремиологии часто может быть репрезентирован посредством пищевого кода культуры, актуализируя такие отрицательные качества, как ненасытность, жадность, алчность: «Шири мурғу пой мору нони мулло кас надид», «Аз нони мулло (мумсик) ситора наздиктар аст», «Нони муллоро хӯрӣ, ишкамчанг шавӣ». В противовес русской паремиологии ассоциативно-образная категория «жадность» представлена только по отношению к одному субъекту – к мулле.

Примечателен тот факт, что и в русской идиоматике отмечена субъектная направленность концепта ХЛЕБ на священнослужителей, однако служителям культа, как правило, присущи положительные качества. Например: «Попы за книжки, а миряне за пышки».

Таджикская языковая картина, нашедшая своё отражение в паремиологических единицах, наиболее широко представлена в такой безэквивалентной ассоциативно-образной категории, как *жизненные трудности*: «Якто нони *касе* дуто нашудан», «Бахт баргардат агар, атола дандон бишканад», «Нонаш ҳаргиз бутун нашуд», «Нон дар нондон, калидаш дар осмон». Таджикская ментальность нашла своё воплощение

в пословицах и поговорках, репрезентирующих в концепте «НОН» символические категории *неблагодарность*: «Нону намак ба касе харом бод», «Дар чое, ки нону намак хӯрди, ба намакдон туф накун», «Нонро пешпо задан»; *трудный хлеб*: «Нони шавхар арра дорад, арраи шашпарра дорад», «Нони шӯя хӯрдам ба дандони оҳанин, нони бачаи хӯрдам ба дандони пӯлотин»; *безосновательность*: «Даъвои нони қоқ».

Парвардигорхӯча маро хуб таъна кард, ки «нони аз пешам баромадаро пешпо зада, поймол карда гузаитан мехоҳам». «Ёддоштҳо». ҷ.IV, сах.633. - «Всемогущий ходжа» осыпал меня упрёками, укоряя, что я пренебрегаю тем куском хлеба, который выпадает на мою долю. «Воспоминания», ч.4, стр.373.

Охир бо оҳанги газаболуд аз модаркалонам пурсидам: - Пас аз кадом вачҳ будааст, он «даъвои нони қоқ?». «Ёддоштҳо», ҷ.II, сах.186. - Я сердито спросил у бабушки: - Так в чем же дело? «Воспоминания», ч.2, стр.220.

Таким образом, для русской и таджикской картин мира в паремиологической репрезентации концепта «ХЛЕБ/НОН», наряду со сходными чертами, проявляются также и отличительные особенности, выражающиеся в следующих ассоциативно-образных категориях:

для русского языка – пища, Бог/святыня, сон, зависть, займы, деньги, нажива/выгода, пьянство, отдельный/целостный, бережливость, тоска, мир/споры, сила, горе, характер человека, судьба/доля, отказ, верное/надежное, страх, просьба, разное/одно, много/мало;

для таджикского языка – неблагодарность, жизненные трудности, постоянное занятие, неопытность, жадность, отнимать/терять, наказание, трудный хлеб, помощь, благословение, помолвка, жизнь/смерть, упитанность, непривлекательность, хвастовство, терпение отговорка, разумность, глупость, семейный союз, вежливость, обман, риск, безосновательность.

Репрезентацию концепта «ХЛЕБ/НОН», выраженную в следующих ассоциативно-образных категориях, можно представить в виде таблицы.

**Репрезентация концепта ХЛЕБ/НОН
в ассоциативно-образных категориях**

Ассоциативно-образная категория	В русском языке	В таджикском языке
1.Хлеб-основа	Хлеб – всему голова	Нон – сутуни дил
2.Достаток/ благосостояние	Хлеб на стол, так и стол престол	Нон бо равған хӯрдан
3.Труд	Пóтом добытый хлеб и черствый сладок	Кор кунӣ, нон мехӯрӣ
4.Профессионал. заработок	С ремеслом и увечный хлеба добудет	Нони касбу кора хӯрдан
5.Бережливость	Ешь пироги, а хлеб вперед береги	
6.Запас	Поезжай на неделю, а хлеба бери на две	Роҳи якрӯза равӣ, нони серӯза гир
7.Свой/чужой	Чужой хлеб в горле петухом поет	Нони чавини худам беҳтар аз каботи дигарон
8.Голод	Не давать голодному хлеб резать	Гушнаро нон ба танӯр дер мепазад
9.Нажива/ Выгода	У хлеба не без крох	Дӯсти ҷонӣ беҳ аз дӯсти нонӣ
10.Насилие	Не корми калачом, да не бей в спину кирпичом	Як мушт зада як бурда нон додан
11.Благодарность	И собака на того не лает, чей хлеб ест	Ба қадри нону намаки хӯрдагӣ расидан
12.Бедность	У богатого груз на корабле, а у бедного	Ба як бурда нон зор будан

	хлеб на уме	
13.Дружба/ знакомство	Делить (водить) хлеб- соль с кем-л.	Бо дӯстон нону пиёз
14.Судьба/доля	Кому чин, кому блин, а кому клин	Нону насиб бошад
15.Отказ	От хлеба-соли не отказываются	Аз нон рӯ намегардонан
16.Честный/ дозволенный	Хлеб черствый – обед честный	Нону намакро ҳалол карда хӯрдан
17.Гостеприим- ство	Хлеб-соль в воротах, так не своротишь	Нону намак кардан
18.Жадность		Нони муллоро хӯрӣ, ишкамчанг шавӣ
19.Часть/ целое	Ломоть хлеба	Нон ҳам нон, нонреза ҳам нон
20.Пища	И худой живот, да хлеб жует	
21.Бог/святыня	Бог на стене, хлеб на столе	
22.Неблагодар- ность		Нону намаки касеро хӯрдан, ба намакдон туф кардан
23.Жизненные трудности		Нон дар нондон, калидаш дар осмон
24.Лень/ праздность	Доплясались, что без хлеба остались	Ҳар рӯз ид нест, ки чалпак хӯрӣ
25.Сон	Рано вставать – много хлеба добывать, а долго спать – долг наспать	
26.Постоянное		Нону оши <i>касе</i> шудание

занятие		коре
27.Зависть	В чужих руках краюха за ковригу	
28.Неопытность		Нонро нана гуфтан
29.Займы	Чужие денежки ночью хлеб едят	
30.Отнимать/ терять		Нони касеро ним(то) кардан
31.Наказание		Нону намаки касе кӯр кардан
32.Деньги	Деньги счёт любят, а хлеб меру	
33.Пьянство	Хлеб на ноги ставит, а вино валит	
34.Трудный хлеб		Нони шавҳар арра дорад, арраи шашпарра дорад
35.Помощь		Нонро хоидан ба даҳони касе андохтан
36.Отдельный/ целостный	Отрезанный ломоть к хлебу не приставишь	
37.Счастье/удача	Счастливым – это калач в меду	Нони <i>касе</i> бутун будан
38.Благословение		Рӯят нон барин гарм шавад
39.Тоска	Хлеба ни куска, так и в горле тоска	
40.Помолвка		Нону қанд кардан
41.Упитанность		Хаамири расидагӣ барин будан
42.Непривлека-		Даруни чалпакба андохта

тельность		пеши кучукба партой хам, кучук нигоҳ намекунад
43.Мир/споры	Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой	
44.Сила	Не лошадь везёт, а хлеб	
45.Хвастовство		Нони хӯрданӣ несту номи кучукаш Марчон
46.Горе	Горе можно с хлебом съесть	
47.Характер человека	Тертый калач	
48.Терпение		Гар сабр кунӣ, аз ғӯрра ҳалво мепазӣ
49.Верное/ надежное	В бесчестье – не деньги, в потраве – не хлеб	
50.Отговорка		Куни ғӯзинба нони чав бахона
51.Разумность		Дар танӯри чӯбин касе нон напазад
52.Страх	У страха глаза, что у плошки, а не видят не крошки	
53.Просьба	Проси как хлеба просят.	
54.Глупость		Хаамири норасидагӣ барин
55.Прочный брак		Нон ба як рӯ мепазад
56.Приветствие	Воевода придет - и калачи принесут	
57.Вежливость		Ё нони гандумӣ, ё забони

		мардумӣ
58.Разное/одно	Все едино, что хлеб, что рябина: оба кислы	
59.Обман		Нони касеро уштур кардан
60.Риск		Аҷали сағ ки расид, нони чӯпонро мехӯрад
61.Много/мало	Из одной муки хлеб не испечешь	
62.Безоснова- тельность		Даъвои нони қоқ
63. Умеренность	Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою	Нимто нон – роҳати қон, якто нон – балои қон

Следует отметить, что концептуальные лексемы *хлеб* и *нон* в рассматриваемых языках описаны также с помощью перцептивных характеристик, к примеру, цвета, размера, вида, консистенции, формы: Отрезанный ломоть к хлебу не приставишь. Потом добытый хлеб и черствый сладок. Хлебец ржаной – отец наш родной. Старая хлеб-соль не забывается. Хлеб черствый – обед честный. Дай Бог покой да хлеб святой. Тёртый калач. Даъвои нони қоқ. Нони чавини худам беҳтар аст аз каботи дигарон. Нони равғанин хӯрдан, Нону намаки ҳалол хӯрдан. Роҳи якрӯза равӣ, нони серӯза гир.

Заархивированные в идиомах константы мифологического сознания, могут быть исследованы также по пути от плана выражения к плану содержания, так как концепт может быть репрезентирован разными лексемами. Так, проведенный анализ паремиологических и фразеологических единиц, характеризующих концепт ХЛЕБ/НОН, позволил выявить, что данная концептуальная единица представлена несколькими лексемами. Так, в русском языке поговорки содержат лексемы *блин*, *коврига*, *ломоть*, *краюха*, *пирог*, *калач*, *кусочек*, *урожай*,

оладьи, пряники, крошки, пышки; в таджикском - хамир, чалпак, фатир, халво, отала, нонтарӣ.

В ходе исследования было выявлено, что паремиологические единицы, репрезентирующие концепт ХЛЕБ/НОН, зачастую характеризуются компаративной структурой. Семантическая организация паремий и фразеологизмов обусловлена их структурно-синтаксическими особенностями и синтаксической связностью, в большинстве случаев достигнутой посредством приёма антитезы, маркированной использованием антонимов, а также лексической полярности. В частности: «Аввал нон, баъд имон», «Санги бо мехнат, беҳ аз нони бе мехнат», «Ошхӯрба ош кам не, нонхӯрда – нон», «Нон калон газу гапи калон назан», «Дӯсти чонӣ беҳ аз дӯсти нонӣ», «Вино веселит, а хлеб спит», «У богатого груз на корабле, а у бедного хлеб на уме», «Выпивши пиво – да тестя в рыло; поев пироги – тещи в кулаки».

Таким образом, репрезентация концепта «ХЛЕБ/НОН» в русской и таджикской языковой картине мира, отразившаяся в паремиологических и фразеологических единицах, характеризуется как сходными, так и отличительными особенностями.

3. Семантическое пространство концепта ХЛЕБ/НОН, представленное в диалектах русского и таджикского языков

За последние годы в когнитивной лингвистике отмечены два направления в изучении концептуальной системы, в каждом из которых разрабатываются две формирующие ее типологии единиц. Первое направление предполагает изучение всевозможных форматов знания (образные схемы, фреймы, сценарии). Для второго направления характерна связь со сферой использования концептуальной системы, что делает возможным различение языковых, культурных и этнических концептов, которые способны отражать различные виды познаний реалий окружающей действительности, внутреннего мира человека, собственно языковых знаний. Исходной точкой функционирования этих

направлений является расценивание концепта как ментальной системы «хранения и передачи информации об окружающем мире и языке» [64,7] таких особенностей, как общность восприятия, композиционность организации, а также сходство его компонентов по отношению к целому. Концепты составляют также основу формирования оперирующим человеческим сознанием категорий. Более того, концепт является наиболее значимой, основополагающей категорией, которая характеризует оригинальность диалектной концептосферы.

Будучи частью концептосферы русского и таджикского языков, диалектная концептосфера выражается в диалектной языковой картине мира. Исследование народного мировосприятия и определение характерных черт национальной культуры при помощи реконструкции реализованной в диалектном слове наивной картины мира, весьма актуально в связи с проблемой вымирания традиционного уклада народной культуры и ее элементов.

Факт присутствия диалектов в любом языке является естественным условием. Как отмечал Ф.де Соссюр, любые преобразования языковой системы во времени приводят к территориальным изменениям [120,56], что не может оставаться незамеченным и для носителей данного языка. Диалектный концепт выявляет структурную и содержательную особенность, определяющуюся, с одной стороны, сферой его употребления, а, с другой стороны, спецификой его структуры.

Территориальное разнообразие языка представляет особый интерес для исследователей, поскольку для каждого региона характерна своя история, этническая и геополитическая особенность. Понимание действительности носителями традиционного диалектного пласта характеризуется стабильностью и устойчивостью. «Народные говоры – это аккумулятор значительного пласта представлений традиционной культуры, следовательно, когнитивное описание культурно значимых концептов национального существования предполагает обращение к

разным формам языка, в том числе к диалектной сфере, отражающей речевую народную культуру» [37,60].

Наибольшим постоянством и прочностью традиции обладает система питания человека, в связи с чем лексика питания является основным ресурсом исторической, этнографической и языковой информации, а проблема изучения состава пищи и порядка ее приготовления признается одним из главных компонентов при исследовании традиционной культуры.

Как известно, любой существующий словарь как кумулятивно-информационная система имеет важное значение в сохранении и аккумуляции информации актуального и мемориального характера. Отличаясь от словарей литературного языка, диалектные словари русских и таджикских говоров подводят итог крестьянского и дехканского опыта и таким образом выступают как средство фиксации культурной народной традиции. По информации, приведенной в словарях, возможно восстановление существовавшего отношения народа к различным сторонам жизни, определить которые невозможно на современном этапе [9,80]. Будучи воссозданием духовной и материальной культуры народа, диалектный словарь характеризует картину объективного мира явлений и вещей посредством семантических описаний, одновременно отражая жизнь и быт народа. Среди аспектов исследования диалектного словаря В.Г.Калиткина особо отмечает следующие уровни:

- лексический уровень, подразумевающий выявление локальной специфики общекультурной модели семантикой диалектного слова и связанный с национальной ментальностью;
- текстовый уровень, являющийся составляющей устной традиции как средства духовного познания реальности и отражающий народную речевую культуру.

Специфика диалектных словарей заключается в наличии пояснительного материала, который состоит из контекстов живой

обиходно-бытовой диалектной речи, что дает возможность сформировать «стереоскопическую интерпретацию культурной модели» по сумме голосов различных носителей диалекта. Как отмечает Г.В.Калиткина, диалектные словари - «самый доступный и сводящий к минимуму возмущение среды способ фиксации традиционной культуры этноса. Они обнаруживают многоаспектную и многоуровневую иерархию ценностей и ориентиров этнокультурного коллектива, а не отдельных его представителей» [42, 544-549].

3.1. Репрезентация концепта ХЛЕБ в «Толковом словаре» В.И. Даля

Переломным этапом в русской диалектологии является издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (далее Словарь В.И.Даля), основу которого составляет «живой, устный язык русский, а паче народный», «потому что язык этот силен, свеж, богат, краток и ясен, тогда как письменный язык наш видимо пошлеет, превращаясь в какую-то пресную размазню» [154,25]. Заархивировав в своем лексикографическом труде «слова, речи и обороты всех концов Великой Руси» для исследования «самого духа языка» [154,26], В.И. Даль составил словарь, до сих пор считающийся одним из наиболее совершеннейших собраний русских диалектных слов.

Словарь В.И. Даля признан словарем энциклопедического характера, вследствие чего он необходим и важен при изучении национальной ментальности, для определения мировосприятия русского народа. Охватывая посредством языка сферу культуры, Словарь В.И. Даля реконструировал особенности культурного феномена и морального сознания русского народа. Каждая словарная статья репрезентирует «концептуальное описание основных ключевых понятий русской духовной и материальной культуры» [15,19]. По мнению Т.И. Вендиной, словарь В.И.Даля является «словарем концептов русской культуры». Что, по сути, и послужило одной из причин привлечения в нашем исследовании материалов указанного лексикографического труда.

Лексема *хлеб*, которая параллельно является именем концепта, в словаре В.И.Даля имеет ряд толкований¹:

- 1) 'колосовые растения с мучнистыми зернами, коими человек питается и коих посев и жатва основа сельского хозяйства' (хлеб - хлеба);
- 2) 'мучное печенье из кислого теста, печеный хлеб, готовый на пищу' (хлеб - хлебы);
- 3) 'хлеб черный, ржаной и пшеничный' (singularia tantum);
- 4) 'всякая пища человека, харчи, продовольствие' (singularia tantum);
- 5) 'хлебы, у кожевников, квасы, броженный затор для выделки шкур' (plularia tantum);
- 6) 'все вообще насущные житейские потребности' (singularia tantum).

Как видно из приведенных толкований, основным значением данной лексемы является обозначение культурного растения, а не приготовленного из него продукта, тогда как в словарях современного русского языка главным значением лексемы выступает приготовленный из зерновых продукт.

3.2. Репрезентация концепта ХЛЕБ в диалектах русского языка

В словаре В.И. Даля зафиксированы как односоставные, так и двусоставные номинации, зависимый адъективный компонент которых указывает на признаки хлеба, которые отличают его от других продуктов. Следует отметить, что выделяемые в словаре признаки стали объектом исследований многих ученых, в нашей работе мы опираемся на классификацию Л.С.Зинковской [40,80-82].

1. Первая группа номинаций указывает на признаки **«хорошо выпеченного хлеба»**, он должен быть выкисший, созревший:

Дошлый хлеб, 'хорошо выкисший и выпеченный';

¹Далее текст цитируется по изданию: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. М, 1994, орфография В.И. Даля не сохраняется.

Вздымчивый хлеб 'склонный к подъему, хорошо и высоко подымающийся';

Бухонный, бухонный (сев.) 'пышный, хорошо уквашенный и испеченный'.

Праховенький хлеб 'рыхлый, мягкий';

Дыхлый хлеб (влд.) 'рыхлый, пышный, дроченый';

Проховый (кур., тмб., ярс., твр.) 'рыхлый, жидкий хлеб'.

2. Для выражения противоположных признаков, то есть признаков **«неудачно изготовленного хлеба»**, существуют такие определения, как 'черствый' или определения с приставкой не-, отрицающей положительное понятие:

- **Недошлый** хлеб, на корню 'не совсем налившийся', печеный 'сыроватый, неиспекшийся';

- **Черствый** хлеб 'лежалый, немягкий, несвежий', черствовать хлеб, на беззубого, черственек;

- **Алякиш** (твр., пен.) 'недопеченный хлеб, полусырой, с закалом, мякиш, ком теста'.

3. Следующая группа объединяет диалектные единицы, характеризующие концепт «ХЛЕБ», определяющие признак **«состав муки»**:

- **Отрубной** хлеб 'из непросеянной муки, отрубеной хлеб, из отрубей испеченный';

- **Пеклеванный** хлеб, пеклеванник - 'испеченный из пеклеванной муки, ситной и чистой ржаной, из яровой ржи';

- **Ситный** хлеб 'более ржаной, ситник'; бухонец;

- **Аржануха** 'ржаной хлеб';

- **Житник** (юж.) 'ржаной печеный хлеб';

- **Ярушник**, (прм., сиб.) 'из ярового хлеба' 'овсянник или ячневик, яровой печеный хлеб';

- **ярушмень** (влгд.) 'пирог, ячневый хлеб'.

4. Следующим признаком, актуальным для определения качества хлеба, является **«время его приготовления»**, от которого, конечно, зависит свежесть изделия и его вкус:

Сегоденный (сев.), **седенный** хлеб, **сегоденник**, **седенник** (сев.) 'сегодня испеченный'.

5. Следующие определения хлеба характеризуют его **«по функции»**, то есть для чего или для кого его готовят. Можно отметить словосочетания:

- **Едобный хлеб**, (влгд., арх.) 'для домашней потребности, на себя';
- **Ежевый** 'съедобный';
- **Отвесной хлеб**, 'отпускаемый прислуге на вес';
- **Басман** (стар.) 'дворцовый или казенный хлеб'.

6. **Признак «национальная еда»**, указанный В.И. Далем, также является значительным для выделения хлеба:

- **Француз(с,ц)оля** (нврс., одес.) 'французский хлеб, крупитчатый, из булочной, немецкий';
- **Чурек** (квк.) 'пресный хлеб азиатцев, лепешка, опреснок'.

7. **Признак «принадлежность к обряду»** (русскому, церковному):

- **Банник** 'хлеб, которым мать невесты благословляет к венцу молодых';
- **Артос** 'квашеный, кислый хлеб, освящаемый в первый день Пасхи и раздаваемый в субботу Святой Недели народу';
- **Антидор** 'благословенный хлеб, большая просфора, раздаваемая частицами народу, из неё вынут агнец для служения'.

8. **Признак «часть хлеба»** в «Толковом словаре» В.И. Даля представлен лексическими единицами, объединенными общей семой 'цельность':

- **Коврига** 'цельный хлеб, ломоть во весь хлеб, или круглый';
- **Каравай**, или коровай 'вообще, непчатой, цельный хлеб, либо колоб, кутырь, круглый ком';

- **Челпан** (арх., влгд., прм.) 'коровай хлеба, цельный, непчатый хлеб';
- **Букашка** (зап.) 'целая коврига, коровой хлеба';
- **Бохон, боханец** (зап.) 'коровай хлеба, букатка, коврига'.
- **Покраек** (пек., твр.) 'край, кромка, покраек хлеба, горбушка';
- **Целуха, целушка** (ряз.) 'горбушка хлеба';
- **Лупета** (кур.) 'краюха хлеба';
- **Край** (юж. зап.) 'краюха, ломоть хлеба';
- **Крома** 'сукрой, ломоть'; 'краюха, наружный ломоть';
- **Деляна**, или делянка 'пай, доля, часть';
- **Оберетка** (нвг.), **оберетенъ** (пек.), **оберучник** (прм.) 'сукрой, ломоть во всю ковригу, во весь хлеб';
- **Окромок** 'краюха, горбушка или окраек хлеба';
- **Окромуха** 'большой окромок хлеба, краюха'.

9. По признаку «форма хлеба» являются маркированными следующие обозначения хлеба:

Округ хлеба 'круглый ломоть, во весь хлеб; в монастырях, обычная дневная дача';

Окружень (сиб.) 'круглый, во всю ковригу';

Сукрой(сев. зап.) 'круглый ломоть хлеба, во всю ковригу'.

10. Самой представительной по своему составу является лексико-семантическая группа, объединяющая диалектизмы, характеризующие концепт ХЛЕБ, с общим признаком «хлебобулочное изделие с начинкою». Основным репрезентантом данной группы является лексема *пирог*, которая в словаре Даля имеет следующую интерпретацию:

Пирог - 'хлебное печенье, большей частью пшеничное, с начинкою'.

По признаку 'с начинкою' маркируются наименования пирогов, которые образованы от основ, обозначающих вид начинки. В словаре представлены общеупотребительные обозначения без локальных помет: **луковник, маковник, гороховик, грибовник; мачник, картофельник,**

картошник, капустник, грибник, курник, репник, свекольник, севрюжник, блинник. Наряду с общеупотребительным представлены также диалектные наименования пирогов:

- **борканник** (пек., твр.) от боркан 'морковь';

- **кулебяка** 'длинный пирог из кислого теста с кашей или капустой и с рыбой';

- **рыбник** (сев. вост.) 'кулебяка, или вообще пирог с рыбою'.

В словаре В.И.Даля представлен также ряд наименований рыбных пирогов, состоящих как из одного слова, так и из адъективных словосочетаний: **севрюжник, снетовиклососий пирог, сомовий пирог;**

- **расстегай, расстегайчик**, 'пирожок с прорешкой наверху, где видна начинка, обычно с рыбой';

- **сыроежковый пирог** 'гречишное, жидкое тесто на квасу, молоке';

- **ярушень** (влгд.) 'пирог: в ржаную тестяную корку наливается жидкий раствор ячной муки и ставится в печь';

- **хлебальник** 'большой, круглый, с капустой, морковью, из которого начинку хлебают';

- **хлебальный пирог** 'тот, который подается ко шам';

- **ватруха или ватрушка** 'круглый, открытый сверху пирожок, защипанный только с краев, обыкновенно с творогом';

- **тортоноша** (кстр.) 'большие тонкие ватрушки сканого теста';

- **шаньга, шанга, шанежка, шанечка**, (сев. вост. сиб.) 'ватрушка';

- **тоболец, тоболка** (сев. вост.) 'ватрушка, пирог с начинкой';

- **пекушка, калитовка** (ярсл., влд.) 'четырёхугольная ватрушка с кашей, сметаной и творогом';

- **рогуля, рогуша, рогушка** (нвг., твр., пек.) 'с рожками по краям';

- **вареники, варенички** 'отварные треугольные из пресного теста, начиненные сыром, творогом';

- **сырники** (юж.) 'пирожки, блинцы, начиненные творогом';

- **творожники** 'сырник, блин, пирог, ватрушка с творогом'.

Особое место в русской еде занимали ягодные пироги, для которых существовали также разные наименования: **ягодник, калинник, грушеник**.

11. По признаку **«содержащее дополнительные ингредиенты»** в семантическую группу следует отнести диалектизмы, характеризующие концепт «ХЛЕБ» и номинирующие виды мучных изделий. Эти хлебобулочные изделия приготовлены из теста, в состав которого входят дополнительные ингредиенты помимо муки, соли и воды. Как и предыдущая номинация, данная группа представлена разновидностями пирогов, но в данном случае это сдобные - сдобное тесто характеризуется наличием в нем сдобы (сахара, молока, яиц) - пироги без начинки:

- **пирог с нетом; нетчик, нетник** (кур.); **огибень** (твр.); **сгибень с молитвой или с амином** (кстр.). Отсутствие начинки обозначается субстантивированной лексемой *нет*, а также словами *молитва, аминь* 'нечто нематериальное';

- **сдобник** 'сдобный, слоеный пирог'.

12. Следующая семантическая группа представлена диалектизмами, номинирующими разновидности хлебобулочных изделий по признаку **«толщина/тонкость лепешки»**, поскольку данный признак является релевантным при характеристике лепешек:

- **блин** - 'род хлебного из жидко растворенного теста, поджаренного лепешкой на сковороде';

- **олады // олажки** (твр.) // оладки (нврс.) - 'пряженое хлебное, из кислого пшеничного теста; толстые блинчики';

- **голыш** (твр.,пек.) 'сухой, голый блин, без подмазки'.

3.3. Репрезентация концепта «НОН» в диалектных словарях таджикского языка

Источником для выборки материала, репрезентирующего диалектологический фонд таджикского языка, в нашем исследовании послужили следующие словари:

1) Луғати мухтасари лаҳҷаҳои Бухоро. Составители М.Махмудов, Б.Бердиев;

2) Фарҳанги ғӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ. Составители М.Махмудов, Г.Джураев.

Номинации концепта НОН в указанных диалектологических словарях формируют семантическое поле исследуемого концепта. Данные словари зафиксировали как односоставные, так и двусоставные номинации. В двусоставных названиях зависимый адъективный компонент выражает необходимые для таджиков качества данного продукта питания, которые указывают на его отличие от других видов мучных изделий.

Анализ фактического материала показал, что в таджикских диалектах концепт НОН представлен многочисленными номинациями этого пищевого продукта, разнообразие которых определяется следующими признаками:

1. По признаку «состав муки» в семантическую группу можно объединить следующие диалектизмы:

- **загора (Б.) // зъгора (Дм.)** – 'лепешка из кукурузной или просяной муки'; **загорай арзанӣ (Қ.)** - 'просяная лепешка', **загорай чаҳварагӣ (Ёз.)** - 'кукурузная лепешка';

- **загорагӣ // зъгорагӣ (Вқ., Қ.)** - 'лепешка или похлёбка, приготовленная из кукурузной муки';

- **кълеськ (Мӯм., Ёз., Хов.)** – 'просяная лепешка';

- **кълчай съманак (Вқ., Қ.)** - 'лепешка сравнительно меньшего диаметра, приготовленная из проросшей пшеницы';

- **қъмуч (Ёз., Лан.)** - 'полусырая лепешка из ячневой муки или муки из мушунга (сорт гороха), приготовленная для прикорма домашнего скота';

- **нони арзанӣ (Ғқ., Ҷқ.)** - 'просяная лепешка';

- **нони нимбезӣ (Қ.)** - 'испеченная из отрубей лепешка';

- **нони кунокї** (Вк., Қ.) - 'лепешка, приготовленная из кунока (вид зерновых, похожий на просо)';

- **нони чавї** - 'ячменная лепешка';

- **нони чугорї** (Қ.) - 'испеченная из кукурузной или просяной муки лепешка';

- **сатрї // сатгрї** (Вк., Қ., Шк.) // **садрї** (Ис.) - 'приготовленная из кукурузной или просяной муки лепешка, в которую иногда добавляют яйцо и масло';

- **сьманькин** (Бдх.) – 'толстая пресная лепешка из проросшей пшеницы, выпеченная на золе';

- **фатири чавин** (Қ.) – 'ячменная лепешка из пресного теста';

- **гьнди** (Хов., Ток., Шуг., Дах., Сам.) - 'лепешка из отрубей, приготовленная для собак и домашнего скота'.

2. По признаку «содержащие дополнительные ингредиенты» в семантическую группу следует отнести диалектизмы, характеризующие концепт НОН и номинирующие виды мучных изделий. Эти хлебобулочные изделия приготовлены из теста, в состав которого входят дополнительные ингредиенты помимо муки, соли и воды. В частности:

- **алобичак** (Б.) - 'лепешка, три четверти которой составляют травы';

- **кълча** (Сист.) - 'лепешка сравнительно меньшего диаметра, приготовленная на молоке и масле';

- **кълчай холхолак** (Қ.) - 'лепешка маленьких размеров, приготовленная на молоке и масле';

- **кълчай ширмої** (Қ.) - 'лепешка маленьких размеров, приготовленная на молоке и масле, поверхность которой смазана каймаком';

- **куймок** (Кх.) - 'тонкие лепешки, жаренные на масле, тесто которых замешено на яйцах, масле, луке и овощах';

- **нони кунчитї** (Б.) - 'лепешка, поверхность которой украшена кунжутом';

- **нони мӯрча** (Б.) - 'лепешка, поверхность которой украшена семенами чернушки';

- **нони чочӣ** (Вк., Ч.) - 'лепешка из дрожжевого теста, смешанного с сиёалафом (род съедобной травы)';

- **фатири пиёздор** (Қ.) - 'лепешка из пресного теста, смешанного с луком';

- **фатири чазакдор** (Қ.) // **фатири чаззин** (Б.) - 'лепешка из пресного теста со шкварками';

- **чак-чак** – 'небольшие кусочки сдобного теста, обжаренные на масле с добавлением мёда';

- **чагалдак** (Ғк., Кх., Шк.) // **чъгалдак** (Вк.) // **чекалдак** (Қ.) // **чағалдак** – небольшие круглые куски теста с луком, кинзой, перцем, базиликом, обжаренные в масле;

- **чалмафатир** (Б.) - 'лепешка из пресного теста с луком или тыквой';

- **чойкълча** (Вк.) - 'лепешка сравнительно меньшего диаметра, приготовленная на молоке и масле';

- **ширмонкулча** (Б.) - 'лепешка, из замешенного на молоке и гороховом настое теста';

- **ширфатир** (Ёз., Бдх.) - 'лепешка из пресного теста, замешенного на молоке'.

3. Следующая семантическая группа представлена диалектизмами, маркированными по признаку «способ приготовления хлеба»:

- **бурсок** (Пд., Хов.) // **бърсок** (Лахш, Ск.) - 'жаренные на масле небольшие кусочки теста';

- **гижда** (Б.) – 'небольшие лепешки, приготовленные из молока и масла в заводской духовке';

- **деги** (Нӯш.) - 'лепешка, приготовленная в казане';

- **десахтӣ** (Б.) - 'национальная лепешка, выпекаемая в казане';

- **къмоч** (Қӯш.) // **кумоч** (Дб., Кап., Ст., Ош.) // **къмоч** (Нӯш., Ҳич., Хов., Ёх., Ҳақ.) // **кӯмоч** (Б.) – 'лепешка, приготовленная на мелких углях,

покрытых пеплом, на раскаленном песке и раскаленных камнях пастухами на пастбищах';

- **кумочқазон** (Оқ.) - 'лепешка, приготовленная в казане или сковороде, помещенных в пекло огня';

- **кулчаи тагалови** (Қ.) - 'небольшая лепешка на молоке и масле, приготовленная в пекле огня';

- **қатърма** (Қ.) // **қатрма** (Кх.) - 'лепешка из невыдержанного теста, приготовленная на сковороде';

- **қуймоқ** (Кх.) - 'жаренная на масле лепешка из муки, яиц, овощей';

- **нони деги** (Қ.) - 'приготовленная в казане лепешка';

- **нони товағи** (Хов.) - 'приготовленная на каменной сковороде лепешка';

- **орзък // орзк** (Дег., Мӯм.) - 'жаренные на масле небольшие кусочки теста, замешенного на молоке и яйцах';

- **пасбанд** (Қ.) - 'последнее испеченное в тандыре лепешка';

- **ришок** (Т-вах.) - 'тоненькая лепешка, приготовленная на раскаленной каменной сковороде';

- **сьманькин** (Бдх.) - 'лепешка, приготовленная на мелких углях, покрытых пеплом, на раскаленном песке и раскаленных камнях из теста, замешенного из проросшей пшеницы';

- **чагалдак** (Ғқ., Кх., Шк.) // **чъгалдак** (Вқ.) // **чекалдак** (Қ.) // **чағалдак** – небольшие круглые куски теста с луком, кинзой, перцем, базиликом, обжаренные в масле.

4. Четвертая семантическая группа представлена диалектизмами, номинирующими разновидности хлебобулочных изделий по признаку «толщина/тонкость лепешки», поскольку данный признак является релевантным при характеристике лепешек:

- **гавокй** (Шк.) - 'вид толстой лепешки';

- **гармак** (Обл.) - 'вид очень тонкой лепешки';

- **гирда** (Вқ., Қ.) - 'вид лепешки, более тонкой по сравнению с обычной';

- **гърдача // гирдача** (Вк., Қ.) - 'тонкая пресная лепешка';
- **нимнуна** (Қ.) – 'очень тонкая лепешка';
- **нони тънък** (Чк.) - 'тонкая лепешка';
- **нони қасимхонӣ** (Б.) - 'большая тонкая лепешка';
- **тарахтов // търахтоб**(Т.-вах.) - 'тонкая лепешка';
- **тънъкӣ** (Мум., Сх., Хов.) - 'тонкая лепешка';
- **тънъкча // тоникча** (Т.-вах.) - 'тонкая лепешка из пресного теста'.

5. Следующая сематическая группа репрезентирована диалектными наименованиями, объединенными по признаку **«разновидности лепешек»**. Данный признак подразумевает разнообразие номинаций лексемы *нон*, изготовленных из одинакового состава теста и одинаковым способом:

- **ғавокӣ** (Шк.) - 'вид лепешки';
- **ғавсаки** (Вк., Шк., Ғк.) – вид лепешки';
- **калфатир** (Б.) - 'лепешка из невыдержанного теста';
- **мийонпар** (Б.) - 'лепешка из жидкого теста, которую украшают *нонпаром* - специальным приспособлением с проволочной щёткой для прокалывания раскатанного теста';
- **нони обӣ** (Қ.) - 'лепешки из лепешечного цеха';
- **нони хамирӣ** (Қ., Шк.) - 'лепешка из дрожжевого теста';
- **нони хол-холак** (Хов.) – 'вид лепешки';
- **нони хонагӣ** (Қ.) - 'вид лепешки';
- **нони ғалберӣ** (Б.) – 'лепешка, поверхность которой украшают *нонпаром* - специальным приспособлением с проволочной щёткой для прокалывания раскатанного теста';
- **нунча** (Гх., Тд.) - 'лепешка меньших размеров';

6. Признак **«принадлежность к обряду»** является актуальным для выделения хлеба и в таджикском языке, поскольку выражается в лексемах, отражающих национальную картину мира и национальную ментальность. Диалектизмы, содержащие данный признак, также следует объединить в отдельную семантическую группу:

- **бӯ(ӣ)** (Б.) - 'обрядовая тонкая лепешка, жаренная на масле, трех- или четырехугольной формы';

- **кулчай арус** (Қ.) – 'специально приготовленная для проводов невесты лепешка маленького диаметра, замешенного на молоке и масле и украшенная *нонпаром* - специальным приспособлением с проволочной щёткой для прокалывания раскатанного теста';

- **нони муборақбодӣ** (Б.) - 'лепешка с обряда обручения';

- **нони сари келин** (Б.) // **нони бахт** (Б.) - 'лепешка, которую кладут у головы невесты в ночь заключения брака';

- **нони това** (Т.-ишк.) - 'тонкая лепешка, которую готовят к свадьбе';

- **сумалак // суманак** - 'традиционная лепешка или блюдо, которую готовят из солода, проращенных зерен пшеницы и муки обычно весной';

- **хъчък** (Т.-вах.) - 'обрядовая тонкая лепешка, жаренная на масле'.

7. Диалектизмы, содержащие признак «**национальная еда**», как правило, в таджикской языковой картине мира характеризуют хлеб как пищевой продукт других национальностей и заимствованный таджиками вместе с его названиями. Однако следует отметить, что подобные заимствования претерпели значительные фонетические изменения и приобрели следующее оформление:

- **пирайник** (Кх., Шк.) – 'пряник';

- **хилеф** (Ис.) - 'хлеб';

- **булушка** (Ис.) - 'булочка'

- **пичин** (Кх., Қ., Шк.) - 'печенье';

- **нони булка** (Б.) - 'магазинная лепешка кирпичной формы - хлеб';

- **сухарӣ** (Ис.) – 'сухари'

- **вафлӣ** (Мӯм., Б.) – 'вафли'.

8. Концепт НОН представлен в диалектах в семантической группе, объединяющей лексемы по признаку «**слоёный**», поскольку данный признак является отражением гастрономических предпочтений и продовольственной традиции таджиков:

- **қалама** (Кх., Ғк. Шк.) – 'слоёная лепешка, жаренная на масле';

- **қатлама** (Вк., Қ.) // **қатмол** – специальная слоёная масляная лепешка, которую готовят в тандыре или на сковороде';

- **қатфатир** (Шк.) - 'слоёное пресное тесто';

- **палавгун** (Вк., Қ.) - 'слоёная лепешка, которую готовят со сладостями, халвой и каймаком';

9. В следующую семантическую группу включены диалектные номинации хлеба, характеризующие его **по функции**, то есть определяют его назначение, то, для чего или для кого его готовят:

- **къмоч** (Қўш.) // **кумоч** (Дб., Кап., Ст., Ош.) // **къмоч** (Нўш., Қлб., Ҳич., Хов., Ёх., Ҳак.) // **кўмоч** (Б.) – 'лепешка, приготовленная на мелких углях, покрытых пеплом, на раскаленном песке и раскаленных камнях пастухами на пастбищах';

- **гънди** (Хов., Ток., Шуг., Дах., Сам.) - 'лепешка из отрубей, приготовленная для собак и домашнего скота'.

- **къмуч** (Ёз., Лан.) - 'полусырая лепешка из ячневой муки или муки из мушунга (сорт гороха), приготовленная для прикорма домашнего скота';

- **бурак** (Б.) - 'лепешка, которую дают со свадьбы';

- **нони муборакбоди**// **нони муборакбозӣ** (Б.) - 'лепешка, которую готовят специально на обручальный обряд'.

10. Следующую лексико-семантическую группу репрезентирующую концепт «НОН» в таджикском языке составляют диалектные единицы с признаком **«хлебобулочное изделие с начинкой»**. В подобных мучных изделиях в качестве начинки, как правило, используются мясо, съедобные травы, горох, а также овощи, в частности тыква, картофель, лук:

- **алафбичак** (Б.) - 'самбуса с травяной начинкой разных форм: треугольные, четырехугольные, круглые';

- **бичаки кадугин** - 'самбуса с тыквой';

- **бичаки катощкагин** - 'самбуса с картошкой';

- **бичаки танӯрӣ** - 'самбуса с мясной, травяной или *какой-л.* другой начинкой, приготовленная в тандыре';

- **самбӯсаи алафӣ** - 'пирожки с травяной начинкой';

- **самбӯсаи бодомӣ** - 'пирожок с мясной начинкой в форме миндаля';

- **самбӯсаи варақӣ** - 'пирожок с мясной или травяной начинкой из слоенного теста';

- **самбӯсаи кадугӣ** - 'пирожок с тыквенной начинкой с добавлением тмина и лука, приготовленный на масле или в тандыре';

- **самбӯсаи солинавӣ** - 'пирожок из тонкого теста в форме четырехугольника, обычно с мясной или гороховой начинкой';

- **самбӯсаи ташабойӣ** - 'пирожок треугольной формы, изготовленный в тандыре';

- **шӯрабичак** – 'пирожок с лебедой'.

11. В ходе семантического анализа диалектологического фонда таджикского языка также было выделено несколько лексических единиц, маркированных по признаку «часть хлебобулочного изделия»:

- **шикана** (Бдх.) - 'разломанные кусочки лепешки, которые заливаются мясным супом';

- **бача** (Ҳич.) - 'хлебные крошки';

- **пъштак** (Шк.) // **пуштак** (Қ.) - 'часть лепешки, оставшаяся в тандыре после отделения'.

12. Следующая семантическая группа содержит диалектные номинации хлеба, характеризующие его по виду теста, то есть по признаку «пресное тесто»:

- **фатир** (Б.) – 'тонкая пресная лепешка';

- **фатири курак** (Дт., Шил.) - 'лепешка, изготовленная из пресного теста';

- **фатирхамир** // **фътирхамир** // **хамирфатир** // **хамфатир** (Сғ., Уч.) // **хамирфатирӣ** (Ёз.) - 'лепешка из пресного теста';

- **шълак** (Т.-вах.) - 'лепешка из пресного теста';

- **фатири хасак** (Б.) - 'лепешка из пресного теста';

- **ғовакӣ** (Хов.) - 'вид пресной лепешки';
- **мъштмол** (Бдх.) - 'вид пресной, масляной лепешки';
- **фатирак** (Б.) - 'лепешка из пресного теста, приготовленная в самое необходимое время';
- **нонмольк** (Ғор.) - 'вид пресной, масляной лепешки'.

13. Среди диалектов таджикского языка были выявлены лексемы, характеризующие хлеб по концептуальному признаку **«неудачно приготовленный хлеб»**:

- **мърғаки // мурғакӣ** (Шк., Қ.) // **мърғаки** (Ҷк.) - 'лепешка, отвалившаяся в тандыре по причине своей невыдержанности и запачканная в золе';

- **нони сатрӣ** (Ёз., Кк., Лан.) - 'лепешка, отвалившаяся в тандыре по причине своего прокисания'.

Большой интерес представляет и тот факт, что таджикская ментальность и гастрономические традиции характеризуются наличием большого количества мучных похлебок, номинированных лексемой **атола**:

- **бот** (Баҳ.) – масляная мучная похлёбка из пшеничной муки,
- **батък** (Ҷк.) – болтушка из муки, молока и сливочного масла,
- **гарсуз** (Кан., Хов.) – похлёбка из муки и молока,
- **қандотала** (Шк., Ҷк.) – похлёбка из муки, масла и сахара,
- **табағе** (Ғор.) – похлёбка из муки и сладостей,
- **страхс** (Ғор., Т.-вах.) – обрядовая похлёбка из молока и муки,
- **хамиршира** (Шк.) – диетическая похлёбка из муки, мяты, кинзы и воды,
- **ҳадир** (Шм.) - ордоба, ҳадири съфедак; **ҳадири орд бирйун** – похлёбка из муки и обжаренной муки,
- **шалойиншира** (Шк.) - похлёбка из муки, масла и лука;
- **кочӣ** (Б., Ис.) – похлёбка из кукурузной муки и мясного фарша, употребляемая с маслом;

- **сиқмон** (Б.) – похлебка из кукурузной муки;
- **чарсьхтък** (Мем.) – похлёбка из муки, обжаренной на масле, и воды.

Более того, диалектологический фонд таджикского языка, представляющий рассматриваемый концепт, проявляет сходство с корпусом общелитературных лексем в плане репрезентации концепта НОН лексико-семантической группой лексем, интегрированных общей семьей 'халва'. Лексема *халва*, как было отмечено ранее, в ФТЗТ имеет следующее толкование: «Халва – сладкая еда, приготовленная из муки, масла и сока, сладость». Вследствие чего таджикская языковая картина представлена диалектными вариантами лексемы халва, на наш взгляд, выражающими понятие «мучные изделия», как репрезентанта концепта «НОН», например:

- **парварда** (Б.) – вид халвы из муки, сахара и имбиря;
- **пашмак** (Б.) – вид халвы из муки и сахара, имеющий форму пучка тонких нитей;
- **чақаҳак** (Вқ.) – вид халвы;
- **ҳалвои сафедак** (Ҷк.) – вид халвы из муки, обжаренной на масле, требующей многочасового помешивания до приобретения массой белого цвета;
- **мочък** (Вқ.) – вид халвы из муки, обжаренной на масле, которая после остывания принимает форму гранул.

3.4. Сопоставительный анализ диалектизм, репрезентирующих концепт ХЛЕБ/НОН в русском и таджикском языках

Исследование имеющегося лексикографического материала позволило нам провести сопоставительный анализ диалектных единиц, представляющих концепт ХЛЕБ/НОН в рассматриваемых языках.

Так, отличительной особенностью хлеба как жизнеобеспечивающего элемента от других продуктов питания является

его жизнедарующая способность, а также способность насытить человека.

Более того, многообразие иллюстративного материала диалектной лексики русского и таджикского языка позволяет выявить как общие, так и отличительные концептуальные признаки хлеба. В ходе анализа было обнаружено несколько репрезентирующих концепт ХЛЕБ/НОН признаков: а) в русском языке -

1. Хороший хлеб
2. Неудачно приготовленный хлеб
3. Состав муки
4. Время приготовления
5. Функция хлеба
6. Национальная еда
7. Принадлежность к обряду
8. Часть хлеба
9. Толщина/тонкость хлеба
10. Форма хлеба
11. Хлебобулочные изделия с начинкой
12. Содержание дополнительных ингредиентов

б) в таджикском языке:

1. Состав муки
2. Содержание дополнительных ингредиентов
3. Способ приготовления хлеба
4. Толщина/тонкость хлеба
5. Разновидность хлеба
6. Принадлежность к обряду
7. Национальная еда
8. Слоистость
9. Функция хлеба
10. Хлебобулочные изделия с начинкой

11. Часть хлеба
12. Неудачно приготовленный хлеб
13. Приготовленный из пресного теста.

Как следует из приведенного перечня, представленные диалектизмами лексико-семантические группы проявляют как сходные, так и отличительные особенности в сопоставляемых языках. Так, общими признаками концепта ХЛЕБ/НОН как в русском, так и в таджикском языке являются следующие 9 качеств хлебобулочного изделия: «сорт муки», «предназначение к обряду», «национальная еда», «функция хлеба», «хлебобулочные изделия с начинкой», «часть хлеба», «содержание дополнительных ингредиентов», «толщина/тонкость хлеба» и «неудачно приготовленный хлеб».

Как и в литературном языке, лексико-семантическая группа, объединяющая диалектизмы по признаку «сорт муки», хоть и представлена в обоих языках, однако проявляет некоторые различия по составу входящих в нее лексем. Русская картина мира предполагает в составе этой группы основную оппозицию лексем, имеющих в значении семы 'из пшеницы', 'из ржи'. Тогда как в таджикском языке данный признак представлен лексемами с семной доминантой 'пшеница' и 'ячмень', поскольку в таджикском социуме преимущественно пользовались изделиями из пшеницы и ячменя, как наиболее доступных злаков. В меньшей степени пользовались популярностью в русской среде ячменный хлеб и яровой хлеб. В таджикском языке данная группа представлена также номинациями, обозначающими понятия с семой 'просо', 'кукуруза'. Продуктивными для обоих языков являются понятия с семой 'отруби'.

Очень широко представлена в русской языковой картине мира лексико-семантическая группа, маркированная по признаку «хлебобулочные изделия с начинкой», поскольку на русском столе первое место занимали пироги, а в русской кухне существовали и по сей день существуют многочисленные виды этого мучного изделия. Весьма внушителен и перечень ингредиентов, используемый русскими в качестве

начинки: несколько видов мяса, огромное разнообразие сортов рыбы, грибов, ягод и овощей. В противовес русской, таджикская диалектологическая картина мира по данному признаку представлена лишь немногими единицами, а в качестве номинаций, обозначающих ингредиенты начинок, выступают лексемы с семой 'мясо', 'съедобные травы', 'тыква', 'картошка'.

Представляет интерес также группа наименований, включающих в себя названия мучных изделий, которые обозначают признак «содержание дополнительных ингредиентов». В русской языковой картине данный признак представлен диалектизмами, представленными номинациями сдобных пирогов, в составе которых присутствуют яйцо, молоко и сахар. Тогда как характеризующие данный признак таджикские лексемы обозначают разновидности мучных изделий, в состав которых входят помимо сдобы такие ингредиенты, как шкварки, овощи, в частности: тыква, лук, перец, растения: сиёхалаф, кинза, базилик, а также горох. Кроме того, в качестве украшения для таких изделий служат семена чернушки и кунжута.

Другие проявляющие общность семантические группы в сопоставляемых языках представлены почти равноценно.

Следует отметить также и отличительные признаки, репрезентирующие концепт «ХЛЕБ/НОН» в сопоставляемых языках.

В составе диалектологического фонда таджикского языка не были выявлены номинации, обозначающие такие признаки хлеба, как «хороший хлеб» и «время приготовления хлеба», свойственные для русского языка. Не представлена таджикскими диалектизмами также лексико-семантическая группа, включающая лексемы по признаку «форма хлеба». Причиной тому, на наш взгляд, являются гастрономические предпочтения этих двух народов: в частности, русские пироги изначально имели продолговатую форму, которая по прошествии лет приобрела круглую форму и форму «треухи». У

таджиков изначально форма хлеба имела форму *рафиды* – круглой плоской подушки для приклеивания лепешек к стенкам тандыра.

Русская картина мира подразумевает приготовление хлеба в печи либо на противне, либо на сковороде. В отличие от русских, таджики изготавливают хлеб в *тандыре* - особых печах для выпечки лепешек, где тесто готовится в вертикальном положении, прикрепленное к стенкам печи. Более того таджикская картина мира предполагает изготовление хлеба в казанах и сковородах как на масле, так и без него, а также в раскаленных углях, на раскаленных камнях и песке. В связи с этим, таджикская диалектная картина мира включает в себя лексемы, характеризующие такой концептуальный признак, как «способ приготовления хлеба».

Наряду с этим таджикская ментальность способствует выделению и таких концептуальных признаков, не обнаруженных в русских диалектах и не зафиксированных в словаре В.И.Даля, как «разновидности хлеба», «приготовленный из пресного теста» и «слоистости хлеба».

Большой интерес представляет и тот факт, что таджикская ментальность и гастрономические традиции характеризуются наличием большого количества мучных похлебок, номинированных лексемой *атола*, а также такого мучного изделия, как *халва*.

Все представленные в русских и таджикских диалектах лексемы и образованные ими лексико-семантические группы, представляющих признаки хлеба, можно продемонстрировать в виде следующей таблицы.

Таблица 6.

**Лексико-семантические группы диалектизмов, характеризующих
концепт ХЛЕБ/НОН в русском и таджикском языках**

Лексико-семантическая группа	В русском языке	В таджикском языке
1. Состав муки	пеклеваник, житник, аржануха, ярушник	загорагӣ, нони чавин, нони арзани, кълесък

2. Функция хлеба	едобный хлеб, басман, отвесной хлеб	къмоч // кумоч, гъндѣ, бурак
3. Национальная еда	француз(с,ц,)оля, чурек	пирайник, вафлѣ, пичин, нони булка
4. Принадлежность к обряду	банник, артос, антидор	сумалак // суманак нони муборакбодѣ
5. Часть хлеба	оберетка, покраек, целуха, бухон	шикана, баца, пыштак
6. Хлебобулочное изделие с начинкой	севрюжник, курник, вареники, маковник	алафбичак, самбѣсаи бодомѣ
7. Содержание дополнительных ингредиентов	пирог с нетом, сдобник, огибень	кълчай ширмол, фатири чаззадор
8. Неудачно приготовленный хлеб	алякиш, черствый хлеб, недошный хлеб	мъргаки // мургакѣ, нони сатрѣ
9. Хороший хлеб	дошный хлеб, дыхлый хлеб, бухонный хлеб	
10. Время приготовления	седенный хлеб, сегаденник	
11. Форма хлеба	сукрой, округ, окружень	
12. Способ приготовления хлеба		кумочказон, дегѣ, кълчай тагаловѣ
13. Толщина/ тонкость хлеба	блины, оладья, голыш	чапотѣ, тѣнькча, нимнуна, гавокѣ
14. Разновидности хлеба		калфатир, мийонпар, мѣштмолѣк
15. Слоистость		калама, палавгун, катфатир
16. Приготовленный		шѣлак, фатири хасак,

Таким образом, внутренняя форма единиц выявляет критерии и особенности предметов материального мира и их признаки, которые актуализированы в слове диалектоносителями. Проведенный анализ позволил нам выявить в составе диалектизмов русского и таджикского языков несколько лексико-семантических групп, критерием выделения которых послужили концептуальные признаки хлеба. В частности, было обнаружено 9 общих для диалектных номинаций признаков, а также 4 индивидуальных признака для таджикского языка и 3 для русского.

Выводы по второй главе:

По результатам сопоставительного анализа лексико-семантической структуры концепта ХЛЕБ/НОН в русском и таджикском языках мы получили следующие выводы:

1. Экспликация исследуемого концепта представляет собой выявление мира ассоциаций, образов, представлений, паремий и культурных традиций, другими словами, репрезентация концепта ХЛЕБ/НОН и его значимость обусловлена экстралингвистическими факторами. Ключевым словом, представляющим рассматриваемый концепт, в русском языке является одноименная лексема «хлеб» - 'пищевой продукт, выпекаемый из муки', а в таджикском – «нон» - 'основная пища человека, изготавливаемая из муки'. Данные понятия являются концептуальной доминантой и занимают ведущие позиции в языковой картине двух народов.

2. Будучи важнейшим конституирующим принципом организации лексического состава любого языка и базируясь на родовидовой концептуальной общности лексических единиц, гиперо-гипонимический блок концепта ХЛЕБ/НОН характеризуется следующими отношениями в его структуре: и в русском, и в таджикском языках гиперонимом выступают лексемы, являющиеся названием концепта, то есть «хлеб» в

русском и «нон» в таджикском языке. Однако если в русском языке было выявлено 7 гипонимов, таких как *булка, булочка, пирожное/торт, пирог/пирожки, лепешка, печенье, кушанье*, то в таджикском языке - 6 гипонимов: *лепешка, кушанье, пирожки, печенье, булочка, халва*. Как видно, в количественном и содержательном плане данные гиперогипонимические блоки проявляют различие, что, безусловно, говорит о чертах индивидуальности и своеобразии национальных культур и ментальности народов, их представляющих.

3. В сопоставляемых языках концепт ХЛЕБ/НОН репрезентирован такими единицами лексического фонда языка, эксплицированного как общелитературным, так и диалектным составом, которые обозначают наименования хлеба, объединяемые интегральными и различаемые дифференциальными семами. Поскольку концепт характеризуется индивидуальным набором признаков, формирующих его структуру, были выявлены концептуальные признаки составляющего его семантического поля. Лексико-семантические группы, выделенные на основе таких концептуальных признаков, проявляют как сходные, так и отличительные свойства. Так, в рассматриваемых общелитературных языках общими признаками концепта как для русского, так и для таджикского языков являются следующие 9 особенностей хлебобулочного изделия: «сорт муки», «с начинкой», «без начинки», «размер хлебобулочного изделия», «изготовленный из сдобного теста», «изготовленный из пресного теста», «сухой хлеб», «жаренный на масле», «принадлежность к обряду». Однако гастрономические предпочтения этих двух народов обусловили и наличие отличительных признаков, репрезентирующих исследуемый концепт. Так, в русском языке были выявлены такие отличительные признаки, как «кондитерские изделия», «часть хлеба», «форма хлеба», «плоский», а в таджикском - «дополнительные ингредиенты», «способ приготовления», «толщина/тонкость лепешки», «слоистость». Большой интерес представляет и тот факт, что таджикские гастрономические традиции

характеризуются наличием большого количества мучных похлебок, номинированных лексемой *атола*, а также такого мучного изделия, как *халва*.

4. Будучи частью концептосферы русского и таджикского языков, диалектная концептосфера выражается в диалектной языковой картине мира. Воссоздавая духовную и материальную культуру народа, диалектный словарь характеризует картину объективного мира явлений и вещей посредством семантических описаний, одновременно отражая жизнь и быт народа. Многообразие иллюстративного материала диалектной лексики русского и таджикского языков позволило выявить как общие, так и индивидуальные концептуальные признаки хлеба. Представленные диалектизмами лексико-семантические группы проявляют как сходные, так и отличительные особенности в сопоставляемых языках. Так, общими признаками концепта ХЛЕБ/НОН как в русском, так и в таджикском языке являются следующие 9 качеств хлебобулочного изделия: «сорт муки», «предназначение к обряду», «национальная еда», «функция хлеба», «хлебобулочные изделия с начинкой», «часть хлеба», «содержание дополнительных ингредиентов», «толщина/тонкость хлеба» и «неудачно приготовленный хлеб». Концептуальная картина мира предполагает и отличительные признаки, репрезентирующие концепт ХЛЕБ/НОН в рассматриваемых языках. Так, в составе диалектологического фонда русского языка были выявлены номинации, обозначающие такие признаки хлеба, как «хороший хлеб», «время приготовления хлеба», «форма хлеба», тогда как в таджикском - «разновидности хлеба», «способ приготовления хлеба», «приготовленный из пресного теста» и «слоистость хлеба».

5. Концепт «ХЛЕБ/НОН» получил широкое представление также и в паремиологии двух языков, поскольку в паремиологических единицах в наибольшей степени отражается культурно исторический опыт народа. Лексема *хлеб* служит стержневой и концептуальной доминантой пищевого кода культуры в русской и таджикской языковых картинах

мира. Хлеб является лексемой, передающей родовое понятие, и выступает в качестве гиперонима всех хлебных наименований, даже еды в целом. Рассматриваемые логоэпистемы обоих языков были классифицированы в лексические группы, имеющие символическую и ассоциативно-образную концептуализацию. Аналогичность в способах репрезентации концепта «ХЛЕБ/НОН» в русской и таджикской идиоматике позволила выделить 20 категорий со схожими символическими значениями, представленных следующими лексемами: *хлеб-основа, достаток/благосостояние, труд, профессиональный заработок, бережливость, запас, свой/чужой, голод, нажива/выгода, насилие, благодарность, бедность, счастье/удача, дружба/знакомство, судьба/доля, отказ, честный/дозволенный, гостеприимство, лень/праздность, часть.*

Для русской и таджикской картин мира в паремиологической репрезентации концепта ХЛЕБ/НОН одновременно со сходными чертами характерны также и отличительные особенности, выражающиеся в следующих ассоциативно-образных категориях: для русского языка – *пища, Бог/святыня, сон, зависть, займы, деньги, нажива/выгода, пьянство, отдельный/целостный, тоска, мир/споры, сила, горе, характер человека, судьба/доля, отказ, верное/надежное, страх, просьба, разное/одно, много/мало;* для таджикского языка – *неблагодарность, жизненные трудности, постоянное занятие, неопытность, отнимать/терять, наказание, трудный хлеб, помощь, благословение, помолвка, жизнь/смерть, упитанность, непривлекательность, хвастовство, терпение, отговорка, разумность, глупость, семейный союз, вежливость, обман, риск, безосновательность.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в данной работе сопоставительный анализ репрезентации концепта ХЛЕБ/НОН в таджикском и русском языках позволил обнаружить специфичные черты обеих языковых картин мира, эксплицированных в данном концепте. В ходе исследования установлено, что одни характеристики у анализируемых концептосфер тождественны, а другие выявляют значительные несоответствия. На основе сходств и различий рассматриваемых семантических полей нами были определены основные критерии для сопоставления данных подсистем, то есть параметры, наиболее ярко иллюстрирующие их общие черты и различия:

1. Антропоцентрическая научная парадигма современной лингвистики, направленная на анализ когнитивных и культурологических аспектов языка как феномена культуры, характеризует менталитет как исторически обусловленное явление, отражающее специальные особенности определенного типа культуры. Как правило, под менталитетом подразумевают устоявшийся метод самобытного мировосприятия, свойственный для больших общественных коллективов (этносов, наций или социальных слоев), детерминирующий оригинальность их воздействия на явления окружающей действительности.

2. В качестве фундаментального, эксплицирующего индивидуальность человека и его бытия, его взаимоотношений с миром выступает понятие картины мира, складывающейся для человека как совокупность его ассоциаций и представлений о мире в целом и о самом себе в частности. Концептуальная картина мира в данном диссертационном исследовании понимается как мировоззрение, мировосприятие, «модель мира». Синонимом термина мы используем понятие концептосфера, определяющееся как систематизированная общность концептов.

3. Так как изреченное и зафиксированное слово является средством достижения концептуального значения, то одним из способов

экспликация концептуальной картины мира становится языковая картина мира, воспринимаемая как составляющая концептуальной, которая характеризуется привязанностью к языку и преломляется посредством языковых форм. Языковой картине мира свойственна национальная и историческая обусловленность, поскольку любой естественный язык покрывает окружающую действительность своей, присущей только ему, «сеткой координат». Языковая картина мира, во всякие периоды своего исторического развития выполняет функцию регистрирования и инвентаризирования всего кумулированного коллективом носителей данного языка.

4. Стержневой и основополагающей категорией, обрисовывающей самобытность концептосферы, является концепт, который выступает в качестве мыслительной когнитивной категории, единицы архивирования человеческого знания, репрезентированный лексико-семантической парадигмой и синтагматикой лексемы - имени концепта. В настоящем диссертационном исследовании мы придерживались тезиса, что концепт - динамическое явление, его содержание и взаимоотношение концепта с другими концептами обусловлены эволюцией ментальности народа, определяющейся изменениями в жизни социума, приоритетными и ценностными переменами. Семантическое поле предстает одним из способов демонстрации концепта, так как оно отображает понятийную сферу и выявляет языковую картину мира. В данном исследовании представлен анализ языковых средств воплощения концептов в лексике диалекта посредством семантических полей и более мелких единиц - тематических групп.

5. Экспликация исследуемого концепта представляет собой выявление мира ассоциаций, образов, представлений, паремий и культурных традиций, другими словами, репрезентация концепта ХЛЕБ/НОН и его значимость обусловлена экстралингвистическими факторами. Ключевым словом, представляющим рассматриваемый

концепт, в русском языке является одноименная лексема «хлеб» - 'пищевой продукт, выпекаемый из муки', а в таджикском – «нон» - 'основная пища человека, изготавливаемая из муки'. Данные понятия являются концептуальной доминантой и занимают ведущие позиции в языковой картине двух народов.

6. Будучи важнейшим конституирующим принципом организации лексического состава любого языка и базируясь на родовидовой концептуальной общности лексических единиц, гиперо-гипонимический блок концепта «ХЛЕБ/НОН» характеризуется следующими отношениями в его структуре: и в русском, и в таджикском языках гиперонимом выступают лексемы, являющиеся названием концепта, то есть «хлеб» в русском и «нон» в таджикском языке. Однако если в русском языке было выявлено 7 гипонимов, таких как *булка, булочка, пирожное/торт, пирог/пирожки, лепешка, печенье, кушанье*, то в таджикском языке - 6 гипонимов: *лепешка, кушанье, пирожки, печенье, булочка, халва*. Как видно в количественном и содержательном плане данные гиперо-гипонимические блоки проявляют различие, что, безусловно, говорит о чертах индивидуальности и своеобразии национальных культур и ментальности этих народов.

7. В сопоставляемых языках концепт ХЛЕБ/НОН репрезентирован такими единицами лексического фонда языка, эксплицированного как общелитературным, так и диалектным составом, которые обозначают наименования хлеба, объединяемые интегральными и различаемые дифференциальными семами. Поскольку концепт характеризуется индивидуальным набором признаков, формирующих его структуру, были выявлены концептуальные признаки составляющего его семантического поля. Лексико-семантические группы, выделенные на основе таких концептуальных признаков, проявляют как сходные, так и отличительные свойства. Так, в рассматриваемых общелитературных языках интегрирующими признаками концепта как для русского, так и для таджикского языков, являются следующие 9 особенностей

хлебобулочного изделия: «*сорт муки*», «*с начинкой*», «*без начинки*», «*размер хлебобулочного изделия*», «*изготовленный из сдобного теста*», «*изготовленный из пресного теста*», «*сухой хлеб*», «*жаренный на масле*», «*принадлежность к обряду*». Однако гастрономические предпочтения этих двух народов обусловили и наличие отличительных признаков, репрезентирующих исследуемый концепт. Так, в русском языке были выявлены такие дифференциальные признаки, как «*кондитерские изделия*», «*часть хлеба*», «*форма хлеба*», «*плоский*», а в таджикском - «*дополнительные ингредиенты*», «*способ приготовления*», «*толщина/тонкость лепешки*», «*слоистость*». Большой интерес представляет и тот факт, что таджикские гастрономические традиции характеризуются наличием большого количества мучных похлебок, номинированных лексемой *атола*, а также такого мучного изделия, как *халва*.

8. Будучи частью концептосферы русского и таджикского языков, диалектная концептосфера выражается в диалектной языковой картине мира. Воссоздавая духовную и материальную культуру народа, диалектный словарь характеризует картину объективного мира явлений и вещей посредством семантических описаний, одновременно отражая жизнь и быт народа. Многообразие иллюстративного материала диалектной лексики русского и таджикского языков позволило выявить как общие, так и отличительные концептуальные признаки хлеба. Представленные диалектизмами лексико-семантические группы, проявляют как сходные, так и отличительные особенности в сопоставляемых языках. Так, общими признаками концепта ХЛЕБ/НОН как в русском, так и в таджикском языке являются следующие 9 качеств хлебобулочного изделия: «*сорт муки*», «*предназначение к обряду*», «*национальная еда*», «*функция хлеба*», «*хлебобулочные изделия с начинкой*», «*часть хлеба*», «*содержание дополнительных ингредиентов*», «*толщина/тонкость хлеба*» и «*неудачно приготовленный хлеб*». Концептуальная картина мира предполагает и отличительные признаки,

репрезентирующие концепт ХЛЕБ/НОН в рассматриваемых языках. Так, в составе диалектологического фонда русского языка были выявлены номинации, обозначающие такие признаки хлеба, как *«хороший хлеб»* и *«время приготовления хлеба»*, *«форма хлеба»*, тогда как в таджикском - *«разновидности хлеба»*, *«способ приготовления хлеба»*, *«приготовленный из пресного теста»* и *«слоистость хлеба»*.

9. Концепт «ХЛЕБ/НОН» получил широкое представление также и в паремиологии двух языков, поскольку в паремиологических единицах в наибольшей степени отражается культурно исторический опыт народа. Лексема «ХЛЕБ» служит стержневой и концептуальной доминантой пищевого кода культуры в русской и таджикской языковых картинах мира. Хлеб является лексемой, передающей родовое понятие, и выступает в качестве гиперонима всех хлебных наименований, даже еды в целом. Рассматриваемые логоэпистемы обоих языков были классифицированы в лексические группы, имеющие символическую и ассоциативно-образную концептуализацию. Аналогичность в способах репрезентации концепта «ХЛЕБ/НОН» в русской и таджикской идиоматике позволила выделить 20 категорий со схожими символическими значениями, представленных следующими лексемами: *хлеб-основа, достаток/благосостояние, труд, профессиональный заработок, бережливость, запас, свой/чужой, голод, нажива/выгода, насилие, благодарность, бедность, счастье/удача, дружба/знакомство, судьба/доля, отказ, честный/дозволенный, гостеприимство, лень/праздность, часть.*

Для русской и таджикской картин мира в паремиологической репрезентации концепта «ХЛЕБ/НОН», наряду со сходными чертами, необходимо отметить также и отличительные особенности, выражающиеся в следующих ассоциативно-образных категориях: для русского языка – *пища, Бог/святыня, сон, зависть, займы, деньги, нажива/выгода, пьянство, отдельный/целостный, тоска, мир/споры, сила, горе, характер человека, судьба/доля, отказ, верное/надежное, страх,*

*просьба, разное/одно, много/мало; для таджикского языка –
неблагодарность, жизненные трудности, постоянное занятие,
неопытность, отнимать/терять, наказание, трудный хлеб, помощь,
благословение, помолвка, жизнь/смерть, упитанность,
непривлекательность, хвастовство, терпение отговорка, разумность,
глупость, семейный союз, вежливость, обман, риск, безосновательность.*

Таким образом, поскольку экспликация исследуемого концепта представляет собой выявление мира ассоциаций, образов, паремий и культурных традиций, репрезентация концепта «ХЛЕБ/НОН» и его значимость обусловлены преимущественно экстралингвистическими факторами.

Список сокращений топонимов:

Б.– Бухара	Мом. – Момандиён
Бдх. - Бадахшон	Мӯм. - Мӯминобод
Вқ. - Ваҳией-қаротегинӣ	Нӯш. - Нӯшор
Гх. - Гурдхам	Обл. – Оби лурд
Ғк. - Ғарби Кӯлоб	Оқ. - Оқсой
Ғқ. - Ғарби Қаротегин	Ош.- Оби Ширин
Ғор. - Ғорон	Пд. - Пилдон
Даҳ. - Даҳана	Сам. - Самсолик
Дб. - Данғараи Боло	Сғ. - Саригор
Дғ. - Данғара	Ск. - Саракенча
Дег. - Дегай	Сист. – Сист
Дм. - Дараи Мазор	Сх.- Сарихосор
Дт. - Дараи Турбат	Тд. - Тавилдара
Ёз. - Ёзғанд	Ток.- Токак
Ёх. - Ёхсу	Т-вах.- лаҳҷаи тоҷикии Ваҳон
Ис. - Исфара	Т-ишк. – лаҳҷаи тоҷикии Ишкошим
К. - Кӯлоб	Уч. - Учқул
Кап. - Капалӣ	Хов. - Ховалинг
Кк. – Кӯли Калон	Ҳак. - Ҳакимӣ
Каҳ. - Каҳдара	Ҳич. - Ҳичборак
Қ. - Қаротегин (Рашт)	Чк. – Чашмаи Куло
Қнб. - Кӯҳнабой	Чк. – Чануби Кӯлоб
Қӯш. - Қӯшағба	Шил. - Шилбич
Лан. - Лангар	Шк. – шимоли Кӯлоб
Лахш - Лахш	Шуг.- Шугнов
	Шм. - Шулмак
Арх. – Архангельское	Прм. – Пермское
Влгд. – Вологодское	Ряз. – Рязанское

Влд. – Владимисркое	Сев. – Северное
Зап. – Западное	Сев.вост – Северо-восточное
Квк. – Кавказское	Сев.зап. – Северо-западное
Кстр. – Костромское	Сиб. – Сибирь
Кур. – Курское	Твер. – Твесркое
Нвг. – Новгородское	Твр. – Тверское
Нврс. – Новороссийское	Тмб. – Тамбовское
Одес. – Одесское	Юж. – Южное
Пен. – Пензенское	Ярсл. – Ярославское

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. - Т2. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М.: 1995.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. / Н. Д. Арутюнова. - М.: 1999.
3. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. - М.: 1999. - С. 267-280.
4. Аспекты исследования картины мира / под ред. В.А. Пищальниковой, А.А. Стриженко. - М.: Барнаул, 2003. –С. 67-82
5. Бабушкин, А.П. Поиск «тела знака» для наименования концепта / А.П. Бабушкин // Филология и культура: Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: 1999. - С. 100-104.
6. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. - Воронеж: 1996. –С. 148
7. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: автореф. дис. ... докт. филол. наук / А.П. Бабушкин. – Воронеж: 1998. –С. 52
8. Бенедиктова, Л.Н. К вопросу о содержании понятия «концепт» / Л.Н. Бенедиктова // Мир человека и мир языка / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: 2003. - С. 24-32.
9. Бережнова, М.Л. Словари сибирских говоров как этнографический источник / М.Л. Бережнова // Народная культура: Материалы V Всероссийского научно-практического семинара по фольклору. – Омск: 1997.- С. 78-81.
10. Бокиев М. Фразеологияи шевахо. «Мактаби советӣ», 1971, № 1, - С.31-33.
11. Болдырев, Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения / Н.Н. Болдырев // Филология и культура: Материалы

международной конференции / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: 1999. - С.62-69.

12. Болдырев Н.Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // Материалы Второй Междунар.шк.-семинара по когнитив.лингвистике. В 2 ч. Ч.1. Тамбов: Изд-во Тамб.ун-та: 2000. -С.11-17.

13. Бурное И.В. Русские концепты <душа>, <дух>, <ум> в сопоставлении с английскими <mind>, <soul>, <spirit> (на материале текстов художественной литературы XIX- XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Бурное. - СПб.: 2004. –С.26

14. Васильева, В.Ф. Типология, характерология и сопоставительная лингвистика/ В.Ф. Васильева // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. – 2001. – С. 20-22.

15. Вендина, Т.И. В.И. Даль: Взгляд из настоящего / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. - 2001. - №3. - С. 13-21.

16. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. - М.: 1997. –С.97-102

17. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров. - М.: 1999. –С.58-92

18. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров. - М.: 1980. –С.139-154

19. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Лексиология и лексикография. – М.: 1977. – С. 120-161.

20. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. - № 1. – С.64-72.

21. Воркачев, С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная

лингвистика. Выпуск 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: 2002. - С. 79-95.

22. Воркачев, С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С.Г. Воркачев. – Волгоград: 2003.

23. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. - М.: 2004.

24. Воркачев, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Антология концептов. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 1. – Волгоград: 2005. -С. 10-13.

25. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьев. - М.: 1997. –С.57-78

26. Гадайбаева У.А. Функционально-семантическое поле темпоральности в таджикском и английском языках: Дисс.. канд-филол.наук, Душанбе: 2007. –С.164

27. Гадамер, Г.-Х. Истина и метод / Г.-Х. Гадамер - М.: 1998. –С.34-62

28. Гачев, Г.Д. Национальный Космо-Психо-Логос / Г.Д. Гачев // Вопросы философии.-1994. - №12. –С.78-92

29. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций / Г.Д. Гачев. - М.: 1998. –С.141-187

30. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику / А.С. Герд. - М.: 1995. – С.92-105

31. Гольдин, В.Е. Парадигмы диалектологического знания и проблемы языковой личности / В.Е. Гольдин // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюзная научная конференция. Часть 1.-М.: 1991.-С. 130-140.

32. Гофман, О.В. К вопросу о методе концептуального анализа / О.В. Гофман // Картина мира. Модели. Методы. Концепты. – Томск: 2002. - С. 213-217.

33. Гришина, Н.В. Концепт «вода» в языковой картине мира (на основе номинативного и метафорического полей русского языка XI-XX

вв.): автореф. дис.... канд. филол. наук / Н.В. Гришина. – Саратов: 2002. – С.172

34. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / Гумбольдт В. фон – М.: 1984. –С.152-157

35. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич - М.: 1972. –С.74-81

36. Гулова З.А. Концепт «Еда» в русском и польском языках: дисс.... канд. филол.наук / З.А.Гулова. – Душанбе: 2013. –С.163

37. Демешкина, Т.А. Способы описания концептов диалектной культуры / Т.А. Демешкина // Картина мира. Модели. Методы. Концепты. – Томск: 2002. -С. 59-67.

38. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику: Учеб. для вузов / А.А.Залевская. – М.: 2000. –С.205-209

39. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистические исследования / А.А. Залевская. – Воронеж: 1990. – С.112-117

40. Зинковская Л.С. Репрезентация концепта хлеб в народно-разговорной речи 19-21вв: дис. ... канд. филол. наук / Л.С.Зинковская. – Омск: 2006. –С.178.

41. Игнатов, Н. Хлеб / Н. Игнатов // Большая советская энциклопедия. Т. 59. - М.: 1935.-С. 686-693.

42. Калиткина, Г.В. Диалектные словари как отражение традиционной культуры / Г.В. Калиткина // Язык. Время. Личность: Материалы Международной научной конференции / под ред. Л.О. Бутаковой. – Омск: 2002. -С.544-549.

43. Капранов В. А. Лексическая контаминация в таджикском языке. – Душанбе: Дониш, 1979. –С.70.

44. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. - М.: 1981. –С.182

45. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М.: 1987. –С.173

46. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград: 1996. - С. 3-16.
47. Карасик, В. И. Этноспецифические концепты / В. И. Карасик // Попова З.Д., Стернин И. А., Карасик В. И., Кретов А. А., Пименов Е. А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: 2004. - с. 59-101.
48. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. -М.: 2004.
49. Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурная концептология: принципы, функции, единицы / В. И.Карасик, Г. Г. Слышкин // Язык и общество в синхронии и диахронии. – Саратов: 2005. - С. 33-34.
50. Карасик, В. И., Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И.Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сборник научных трудов / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: 2001. - С. 75-80.
51. Кармин, А.С. Культурология. / А.С. Кармин. - СПб. М.: Краснодар, 2003. –С.43-49
52. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие / И. М. Кобозева. -М.: 2000. –С.72-77
53. Ковальчук, Е.Г. Лексико-семантическое поле «умереть» в русском языке и разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук / Е.Г. Ковальчук. – Саратов: 2003. –С.154
54. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...»/ В.В. Колесов. - СПб., 1999. –С.17-22
55. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В.В. Колесов. - СПб., 2000. –С.102-109
56. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. - М.: 1980. –С.54-62
57. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. - М.: 1990. –С.72-78

58. Кондаков, И.В. Культурология. История культуры России / И.В. Кондаков. - М.: -2003. –С.103-109
59. Корнеева, А.Ю. О становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины/ А.Ю. Корнеева // Русское слово в мировой культуре. – 2003. – Ч. 1. – С. 250–256.
60. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. - М.: 2003. –С.47-58
61. Красных, В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. Красных. - М.: 2002.
62. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика-психология - когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. -1994. - № 4. - С. 34-47.
63. Кубрякова, Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. - М.: 1997. - С. 90-93.
64. Кубрякова, Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура: Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: 1999. - С. 6-14.
65. Кубрякова, Е. Краткий словарь когнитивных терминов. - М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. –С. 245.
66. Куликова, Л.В. Концепт «чужой» в теории межкультурной коммуникации (русско-немецкий контекст). /Л.В. Куликова //Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2004. - № 1. – С. 179-187.
67. ҚосимоваМ. Н. Забони адаби тоҷик дарахди Сомониён // Адаб. – 1998, –№1-3. –С. 12-18.
68. Леонова, А.И. Лингвокультурологическая специфика кулинаронимов: дис. ... канд. филол. наук / А.И. Леонова. - Тверь, 2003. – С.164
69. Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: 1990. –С.688

70. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. - М.: 1997. -С. 280-287.
71. Лутовинова И.С. Слово о пище русской. СПб., 2005. –С.288.
72. Лутовинова, И.С. Комплексное лингвистическое исследование названий кушаний в псковских говорах (к проблеме формирования псковских говоров): автореф. дис.... канд. филол. наук / И.С. Лутовинова. - Л.: 1979. –С.182
73. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды центрконцепта. - Архангельск: 1997. - Вып. №1.-С. 5-71.
74. Маджидов Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка. – Душанбе: Деваштич, 1996. – 409 с.
75. Максудов Т. Лексика и фразеология исфаринских говоров таджикского языка: Диссер. .. канд.филол.наук, Душанбе: 1972. –С.152
76. Мамедова М.Дж. Концепт «ум» в таджикой и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): Дисс... канд.филол.наук. Душанбе: 2015. –С.168
77. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб.пособие для студ.высш.учеб.заведений. – М.: Издательский центр Академия. – 2001. – С.208.
78. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В.А. Маслова. -М.: 2004. –С.72-76
79. Махдии Мухаммадбегии Косвои. Лексико-семантическое поле в персидском и русском языках. Дис.... канд. филол. наук. – Душанбе: 2014. –С.161
80. Мирзоев Х.Х. Лексико-семантическое поле hors/асп в английском и таджикском языках: Дисс...канд.филол.наук. Душанбе: 2013. –С.158
81. МуҳаммадиевМ., ТалбаковаҲ. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: 1997. –С.190.

82. Наумова Т.А. Хлеб в русской языковой картине мира // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/11/58926> (дата обращения: 06.11.2015).

83. Неменова Р.Л. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). – Сталинабад, изд-во АН Таджикской ССР, 1956. –С.327

84. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: 1988. 32-37

85. Одинцова, М.П. Вместо введения: К теории образа человека в языковой картине мира / М.П. Одинцова // Язык. Человек. Картина мира. Лингво-антропологические и философские очерки (на материале русского языка). Часть I / Под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: 2000. –С. 8-11

86. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. - М.: 1983. –С. 286.

87. Пак А.О. Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках: Дисс... канд.филол.наук. Душанбе: 2009

88. Пименова, М. В. Ментальность: лингвистический аспект / М. В. Пименова. – Кемерово: 1996. –С.171

89. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово: 2004. –С.62-68

90. Пименова, М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека / М. В. Пименова. – Кемерово: 1999. –С. 91-110.

91. Попова, З.Д. Куда же нам плыть? (К методике определения типа лексического концепта) / З.Д. Попова // Филология и культура. Материалы международной конференции / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: 1999. -С.104-108.

92. Попова, З.Д., Стернин, И.А. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык.

Этнос. Картина мира: Сборник научных трудов / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: 2003. - С. 16-23.

93. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Проблема моделирования концептов в лингво-когнитивных исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Мир человека и мир языка / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: 2003. - С. 6-17.

94. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: 2002. –С.74-82

95. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: 2003. –С. 17-21

96. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 1. – Волгоград: 2005. - С. 7-13.

97. Попова, З. Д., Стернин, И. А., Карасик, В. И., Кретов, А. А., Пименов, Е. А., Пименова, М.В. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: 2004. –С. 31-37

98. Постовалова, В. Н. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. Н. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. -М.: 1988. –С.78-91

99. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. - М., 1999. Проблемы лексикографии: Сборник статей / под ред. А.С. Герда и В.Н. Сергеева.- СПб., 1997. –С. 64-67

100. Радченко, О.А. Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства: автореф. дис. ... докт. филол. наук / О.А. Радченко. - М.: 1998. –С.42

101. Раков, Г.А. Диалектный словарь системного типа / Г.А. Раков // Русские говоры Сибири. Лексикография. – Томск: 1993. - 15-21.

102. Раков Г.А. Состав и структура семантического поля в говоре (на материале нарымского говора) / Г.А. Раков // Русские

старожильческие говоры Сибири / отв. ред. В.В. Палагина. – Томск: 1987. - С. 88-95.

103. Расторгуева В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров - М.: 1964. –С. 153

104. Рахимова Ш.М. Диалектные элементы и их стилистические функции в художественной литературе (на основе произведений Дж. Икромии): Дисс... канд.филол.наук, Душанбе: 1992. –С.157

105. Розенфельд А.З. Лексика бадахшанских говоров таджикского языка, в кн. «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки», л., Изд-во ЛГУ, 1977. -С.47-49.

106. Розенфельд А.З. К диалектологии Таджикистана. Проблемы стиля диалектной речи // Иранское языкознание. Ежегодник, 1980. - М.: Наука. IS8T. - С.209.

107. Рубинчик Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. – М.: Наука, 1981. –274 с.

108. Рябцева, Н.К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта// Логический анализ языка. Культурные концепты. –1991. – С.72-77.

109. Сабурова, Н.А. Пространство в русском языковом сознании: концептуализация пути (на материале фразеологизмов и метафор). /Н.А. Сабурова //Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2005. - № 2. – С. 47 – 57.

110. Саймиддинов Д. Бархе аз вожаҳоикӯҳнадаргӯишҳоиточикӣ // НомаиПажӯҳишгоҳ. –2002. –№2. –С. 5-20.

111. Саймиддинов Д. Вожашиноси забони форсии миёна. – Душанбе: Пайванд, 2001.–310 с.

112. Саймиддинов Д. Лексика среднеперсидского языка: Автореф. дис. докт. филол. наук. – Душанбе: 1998. –54 с.

113. Серебренников, Б А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? Как происходит отражение картины

мира в языке? / Б.А. Серебрянников // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: 1988. – С. 132-137

114. Синячкин, В.П. Концепт ХЛЕБ в русском языке. Лингвокультурологические аспекты описания: автореф. дис.... канд. филол. наук // В.П. Синячкин. - М.: 2002. – С.32

115. Словарь сочетаемости слов русского языка. / под ред П.Н.Денисова. М.: Русский язык. – 1983 – 707с.

116. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвистические концепты прецедентных текстов в слушании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. - М.: 2000. – С. 74-81

117. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: 2004. – С. 91-97

118. Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. М.: 1998. – С. 1065

119. Солихов Ф.Ш. Функционально-семантическое поле модальности предположения и способы его выражения в разносистемных языках (на материале английского, русского и таджикского языков): дисс...канд.филол.наук, Душанбе: 2015. – С. 165

120. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 27-34

121. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. - М.: 1997. – С. 824.

122. Стернин, И.А. Концепты и невербальность мышления / И.А. Стернин // Филология и культура. Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Болдырев. - Тамбов:1999. - С.69-79.

123. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: 1985. – С.158.

124. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / Методологические проблемы когнитивной лингвистики / И.А. Стернин. – Воронеж: 2001.-С. 58-65.

125. Тарланов, З.К. Методы и принципы лингвистического анализа / З.К. Тарланов. - Петрозаводск, 1995. –С. 34-39.
126. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. - М.: 1996. –С. 271
127. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. - М.: 1999.
128. Топоров, В.Н. Модель мира / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Т. 2. -М.: 1997. –С. 139-142
129. Урысон, Е.В. Языковая картина мира. VS. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. - 1998. - № 2. - С. 3 - 21.
130. Успенская Л.В. Говоры таджиков Гиссарского района. Душанбе, изд-во АН Таджикской ССР, 1962. –С. 231
131. Уфимцева, А.А. Семантический аспект языковых знаков/ А.А. Уфимцева // Принципы и методы семантических исследований. –1976. – С.31-45.
132. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога/ Р.М. Фрумкина // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. - 1992. - №3. - С. 1-8.
133. Хайрулина, Р.Х. Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию. – Уфа: БГПУ, 2001. – 285 с.
134. Харитончик, З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка /З.А. Харитончик // Язык и структуры представления знаний. – 1992. – С. 97-123.
135. Ходжиев В. Лепёшки: (Таджикская домашняя кухня). Душанбе: «Ирфон», 1989, -С.46.
136. Хушенова С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка. – Душанбе: Дониш, 1971. -190 с.

137. Чернейко, Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О.Чернейко. - М.: 1997. –С. 14-21
138. Чернова, О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации: дис. ... канд.филол. наук / О.Е. Чернова. - Екатеринбург, 2004. –С. 176
139. Шафиков, С.Г. Проблемы лексической семантики в свете языковых универсалий (на материале рус, англ., фр. и татар, языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук / С.Г. Шафиков. - Уфа, 1998. –С. 173
140. Шкарупа, В.М. Мезо- и глоттореальность в структуре опосредования человека и мира / В.М. Шкарупа // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Часть I / Под ред. М.П. Одинцовой. - Омск, 2000. - С. 187-196.
141. Шаропов Н. Пути развития лексики современного таджикского литературного языка. – Душанбе: Дониш, 1966. –С.135 .
142. Шукуров М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта маконе дорад. – Душанбе: Ирфон, 1985. –С. 21-35
143. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: 1974. –С. 256 .
144. Юсупова М. Фразеология романа «Дохунда» С.Айни. Автореф. канд. дисс., Душанбе: 1971. –С.29
145. Ярцева, В.Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков/ В.Н. Ярцева // Проблемы языкознания. –1967. – С.203-207.
146. Ярцева, В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. –С. 112.

Источники:

147. Абдуллозода Р. Фарханги ибораҳои халқӣ. / Словарь народных идиоматических выражений. - Душанбе: Адиб, 1988. –С. 400.
148. Айни С. Ёддоштҳо (чор қисм) – Душанбе: Сарредаксияи илми Энциклопедияи Миллии тоҷик. – 2009. –С. 680.

149. Айни С. Бухара (Воспоминания), ч.1 и 2. (Перевод с таджикского С.Бородина). - Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. –С. 299.
150. Айни С. Бухара (Воспоминания), ч.3 и 4. (перевод с таджикского С.Бородина). – Москва: Художественная литература, 1974. –С. 397.
151. Фиёс-ул-луғот: иборат аз се ҷилд. –Душанбе: Адиб. Ҷилди I. Алиф-шин. 1987. –С.480.
152. Фиёс-ул-луғот: иборат аз се ҷилд. – Душанбе: «Адиб». Ҷилди II. Сод-Ё. 1988. –С. 416.
153. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа.- М.: 2008. – С. 637.
154. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: 1 т. А-З. - М.: 1880. –С. 812.
155. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: 2 т. И-О. - М.: 1881. –С. 814.
156. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: 3 т. П. - М.: 1882. –С. 584.
157. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: 4 т. Р-У. - М.: 1882. –С. 712.
158. Доро Начот. Фарҳанги Доро. Баргузидаи тафсири беш аз панҷ ҳазор вожа, истилоҳ, таркиб ва ибораҳои забони форси тоҷикӣ. «Пайванд», Душанбе: 2012. – С. 599.
159. Зоҳидов А., Осимова Б. Фарҳанги воҳидҳои фразеологии лаҳҷаи Хучанд. -Хучанд: Нури маърифат. – 2013. –С. 392.
160. Калонтаров Я.И. Мудрость трёх народов. Часть вторая. (таджикские, узбекские, русские пословицы, поговорки и афоризмы в аналогии). Нью-Йорк – 2002с Панду ҳикмати се халқ. Қисми дуюм. (зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикӣ, ўзбекӣ, русӣ дар муқоиса). Нью-Йорк: 2002. –С. 632
161. Луғати мухтасари лаҳҷаҳои Бухоро. Составители М. Махмудов, Б. Бердиев. – Душанбе: Дониш, 1989. –С. 278.

162. Мақсудов Темур. Лексика ва фразеологияи шеваҳои тоҷикони Исфара. Нашриёти «Ирфон», Душанбе: 1977 –С.160.
163. Муҳаммадхусайни Бурҳонӣ. Бурҳониқотеъ (ҷилди 3). – Душанбе: «Адиб», 2014. –С. 400.
164. Нуров Амон. Мулҳақот бар «Ғиёс-ул-луғот». – Душанбе: «Адиб». Ҷилди III.1989. –С.304.
165. Нуров Амон «Фарҳанги осори Ҷомӣ»: иборат аз ду ҷилд. – Душанбе: Сарредакцияи илмии Энциклопедияи Советии Тоҷик, 1983 – ҷилди I. А-О 1983. –С.536. Нуров, Амон. Толковый словарь произведений Джами: В 2-х ч. Ч. I
166. Нуров Амон «Фарҳанги осори Ҷомӣ»: иборат аз ду ҷилд. - Душанбе: Сарредакцияи илмии Энциклопедияи Советии Тоҷик, 1983 – ҷилди II. П-Ҷ. 1984. –С.608.
167. Ожегов С И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: 1998. –С. 793
168. Русско-таджикский словарь. – М.: Русский язык, 1985.
169. Таджикско-русский язык. – М.: Госиздат, 1954. –С. 203
170. Толстой А.Н. Хождение по мукам. Трилогия. – Мн.: Маст.лит., 1973. –С.736.
171. Фарҳанги ғӯишҳои ҷанубии забони тоҷики. Составители М.Махмудов, Ғ.Ҷӯраев. – Душанбе: Пайванд, 2012. –С.946.
172. Фарҳанги забони тоҷики. (аз асри X то ибтидои асри XX). Ҷилди I,2 М.: Советская энциклопедия, 1969. –С.937.
173. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. / Под ред. С.Назарзода, А.Сангинова, С.Каримова, М.Х.Султона. В 2-х т. – Д.: ХДММ «Шуҷоиён», 2010. –С. 949
174. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / под ред. Д.Саймиднова, С.Д.Холматовой, С.Каримова – Д.: Матбаа АИ ҶТ, 2006. – С.784.
175. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. - М.: 1964. –С. 732

176. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик, в 2-х т. Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон. – 1963. – ҷ.1 – С.951.
177. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А.И.— М.: 1986. –С. 416.